

Герцель Давыдов

АКИВА И РАХЕЛЬ

История великой любви

Герцель Давыдов

Акива и Рахель
История великой любви

Второе издание,
дополненное

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Давыдов Г. Акива и Рахель. История великой любви.

Книга, представленная вниманию читателей, основана на истории высокой любви между раби Акивой и Рахель, описанной в Талмуде. Именно благодаря своей жене Акива сумел преодолеть непростой путь от неграмотного пастуха до одного из величайших раввинов в истории еврейского народа.

Мало кто знает об истинном вкладе раби Акивы в историю иудаизма, о том, что без его участия у иудеев не было бы Устной Торы. Этот выдающийся человек был не только религиозным лидером, вдохновителем восстания Бар-Кохбы против Римской империи, которое вспыхнуло в Иудее в 3892 году (132 г. н. э.), но и великим каббалистом и прирожденным учителем. Среди более двадцати тысяч учеников этого скромного человека были и такие великие раввины, как раби Меир Бааль а-Нес (раби Меир — чудотворец, который составил и записал «черновик» всей Мишны), раби Йосеф бен Халяфта, раби Элязар бен Шамуа, раби Йеуда бен Илай, раби Нехемия (составили и записали основную часть Мидрашей), а также раби Шимон бар Йохай (автор книги Зоар — основной книги каббалистической литературы).

Раби Акива похоронен в Твери — городе на северо-востоке Израиля. Этот великий человек оставил в истории иудаизма такой яркий след, что его именем названы улицы в разных городах Израиля, школы, ешивот и даже город — Ор-Акива («Свет Акивы»).

Глава 1

ИЕРУСАЛИМ! ИЕРУСАЛИМ!

Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя.

Пусть прилипнет язык мой к небу моему, если не вспомню о тебе, если я не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего.

Тэнилим, 137:5-6

После падения Иерусалима в 3830 году, когда Второй Храм был сожжен, мудрецы Иудеи всеми силами стремились сохранить центры изучения Торы. Часть из них выступали против иудейского восстания и считали, что возможность продолжать изучать Тору важнее, чем политическая независимость. Но решительно настроенные отдельные отряды выступили против римской армии, и это привело к катастрофе. Город был практически разрушен, а оставшиеся в живых жители оказались в невероятно сложных условиях.*

В городе стояла изнуряющая жара, несмотря на то что солнце уже совершало свой обратный путь и садилось за горизонтом. Обозревая окрестности Иерусалима, путник не собирався останавливаться и хотел во что бы то ни стало попасть на рыночную площадь до темноты. Он долго блуждал между узкими улочками, похожими друг на друга как две капли воды, пока, отчаявшись добраться до рынка к вечеру, не

* По иудейскому летоисчислению; 70 г. н.э.

решил укрыться в тени высокого дерева, чтобы переждать жару. Немного отдохнув в тени раскидистого дерева, мужчина, разглядел неподалеку лавку торговца пряностями и устремился к ней.

На скамье у входа в лавку сидел пожилой иудей в кипе.

— Мир тебе*, господин! — обратился к нему путник.

— Мир и тебе, — ответил седой иудей.

— Эта дорога приведет меня к рынку?

— Иди прямо и придешь на рынок.

Странник попросил разрешения постоять в тени и немного отдышаться. Торговец охотно позволил и предложил путнику воды. Незнакомец быстро осушил сосуд.

— Благодарю тебя, господин.

— В Иерусалиме в это время года всегда очень жарко, хочешь еще воды?

— Нет, я уже напился.

— У тебя усталый вид, ты идешь издалека? — поинтересовался хозяин лавки, приняв кувшин.

— Да, я проделал долгий путь.

— За многие годы я научился с первого взгляда определять, кто есть кто. Увидев тебя, я сразу догадался, что ты не здешний житель. Кого ты ищешь в Иерусалиме?

— Я здесь никого не знаю и пришел в Иерусалим из Галилеи** в поисках заработка, — ответил мужчина. — Мое имя Акива бен Йосеф***, я происхожу из геров****.

— Я Шэтия, торгую пряностями в Иерусалиме вот уже 60 лет. — Старик с достоинством произнес свое имя.

* В иврите нет обращения на «вы» к одному человеку.

** Галилея — историческая область на севере Израиля.

*** Акива бен Йосеф — букв. «Акива сын Йосефа».

**** Гер — потомок нееврея, перешедшего в иудаизм.

— Не найдется ли у тебя какой-нибудь работы для меня?
— спросил Акива. — Ты пожилой человек, а я готов выполнять любую, даже тяжелую работу за небольшую плату.

— Какая может быть работа у торговца в разграбленном и разоренном городе? Раньше дела шли хорошо, но теперь слава Б-гу, если хватает денег купить еду и питье. Ты, наверное, голоден?

— Да, но у меня есть немного денег, и я куплю себе еду на рынке.

— Деньги тебе еще пригодятся, и рынок уже скоро закроется, а торговцы будут спешить домой. Если у тебя нет знакомых в Иерусалиме, то отужинай со мной и моей женой Охелией, нам будет приятно.

Акива удивился, он не ожидал такого гостеприимства.

— Я готов отработать свой ужин. Ты меня совсем не знаешь, и я думаю, это будет справедливо.

— Ничего отрабатывать не нужно, мы почтем за честь, если ты поделишь с нами трапезу.

— Чем почетно присутствие такого простого человека, как я, для вас, жителей Иерусалима? — еще более удивился Акива.

— Если ты поужинаешь в нашем доме, мы хоть в чем-то сможем уподобиться праотцу нашему Аврааму, который разбил свой шатер посреди пустыни и приглашал в свой дом путников. Он не брал с них денег, все, что он просил, это чтобы они прочли благословение после еды и поблагодарили Единого Б-га.

— Авраам ваш родственник?

— Авраам всем нам родственник, так как он является отцом множества народов. Мы с женой всегда стараемся приглашать в свой дом гостей, следуя примеру праотца нашего Авраама, особенно по большим праздникам.

— Я никогда не слышал о нем, — признался Акива.

«Да, — покачав головой, подумал Шэтия, — встречаются еще невежды в Иудее, которые не знают Авраама».

— Ну что ж, преломи с нами хлеб. Ты расскажешь о себе, а я о Иерусалиме и Аврааме, — сказал вслух хозяин лавки.

Его жена отправилась в амбар за продуктами, чтобы приготовить еду на долю гостя. Мужчины вошли в дом, разулись, и хозяин дома предложил Акиве воды, чтобы он смог умыться после долгого пути. Затем и сам Шэтия умылся, и они прошли с Акивой к уже накрытому столу.

Гостя усадили около хозяина дома. Прежде чем приступить к трапезе, Шэтия произнес благословение, и все принялись за еду. Акива ел с большим аппетитом, но пытался сдерживать себя, чтобы не показаться невоспитанным. Он уже съел большой кусок мяса, когда хозяин дома поинтересовался:

— Акива, чем ты раньше зарабатывал себе на жизнь?

— Зарабатывал чем придется: пас скот, колол дрова или собирал хворост в лесу, а затем продавал их на рынке. — Акиве пришлось оторваться от тарелки с вкусной пищей.

— Шэтия, позволь, пожалуйста, гостю спокойно доесть ужин, потом поговорите, — вмешалась жена хозяина. Шэтия прислушался к совету жены.

Тарелка Акивы быстро опустела, и когда хозяин предложил добавки, он охотно согласился. Манеры Акивы смущали столичных жителей, но гостеприимные хозяева пытались не подавать виду. По завершении трапезы Шэтия призвал Акиву вместе с ним прочесть благословение, но тот признался, что не владеет грамотой и не умеет ни читать, ни писать, а про благословение после еды слышит впервые. Шэтии было странно слышать это. Он один прочел благословение после еды, и хозяйка дома принялась убирать со стола.

— Разве ты в детстве не ходил учиться грамоте, что не умеешь в зрелом возрасте писать и читать? — вернулся Шэтия к не дающему ему покоя вопросу.

— Я рано начал работать, и хотя мне уже тридцать пять лет, у меня никогда не было ни денег, ни времени, чтобы учиться, — грустно произнес Акива.

— Да, Акива, нелегко тебе придется в Иерусалиме, таких здесь называют ам-аарец*.

— В моем возрасте поздно что-либо менять.

— Священное Писание свидетельствует, что никогда ничего не поздно, запомни это. Ты сказал, что у тебя нет родственников в Иерусалиме.

— Да, я здесь никого не знаю.

— Сейчас уже поздно, оставайся у нас, а завтра с утра мы подумаем, что тебе делать и чем заняться в нашем городе.

Акива обычно просыпался чуть свет, но в этот раз проспал до обеда. Палящие лучи августовского солнца наконец разбудили его. За накрытым столом Акиву уже дожидались хозяева дома.

— Давно так не спал, ведь я обычно встаю с рассветом и ложусь спать поздно ночью, но, видимо, из-за долгого пути, который мне пришлось вчера пройти, я проспал до позднего часа.

— Это хорошо, что ты выспался. Мы старались тебя не будить, так как силы тебе понадобятся.

В скором времени супруга господина Шэтии накрыла на стол и пригласила своего мужа и гостя завтракать. Жареные лепешки, свежий козий сыр и ароматный кофе взбодрили Акиву. Он, как и накануне, ел с большим аппетитом, но потом вдруг резко остановился. Он подумал, что и так злоупотребляет гостеприимством и если съест все, что стоит на столе, это будет неправильно.

— Что случилось, Акива, почему ты не ешь? — обеспокоилась хозяйка.

* Ам-аарец — букв. «народ земли», так называли невежд и простолюдинов.

— Благодарю, я уже сыт, и мне нужно идти, я и так у вас задержался.

— Не спеши, поешь и попей хорошенько, силы тебе пригодятся. Куда ты собираешься идти, Акива? — остановил его Шэтия.

— Пойду на рынок и поспрашиваю у торговцев, не требуются ли им работники. Мне очень нужна работа, чтобы купить еду и оплатить ночлег.

— Возможно, Кальбе Савуа нужны работники.

— Кто такой Кальба Савуа?

— Кальба Савуа — один из трех самых богатых людей в Иерусалиме, — ответил хозяин. — Я раз в неделю отвожу пряности для его семьи, и мы уже много лет хорошие знакомые. Его дом всегда полон гостей, и за это он носит прозвище Кальба Савуа*.

— Почему у него такое странное прозвище? — удивился Акива.

— Потому что, если даже собака входит в его дом голодной, она выходит оттуда сытой. Двери его дома всегда открыты для гостей, и он тоже стремится походить в этом на праотца нашего Авраама. — Шэтия немного помолчал и с грустью добавил: — Но сейчас, после неудавшегося восстания, римляне обложили его высокими налогами.

— Он принимал участие в восстании? — удивился Акива.

— Он не только уважаемый и богатый человек, он верный сын своего отечества. Трое самых богатых иерусалимских жителей помогали восставшим.

— Кто же другие двое?

— Накдимон бен Гурион и Бен Цицит Акесет. О богатстве этих людей складываются легенды. Они втроем могли бы прокормить весь Иерусалим.

* Кальба Савуа — букв. «сытая собака».

— Почему тогда римлянам удалось захватить Иерусалим и разрушить город?

— Узнав о приближении римской армии, Кальба Савуа, Накдимон бен Гурион и Бен Цицит Акесет наполнили свои склады продовольствием, которого в случае осады города должно было хватить на двадцать один год. Они были уверены, что у римлян не хватит сил и продовольствия для долгой осады и они отступят. Но некоторые жители Иудеи не желали следовать этому плану и жаждали сразиться с римлянами лицом к лицу. Они подожгли склады в надежде на то, что, когда в городе не останется еды и воды, не будет и возможности выжить и тогда сограждане вместе с ними бросятся в бой. Чем это закончилось, всем известно.

— Я почел бы за честь работать у столь уважаемого человека. Если он примет меня, я буду, господин Шэтия, тебе очень благодарен.

— Не нужно мне никаких благодарностей, доедай свой завтрак, и мы отправимся к Кальбе Савуа — как раз сегодня повезу ему пряности, — произнес торговец и затем, будто разглядев в глазах Акивы вопрос, пояснил: — Евреи должны помогать друг другу и держаться вместе, особенно в столь тяжелые для нашего народа дни.

Акива был очень взволнован: если удастся устроиться к этому богачу, то он получит хорошее жалованье, крышу над головой и сможет пережить сложные времена.

Взвалив тяжелую сумку с пряностями на спину осла, они отправились в путь. Дорога, по которой они должны были идти, проходила мимо рынка.

— Если ничего не получится, я хочу вернуться сюда до захода солнца и поискать работу у торговцев. Может, кому-то понадобится моя помощь, — сказал Акива.

Старик его остановил:

— На рынок ты всегда успеешь прийти и найдешь здесь разную работу, но если тебе удастся устроиться у Кальбы Са-вуа, это будет надежнее.

— Да, уважаемый Шэтия, ты прав. Мне уже за тридцать, и я хочу добрую работу, чтобы спокойно встретить старость, — согласился Акива.

Вдали, за городским рынком виднелись руины когда-то многочисленных строений и среди них одна-единственная сохранившаяся стена.

Шэтия, поймав взгляд спутника, брошенный на городские развалины, пояснил:

— Это Храмовая гора — на ней и возвышался Храм! Тысячу лет наши предки чтили это место и приходили сюда молиться. Римляне разграбили и разрушили наш Второй храм всего через шесть лет после окончания его строительства. Это произошло 9 ава* 3830 года (2 августа 70 г. н.э.). Это не единственное печальное событие, приходящееся на эту дату. Первый храм — храм царя Шломо**, построенный около тысячи лет назад, — тоже был разрушен именно 9 ава.

— Ты можешь считать меня глупым, господин, но я не верю во все эти совпадения.

— Акива, какое я имею право думать о тебе так? Все мы равны перед Вс-вышним, благословенным, и можем иметь свою точку зрения на происходящие события. Если бы Он, милосердный, хотел, чтобы у всех людей были одинаковые взгляды на разные события, то Он бы так и сделал. Но раз мы все

* Месяц ав — пятый месяц еврейского календаря, если отсчитывать месяцы от исхода из Египта. Соответствует приблизительно июлю–августу.

** Царь Шломо (на рус. яз. — Соломон) — сын царя Давида от Бат-Шевы, третий еврейский царь. Царь Шломо оставил после себя три книги: «Шир а ширим» (Песнь песней), «Мишлей» (Притчи царя Соломона) и «Козлет» (Экклезиаст).

разные, то, значит, так и должно быть. Но я часто думаю, почему недавние печальные события и разрушение храма Шломо произошли в один и тот же день. Может, это знак?

— Я не могу дать тебе ответ на этот вопрос, уважаемый Шэтия. А почему Первый храм ты называешь храмом Шломо? Его построил Шломо Мудрый?

— Да, Первый храм был построен великим царем Шломо, которого многие называют Шломо Мудрый, по праву считавшимся умнейшим человеком. Есть и такие, кто именует его Шломо Великим, так как время его правления считается эпохой расцвета монархии и иудейского могущества. Он славился необычайным богатством, а самое главное — мудростью и справедливостью. Когда я вижу, что творится в Иерусалиме, вспоминаю историю с перстнем Шломо и нахожу некое утешение.

— А что было необычного в его перстне?

— Говорят, что на его перстне была высечена фраза: «Все проходит». И в моменты сильного гнева царь Шломо всегда смотрел на эту надпись, и это помогало ему обрести спокойствие. Но однажды он так разгневался, что не смог совладать с собой, даже смотря на эту надпись. В гневе он сорвал кольцо с пальца и уже собрался бросить его, как в последний момент заметил светящиеся буквы на внутренней стороне кольца. Он приблизил кольцо — надпись гласила: «И это тоже пройдет». Шломо рассмеялся и снова надел кольцо.

Торговец тяжело вздохнул:

— Может, и эти сложные для нашего народа времена пройдут...

— Ты тоже мудрый человек, господин Шэтия. Даже если Кальба Савуа не примет меня, я все равно буду тебе очень благодарен, — отозвался Акива.

Шэтия не согласился:

— Я стараюсь учиться, общаться с мудрецами Торы, учениками ешив*, хожу в синагогу, но все равно до мудрости царя Шломо мне ой как далеко. Он великий царь, он удостоился чести построить Храм, а я простой смертный. Акива, если у тебя возникнет желание, можешь посещать синагогу со мной.

— Уважаемый Шэтия, прости, но сейчас я к этому не готов. И ты знаешь, за всю мою жизнь у меня сложилось не совсем положительное впечатление о религиозных людях.

— Я не настаиваю! К этому каждый должен прийти сам, каждый сам должен проложить свою дорогу к мудрости. Когда будешь готов, скажи.

Акива молча согласился, и оставшуюся часть пути они прошли без единого слова, думая каждый о своем. Время приближалось к полудню, и солнце нещадно пекло, когда Шэтия сказал:

— Ну, вот мы и пришли — это владения Кальбы Савуа.

С возвышенности, на которой стояли Акива и Шэтия, был виден огромный особняк с цветущим садом и тучное поле, которое пересекала протекающая по нему речка.

* * *

Путники прошли в ворота имения Кальбы Савуа, и Шэтия, прихватив сумку с пряностями, направился к огромному особняку, поручив Акиве своего осла. Поравнявшись с деревянным колодцем, стоявшим посреди двора, торговец увидел бегущую ему навстречу молодую девушку, лет двадцати, необыкновенно красивую. Она радушно поприветствовала гостя

* Ешива — букв. «сидение, заседание»; еврейское высшее религиозное учебное заведение.

и поднесла ему кувшин с водой, набранной из колодца. Шэтия умылся и, выпив холодной воды, прошел в дом.

Приняв кувшин из рук Шэтии, девушка наполнила его еще раз, чтобы, как обычно, напоить осла, но увидела незнакомца и подошла к нему.

— Пей, пожалуйста, — протянула она кувшин гостю, — наверное, тебе с господином Шэтией пришлось преодолеть долгий путь.

Акива скромно принял кувшин из рук девушки, внимательно посмотрев в ее карие глаза. Он сразу же влюбился в нее, его одинокое сердце распахнулось ей навстречу.

— Ты пей сколько угодно, а я пойду напою и накормлю осла господина Шэтии. Наверное, жажда измучила бедное животное, ослик выглядит усталым, — продолжала девушка.

Набрав очередной кувшин, девушка наполнила водой глубокое корыто и, подведя осла к воде, стала гладить его по шерсти и нежно приговаривать:

— Пей, ослик, ты сегодня много ходил и, наверное, очень устал.

Когда осел осушил корыто, девушка забрала пустой кувшин у Акивы и, вернув его к колодцу, направилась в дом.

Кальба Савуа встретил старого знакомого со всеми почестями и пригласил отобедать. Трапеза прошла в беседах о Иерусалиме и будущем иудеев в родной стране. Кальба Савуа пошел по обыкновению проводить гостя до двери, когда Шэтия сказал:

— Я могу обратиться к тебе с просьбой?

— Если у тебя торговля идет не очень хорошо и тебе нужны деньги, буду рад тебе помочь, — с готовностью откликнулся Кальба Савуа. — Вернешь, когда сможешь, а если не сможешь, то мы оба забудем об этом. Ты мне как старший брат.

— Вчера к моему дому подошел человек, и я пригласил его поужинать. Он издалека, и ему нужна работа. Мне хотелось

бы помочь ему, но я не знаю как и потому решил обратиться к тебе.

— Ты напугал меня, мой дорогой Шэтия, я думал, у тебя произошло что-то серьезное. Приведи его, я дам ему работу, еду и ночлег. Мне нужны помощники и управляющие, которые смогут вести хозяйство. Я один уже ничего не успеваю.

— Да, Кальба Савуа, мы с тобой не молодеем, и нам нужны помощники. Но он не справится со столь ответственной должностью. Думаю, вести хозяйство ему не совсем подойдет. Может, у тебя есть более простая работа?

— Зачем простая? Раз ты просишь, я дам твоему человеку хорошую работу.

— Акива не умеет ни писать, ни читать, и я думаю, ему будет сложно работать твоим помощником.

— Сколько же ему лет?

— Около сорока, он ам-аарец, но он показался мне очень хорошим человеком, несмотря ни на что.

— Сегодня в Иерусалиме редко встретишь человека, который в таком возрасте не умеет читать и писать. Он правоправный иудей, посещает синагогу, знает молитвы, читает благословение после еды? — спросил Кальба Савуа.

— Нет, он говорит, что всю жизнь занимался тяжелым трудом и у него не было времени учиться.

— Что ж, я попрошу своих помощников научить его молитвам... после работы, конечно, — засмеялся Кальба Савуа. — Поголовье скота увеличилось, и мне нужен хороший пастух. Приводи своего Акиву, и мой помощник Эзра покажет ему имя и скот.

— Он пришел со мной и сейчас ожидает у ворот.

— Тогда пусть приступает к своим обязанностям прямо сегодня, — улыбнувшись, произнес Кальба Савуа.

— Благодарю тебя, Кальба Савуа, ты столько делаешь для нашей общины. Будь благословен!

— Я уверен, что, если бы у тебя была возможность, ты поступил бы так же.

— Я простой торговец, но ты, Кальба Савуа, уважаемый человек — цадик*. О тебе люди слагают легенды и, наверное, будут говорить даже через тысячу и две тысячи лет как об одном из самых богатых людей Иерусалима.

Шэтия сообщил радостную новость Акиве. Тот сердечно поблагодарил своего покровителя и направился вместе с Эзрой, управляющим хозяйством и помощником Кальбы Савуа, знакомиться с хозяйством.

Эзра показал Акиве, как устроено имение, и по поручению Кальбы Савуа отвел ему отдельную комнату в доме, где жили слуги. Также Кальба Савуа положил ему хорошее жалованье и дал даровой стол вместе с другими слугами.

Акиве нравилась работа, он мог в одиночку подолгу пасти у реки скот, за которым должен был присматривать. Он радовался тому, как всё устроилось, и был готов прожить так всю оставшуюся жизнь.

* Слово «цадик» происходит от слова «цедек», что на иврите значит «справедливость»; человек, который стремится жить по законам Торы и помогать ближнему.

Глава 2

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Я принадлежу любимому моему, а любимый мой принадлежит мне; он пасет между лилиями.

Шир а-Ширим, 2:16

Осень выдалась дождливой. Акива по-прежнему пас овец в имении Кальбы Савуа и получал приличное жалованье. Каждое утро он выгонял из загона отару овец и спускался со стадом к пастбищу около реки. Животные мирно паслись, а пастух любовался природой и наблюдал за тем, как течет река.

Акива очень заботился о своем стаде и старался, чтобы животные паслись в хорошем месте, где растет сочная трава. Он оберегал овец от чрезмерного холода, шума и невыносимой жары. В дни, когда гости Кальбы Савуа, желающие пообедать на свежем воздухе, переходили в беседку, с которой открывался прекрасный вид на реку, и подолгу спорили о будущем еврейского народа, Акива перегонял овец в более спокойное место. Пастух считал, что умиротворенные овцы смогут давать больше шерсти, а их мясо будет ароматнее и сочнее. Но в дни, когда та юная девушка в компании служанки подолгу читала в беседке книги, Акива не угонял стадо, он изредка бросал взгляд в ее сторону, чтобы узнать, не смотрит ли она на него. Девушка, увлеченная чтением, не замечала пастуха, а когда ее глаза уставали, она переводила взгляд на реку, на ее блестящие под лучами палящего солнца воды.

По пятницам Акива пригонял овец на пастбище с первыми лучами солнца, чтобы успеть вернуться обратно до

наступления темноты. После заката начинался шаббат*, а в шаббат в имении Кальбы Савуа иудеи не работали. Иногда Акива по приглашению господина Шэтии встречал шаббат в его доме. Пожилые супруги радовались его приходу и радушно встречали гостя.

Акива давно терялся в догадках, кто та прекрасная незнакомка, напоившая его водой, как ее зовут, но ответов на свои вопросы не находил. Боясь вызвать гнев управляющего, Акива молчал и не обращался к нему за разъяснениями.

Иногда, возвращаясь в имение после работы, он направлялся к колодцу в надежде хоть на мгновение увидеть милую девушку. Наполняя кувшин, Акива подносил его к губам, медленно пил из него, стараясь рассмотреть, что происходит вокруг. Иногда ему удавалось увидеть, как девушка развешивает белье вместе со служанкой, кормит лошадей или наполняет кухонными отходами огромное корыто около дверей дома. Она регулярно делала это, чтобы корыто не пустовало и бродячие собаки могли поесть из него. Акиве нравилось наблюдать, как она трудится, но больше всего ему нравилась ее теплая улыбка.

Но однажды, в один жаркий летний день, наполняя кувшин водой из колодца, Акива услышал громкий лай собак и, обернувшись, увидел, как бездомная собака, прибежавшая к корыту, яростно лаяла на девушку, пытавшуюся, как обычно, наполнить его отходами. Собака, увидев кастрюлю в ее руках и учуяв запах съестного, продолжала лаять на девушку, вынуждая бросить кастрюлю с содержимым на землю.

Акива бросился на помощь, криками пытаясь отогнать озлобленную псину. Собака неохотно отступила, потом решила

* Шаббат (Суббота) — седьмой день недели в иудаизме. По законам Торы в этот день следует воздержаться от работы. Шаббат начинается с вечера пятницы и считается наиболее значительным из еврейских праздников.

вернуться и отвоевать кастрюлю. Акива замахнулся на нее кулаком — посоха с ним не было, и собака, прежде чем убежать, укусила его за руку. Девушка бросилась к Акиве, но пастух молча повернулся к ней спиной и ушел.

Она глядела вслед человеку, который быстро удалялся в сторону реки, чтобы промыть рану, здоровой рукой одновременно зажимая кровоточащий покус. Она никогда не видела сразу столько крови и поэтому долго не могла уснуть, думая о своем пастухе-герое.

Акива, которого по роду его прежних занятий не раз кусали собаки, насекомые и даже змеи, не придавал случившемуся особого значения. Он промыл руку водой из реки и, крепко перевязав ее, стал думать о девушке. «Возможно, она дочь служанки, она повсюду сопровождает ее, или родственница Кальбы Савуа», — рассуждал он сам с собой.

Проходил день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

Дела в Иудее обстояли все хуже и хуже. Иерусалим был разрушен, жители города с трудом сводили концы с концами. Они исправно платили большие налоги римлянам, чтобы не повторить судьбу других иудеев и не быть угнанными в рабство. Жители пытались воссоздать в Иудее духовную жизнь в отсутствие Храма и сохранить Священное Писание для еврейского народа.

Акива же был далек от всего этого, он не думал ни о Торе, ни о разрушении Храма. Каждый день он выводил овец на пастбище и с волнением ждал встречи с прекрасной незнакомкой.

* * *

Наступающий шаббат Акиве предстояло встретить у Шэтии. После обеда он загнал овец и, предупредив управляющего, что сегодня не будет присутствовать на праздничной трапезе,

отправился в дом Шэтии. У главных ворот он снова встретил знакомую чтицу с прекрасными длинными волосами. Ее шею украшала золотая цепочка, на которой висели три непонятные для Акивы буквы. Он не мог отвести от девушки глаз и едва не ударился головой о ворота. Направляясь в дом господина Шэтии, па́стух всю дорогу думал о ней.

После сытного ужина господин Шэтия прочел благословение, завершающее шаббатную трапезу. Затем он вкратце рассказал Акиве и своей жене Охелии об основных моментах в недельной главе Торы и, после того как все традиции были соблюдены, спросил у гостя:

— Акива, как тебе работается у Кальбы Савуа?

— Спасибо, очень хорошо. У меня еще никогда не было такой работы и такого хорошего заработка. Мне нравится пасти овец и целый день быть на свежем воздухе.

— Ты не устаешь?

— Я работаю с самого детства и привык к любой работе. Работа у Кальбы Савуа легкая по сравнению с тем, что мне приходилось делать раньше. Раньше я работал круглый год, с утра и до позднего вечера, без отдыха, а сейчас я отдыхаю в шаббат и праздники. Господин Шэтия, я хотел узнать, сегодня какой-то иудейский праздник?

— Нет! Почему ты спрашиваешь?

— В имени Кальбы Савуа с самого утра все суетятся.

— Кальба Савуа сегодня празднует свой шестидесятый день рождения. Я был сегодня в его доме, привозил свежие пряности и даже успел подарить имениннику серебряную Менору*. Он уговаривал меня остаться и разделить это радостное

* Менора — букв. «светильник». Семиствольный светильник (семисвечник), который стоял в Иерусалимском храме. С древнейших времен — символ иудаизма, еврейский религиозный атрибут.

событие с ним и его многочисленными друзьями, среди которых был даже раби Йоханан бен Закай* из Явне. Но я, пропросив прощения и подняв за его здоровье бокал красного вина, поспешил вернуться домой к шаббату.

— Кто такой раби Йоханан бен Закай? — поинтересовался Акива.

— О, это один из самых известных и уважаемых раввинов. Он глава ешивы в городе Явне и на сегодняшний день духовный лидер всей Иудеи. Мне посчастливилось несколько раз пообщаться с ним, он просто замечательный человек, настоящий лидер. Глядя на то, как такому пожилому человеку удается сохранять ясность ума, мудрость и лидерские качества, просто поражаешься.

Но Акиве, услышавшему в рассказе Шэтии фразу об имении Кальбы Савуа, сразу вспомнилась девушка, и история о раввине отодвинулась на второй план. Акива, слушая хозяина дома, увлеченно рассказывающего о своей первой встрече с раби Йохананом бен Закаем, мысленно подбирал слова, чтобы задать давно мучающий его вопрос, и, как только наступила короткая пауза, он, не дождавшись окончания рассказа о раввине, произнес:

— Господин Шэтия, могу я тебя спросить? Ты часто бываешь в имении Кальбы Савуа, скажи, как зовут молодую девушку, живущую в его доме?

— У него живет много женщин. Одни убирают в доме, другие ведут хозяйство, третьи готовят, еще одни стирают одежду. Которая из них тебе понравилась? — улыбнулся старик.

— Очень милая девушка лет двадцати, с красивыми длинными волосами.

* Раби Йоханан бен Закай — выдающийся раввин и мудрец эпохи разрушения Второго Храма. Возглавлял Санедрин в городе Явне.

— Покажи мне ее при случае, и я, возможно, вас познакомлю. Если хорошая девушка и она работает у Кальбы Савуа, то я замолвлю перед ним слово за тебя.

— Молодая девушка с длинными черными волосами. Помнишь, когда мы в первый раз переступили порог дома Кальбы Савуа, она угостила нас водой из колодца, и еще в прошлый раз, когда ты приходил с пряностями, она провожала тебя с Кальбой Савуа до ворот. Я в это время возвращался с пастбища с овцами.

Шэтия силился вспомнить, кто же его провожал в последнюю среду, когда он выходил от Кальбы Савуа. Вдруг он вздрогнул и громко крикнул:

— Забудь о ней!

— Что с тобой произошло, Шэтия? — испугалась госпожа Охелия.

— Забудь о ней и даже не смотри на нее, я тебя очень прошу, — настойчиво повторял взволнованный Шэтия. Он повернулся к обеспокоенной супруге: — Ты знаешь, о ком он говорит? Он говорит о Рахель, дочери Кальбы Савуа.

Шэтия сильно встревожился, его лицо побагровело. Но, несмотря на просьбы жены успокоиться, он продолжал волноваться.

— Если Кальба Савуа узнает, что она тебе нравится, — обратился старик к Акиве, — или, того хуже, что ты пытаешься с ней познакомиться, он сделает так, что ты больше никогда не будешь работать в Иерусалиме. Ты хочешь потерять работу и снова каждый день искать заработок?

Аквива опустил голову.

— Прости, что я тебя заставил волноваться. Мне даже в голову не могло прийти, что у Кальбы Савуа такая юная дочь.

— Она поздний ребенок, поэтому он ее так любит и бережет. Дочь — все, что у него осталось. Прошу тебя, Аквива, выбрось ее из головы, — уже более спокойным тоном произнес Шэтия.

Акива и госпожа Охелия пытались сменить тему разговора на более нейтральную, и, когда он немного успокоился, все пошли отдыхать.

Акива долго не мог заснуть и пребывал в грусти. Разве мог такой бедняк, как он, жениться на дочери самого Кальбы Савау? Он убеждал себя прислушаться к совету господина Шэтии и больше не думать о ней, но ничего не мог с собой поделать. Все его мысли были только о ней, о Рахель. Теперь, когда ему стало известно ее имя, оно казалось ему самым прекрасным на свете. Но, взвесив все еще раз, Акива все-таки решил взять себя в руки и навсегда забыть о красавице, чтобы не портить жизнь себе и не подвергать опасности дружбу господина Шэтии с Кальбой Савау.

* * *

Жизнь текла, как прежде. Первая зима Акивы в имении Кальбы Савау выдалась холодной. Ему приходилось много работать, чтобы в таких условиях сохранить поголовье овец. Он трогательно заботился об овцах и проводил с ними большую часть своего времени, так как работа помогала ему хоть некоторое время не думать о Рахель.

Весеннее солнце снова начало согревать приходивших в себя после холодной зимы жителей Иерусалима. Тропинка, ведущая к реке, подсохла, и Акива стал чаще выводить овец к реке. Прекрасные солнечные дни время от времени сменялись дождливыми, но они не могли омрачить жизнь Акивы, который получал удовольствие от своей работы. Ближе к Пейсаху*, как обычно, в имении Кальбы Савау было принято про-

* Пейсах — иудейский праздник, который празднуется весной в память Исхода евреев из Египта.

водить учет. Акиве, несмотря на холодную зиму, удалось не только сохранить, но и увеличить поголовье скота.

Управляющий был доволен Акивой и пообещал поговорить с Кальбой Савуа о прибавке к жалованью.

Пейсах в имении Кальбы Савуа, как и во всей Иудее, праздновали широко, вопреки всем трудностям. После празднования Пейсаха Акива снова начал ежедневно выводить овец к реке, но, как только сгущались тучи, грозя дождем, он сразу же спешил привести отару обратно в загон.

Стоял весенний день. Внезапно хлынул сильный дождь. Акива никак не мог справиться с отарой, которая, слыша гром и пугаясь молнии, с бляением разбегалась в разные стороны. Он весь промок и приложил немало усилий, чтобы загнать всех овец в загон. Заперев овец, он и сам хотел укрыться от ливня и ураганного ветра, переодеться и согреться, но, бросив напоследок взгляд на пастбище, увидел забытого им ягненка. Сильный ветер сдувал его в сторону реки. Ягненок боролся из последних сил, чтобы не сорваться в реку, но силы его были на исходе.

Акива поспешил на помощь. Ветер рванул и сбил ягненка с ног, сильное течение уже уносило обессиленного малыша. Акива бросился в воду, быстрыми движениями добрался до ягненка и вытащил его на сушу. Ягненок был напуган и весь дрожал от холода. Над рекой стояла беседка, и Акива устремился к ней в надежде укрыться от непрекращающегося ливня. Пастух быстро преодолел подъем и подбежал к беседке, прижимая к груди спасенного ягненка. В беседке стояла Рахель. Заметив девушку, Акива поспешно вышел из-под навеса, но до него донеслись слова девушки:

— Куда ты бежишь? Прошу, вернись. Тебе нужна сухая одежда, возьми мою накидку.

Акива движением головы отказался от накидки, но вернулся и молча присел на край скамейки, отвернувшись в сторону

реки, чтобы не смотреть на девушку. От волнения он еще крепче обнял дрожащего ягненка.

— Когда ты спас меня от собаки, я долго молилась, чтобы с тобой все было в порядке, чтобы ты не пострадал за меня. Я не стала никому рассказывать, так как не хотела, чтобы эта история дошла до отца. Если он узнает, он непременно запретит мне кормить собак и лошадей или вообще выходить из дома. Но если бы я не увидела, что на следующий день с тобой было все в порядке, я бы обязательно рассказала отцу и он бы непременно вызвал лучших врачей.

Ты очень храбрый и порядочный человек. Сегодня я имела возможность еще раз в этом убедиться, когда увидела, как ты спас ягненка. Наверное, не многие из пастухов решились бы броситься в реку, даже будь это их собственная овца. А ты бросился спасать животное, которое тебе не принадлежит.

Акива не ответил.

Рахель продолжила:

— Осенью я часто наблюдала, как ты пас овец у реки, но зимой было холодно и я редко приходила сюда. Мне нравится смотреть на воду, на ее движение. Я могу сидеть здесь часами, погружившись в свои мысли и раздумья. Я думаю о жизни, не о самой жизни, не почему мы родились, а о своей роли в ней. Зачем я появилась на этот свет, каково мое предназначение? Часто думаю о будущем. О чем ты думаешь, глядя на реку? — спросила девушка.

Грянул гром, и ягненок, испугавшись, жалобно заблеял.

Рахель сняла с себя накидку и протянула Акиве:

— Укрой ягненка, ему будет теплее и спокойнее.

Акива принял у Рахель накидку и укутал маленькую овечку.

Дождь потихоньку стихал и терял силу. Акива, не попрощавшись, быстро направился к себе, унося с собой спасенного, а Рахель отправилась домой.

Весь вечер пролежал Акива, прижимая к себе накидку Рахель. Он не верил тому, что они встретились и она не насмеялась над ним, а беседовала с ним. Это было похоже на сон, но накидка, которую Рахель дала для того, чтобы укутать ягненка, доказывала реальность произошедшего. Он вдыхал тонкий аромат, исходивший от накидки, и это снова погружало его в переживания сегодняшней встречи. Мечты уносили его далеко, но он пытался успокоиться и заснуть после тяжелого дня. Поутру он решил взять с собой накидку и передать Эзре или кому-то из служащих, чтобы они вернули ее хозяйке.

День наступил прекрасный, на небе не было ни облачка. Акива погнал овец на пастбище, а сам, как обычно, сел на камень около реки и стал смотреть на воду. Ягненок, спасенный им вчера, пасся рядом, и Акива время от времени поглаживал его по шелковистой шерстке. Душа Акивы была в смятении. С одной стороны, он с нетерпением ждал появления Рахель, а с другой — боялся встречи с ней, так как понимал, что, увидев ее, услышав ее нежный голос, влюбится с еще большей силой и больше не сможет жить без любимой. Беседка пустовала. Солнце стало опускаться за горизонт, и настала пора возвращаться в имение. Акива встал с камня, держа в правой руке посох, а в левой накидку, готовый гнать овец на ночлег, как вдруг услышал голос из беседки:

— Здравствуй, вижу, ты принес мою накидку. Я сейчас спущусь за ней.

Акива растерялся, волнение охватило его. Он не знал, как себя вести и что делать. Рахель в это время осторожно спустилась вниз к реке, и Акива передал ей накидку. Они случайно встретились взглядами. «Она прекрасна как никогда», — подумал Акива, но через мгновение снова отвел глаза в сторону.

Забрав накидку, Рахель произнесла:

— Я рада видеть тебя в здравии после вчерашнего происшествия. А где ягненок, которого ты спас?

Акива указал рукой на ягненка, которого он целый день не отпускал от себя.

— Он такой милый. Если бы отец разрешил, я бы забрала его к себе в комнату. Я бы кормила его, купала и даже спала с ним. У него такая нежная шерсть, а глаза такие печальные и красивые. Ты так не считаешь?

Акива молчал — то ли из-за слов Шэтии, то ли из-за опасения сказать глупость и разочаровать Рахель, он и сам не знал.

— Ты всегда такой молчун? — Рахель слегка обиделась. — А мне нравится разговаривать, особенно в такой прекрасный день. Какую ты любишь погоду? Какое твое любимое время года? — Девушка засыпала Акиву вопросами.

Акива ничего ей не ответил.

— А ты меня хоть слышишь?

Акива утвердительно качнул головой.

— Как хорошо, а то я начала уже волноваться. Ты меня порадовал, я уж подумала, что ты глухой. А говорить ты умеешь?

Акива снова покачал головой, не глядя в сторону прекрасной собеседницы.

— Я знаю, что умеешь, — продолжала настойчивая Рахель, — я слышала, как ты несколько раз разговаривал с Эзрой.

Акива молчал.

— Что же ты молчишь? Может, Эзра запретил тебе разговаривать со мной или ты, увидев меня, потерял дар речи?

Акива от волнения снова кивнул.

— Не понимаю, — улыбнулась Рахель. — Ты на все вопросы отвечаешь «да»?

Акива отрицательно покачал головой.

— Вот и первый отказ, — рассмеялась Рахель. Она не собиралась сдаваться: — Имя у тебя есть?

Акива продолжал молчать.

— Вновь превратился в глухонемого? — Рахель было и смешно, и немного обидно. — Ты не хочешь назвать своего имени, не говоришь со мной, не отвечаешь на вопросы и не смотришь на меня. Что такого тебе сказал Эзра? Что если ты согласишься посмотреть на меня, то превратишься в статую? — шутила Рахель.

Акива действительно как будто превратился в камень, словно ослеп и оглох.

— Мне пора идти. Отец, наверное, уже волнуется. — Рахель на минуту задумалась и вдруг предложила: — Напиши мне свое имя на песке.

Акива наконец решился заговорить и признался, что не умеет ни писать, ни читать, и после некоторой заминки добавил:

— Мое имя Акива.

Рахель задорно рассмеялась:

— Ты взрослый человек и не умеешь написать даже своего имени?

Рахель ушла, а Акива опустил голову и впал в глубокую грусть. «Зачем я ей сказал, что не умею писать и читать, — думал Акива, — она больше никогда не захочет разговаривать со мной. Конечно, она образованная девушка и первый раз видит такого невежду, как я. Лучше бы я молчал, тогда хоть изредка смог бы видеть ее, слышать ее чудесный голос, но теперь... Теперь она будет сторониться меня».

Глава 3

ОТВЕРСТИЕ

В БОЛЬШОМ КАМНЕ

Сильна, как смерть, любовь.

*Большие воды не могут потушить
любви, и реки не зальют ее.*

Шир а-Ширим, 8:6-7

Следующие несколько дней Акива не видел Рахель и после отдыха в шаббат приступил к своим обязанностям. Он вывел овец из загона и погнал их к реке. Сидя на берегу, он погрузился в мысли о Рахель. В этот раз девушка так и не пришла.

Акива несколько дней не видел Рахель и даже не надеялся встретиться с ней, размышляя о предыдущей встрече. Но через день после разговора девушка неожиданно пришла в поле. Она набралась смелости и произнесла:

— Мир тебе, Акива. Мне хотелось бы извиниться за свое поведение. Я в самом деле никогда не встречала людей, которые не умеют читать и писать.

Акива с грустью улыбнулся:

— Многие, когда узнают, что я неграмотен, начинают смеяться надо мной. Сначала меня это очень задевало, а сейчас я уже привык.

— Обещаю, что больше никогда не буду смеяться, — заявила Рахель.

— Благодарю тебя. — Акива действительно был ей благодарен за это.

Рахель выглядела немного усталой, и Акива предложил ей присесть на соседний камень. Она с удовольствием приняла его предложение и, постелив на камень поданную Акивой накидку, присела.

— Тебе удобно? — поинтересовался Акива.

— Да, спасибо, — с готовностью отозвалась Рахель. — В прошлый раз ты назвал свое имя, а я забыла. Это невежливо. Мое имя Рахель, я дочь Кальбы Савуа.

— Я знаю, — тихо произнес Акива. — У тебя очень красивое имя, в честь кого тебя назвали?

— В честь нашей праматери Рахель.

— Расскажи мне, пожалуйста, о ней, — попросил Акива.

— Тебе и в самом деле неизвестно, кто такая была Рахель? — удивилась девушка. — Она была женой праотца нашего Яакова. Надеюсь, кто такой праотец Яаков, ты знаешь.

Акива отрицательно покачал головой.

— Я тебе расскажу. Яаков был сыном праотца нашего Ицхака и праматери Ривки. Скрываясь от гнева своего брата, он отправляется к Лавану, брату своей матери. У Лавана было две дочери, старшая Леа и младшая Рахель. Яаков с первого взгляда полюбил Рахель и, чтобы жениться на ней, согласился служить пастухом в доме Лавана семь долгих лет. Семь лет прошли для Яакова как несколько дней, потому что его любовь к Рахель была сильна.

— Семь лет ради права жениться, разве такое возможно? — не поверил Акива.

— Да, Яаков согласился на это, и время пролетело для него незаметно, потому что он очень сильно любил Рахель.

Рахель немного помолчала, собираясь с мыслями, затем продолжила:

— Слушай, что было дальше. Когда срок истек, Яаков пришел к Лавану и попросил отдать ему в жены Рахель. Лаван

согласился, назначил день свадьбы и пригласил много гостей. Яков не доверял ему и договорился с невестой об условном знаке, который она должна была дать ему перед церемонией. Но, когда пришло время свадьбы, Лаван обманул Якова и подменил Рахель на Лею. Яков понял это только после свадьбы, когда она сняла фату, но было уже поздно. Позже он узнал от Рахель, что та, чтобы не опозорить сестру перед гостями, поведала ей об условном знаке.

Лаван предложил Якову отработать еще семь лет в его доме, чтобы тот все-таки смог получить в жены Рахель. Яков сразу же согласился, так как они с Рахель очень любили друг друга. Позже у них родился первенец, которого назвали Йосифом. К несчастью, при родах второго сына, Биньямина, Рахель умерла.

— Да, это очень печальная история, — задумчиво произнес Акива. — Думаю, редко кто сегодня смог бы так поступить. Я бы никогда не отдал своего. Если она так сильно любила Якова, зачем отдала сестре?

— Наша праматерь Рахель была очень милосердной. Она сильно любила Якова, но уступила его своей сестре, чтобы спасти ее от позора. Она плакала днями и ночами, что Яков обнимает не ее, ради кого он служил семь лет, но не жалела о своем поступке.

До сего дня иудеи в трудные минуты приходят молиться к ее могиле в Бэйт-Лэхэм*, чтобы пробудить милосердие Вс-вышнего. А наша праматерь Леа вместе с праотцем Яковым похоронены в Хевроне**.

* Бэйт-Лэхэм — букв. «Дом хлеба». Русский вариант — Вифлеем.

** Хеврон — один из наиболее древних городов мира. Находится рядом с Иерусалимом (в 30 км к югу). Иудеи считают Хеврон священным городом, наряду с Иерусалимом, Цфатом и Тверией. На краю Хеврона находится Меарат а-Махпела (Пещера Патриархов), где покоятся наши праотцы и праматери — Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, а также Яков и Леа.

— Ты бы смогла поступить как Рахель? — Акива испытующим взглядом посмотрел в глаза собеседницы.

— Не знаю, — честно призналась девушка, — я еще никогда никого не любила. Думаю, что в наше время нет таких людей, как Рахель и Яаков, которые готовы пожертвовать всем ради своих любимых.

Рахель любовалась течением реки и молчала.

— Иногда я думаю, — вновь заговорила девушка, — что Рахель недостаточно любила Яакова, раз так поступила, а иногда наоборот — до какой степени можно любить человека, чтобы пустить соперницу в свой дом.

— Как же сложилась судьба Яакова? — спросил Акива.

— История о Яакове и его сыновьях очень длинная, я поведаю ее тебе как-нибудь, но уже темнеет и мне пора идти. Про наших праотцев Авраама, Ицхака и Яакова можно долго рассказывать, — мягко улыбнулась Рахель.

— О праотце Аврааме я знаю, Шэтия о нем много рассказывал, — сказал Акива.

— Хорошо, что ты знаешь о праотце Аврааме, он приходится отцом Ицхаку и дедушкой Яакову, — обрадовалась Рахель. — Его огромный шатер стоял посреди пустыни. Авраам радушно встречал путников, проходящих мимо, и вводил их в свой шатер. Он давал им воду, чтобы они могли омыть ноги, а затем кормил и поил. Во времена Авраама люди поклонялись деревянным статуэткам, погрязли в язычестве. Праотец наш Авраам первым публично провозгласил о существовании Единого Б-га. Он еще в раннем детстве понял, что у мира есть Творец и что только Ему и нужно служить и поклоняться, — рассказала Рахель.

— Ты такая юная и так много знаешь! — восхитился Акива.

— Мой отец говорит, что каждый человек должен хорошо знать историю своего народа. Жаль, что ты так мало знаешь о жизни наших праотцев.

— У меня никогда не было возможности учиться, — оправдывался Акива. — Я всю свою жизнь провел в поле, пася скот, или в лесу, собирая сухие ветки, и сейчас уже, наверное, поздно учиться чему-либо.

— Учиться никогда не поздно, — возразила Рахель. — Если найдется время, я буду приходить и рассказывать тебе историю нашего народа. Сегодня канун шаббата, и в доме уже полным ходом идут приготовления. Мне нужно поспешить, так как я тоже должна помочь. Нам предстоит готовить до позднего вечера, а завтра утром делать работу по дому, а затем, с наступлением шаббата, я отправлюсь вместе с отцом в синагогу.

Пастух поблагодарил Рахель, и она, прихватив накидку, отправилась в дом. Акива погнал овец на ночлег. Назавтра предстояло рано вставать, так как в преддверии шаббата нужно было многое успеть. Лежа в постели, он много думал об историях, рассказанных Рахель, и не успел оглянуться, как за окнами начало светать. Акива немного поел и отправился работать.

В имении Кальбы Савуа утром перед шаббатом всегда было много людей. Торговцы овощей привозили лучшие овощи, торговцы фруктов приносили ему лучшие фрукты, а рыбаки — свежую рыбу. Акива, привыкший к предшаббатной суете, уже спокойно воспринимал эту суматоху. Покормив и напоив овец, Акива направился в дом Шэтии, предупредив заранее Эзру об уходе.

Рыба, пожаренная на углях, и свежие лепешки в доме господина Шэтии были отменные.

— Акива, я положу тебе еще кусок рыбы? — предложила госпожа Охелия. — Ты много работаешь, нужны силы, хорошенько поешь.

— Возьми еще кусочек, — присоединился к просьбе жены старик Шэтия.

— Благодарю, — сказал, поднося тарелку, Акива. — Нас в доме Кальбы Савуа тоже очень хорошо кормят, и работа

у меня не такая уж и тяжелая. Господин Шэтия, у меня к тебе просьба. Я бы тоже хотел произнести благословение после еды, научи меня.

Шэтия обрадовался несказанно:

— Это замечательно, я с радостью тебе помогу. Если захочешь изучать Священное Писание, я познакомлю тебя с учениками ешив из Иерусалима, и они научат тебя основным молитвам и расскажут историю народа.

— Пожалуйста, научи меня ты, господин. С учениками ешив я не хочу иметь ничего общего.

— Почему ты к ним так относишься? — продолжая есть рыбу, спросил Шэтия.

— Потому что они смотрят на таких, как я, свысока. Какова их основная роль: изучать Тору и помогать людям, верно?

— Да, Акива, так и есть, — подтвердил Шэтия.

— А что происходит на самом деле? Они думают, что выше всех, и совсем потеряли связь с простым народом. Они любезны только с теми, у кого есть деньги, а над такими, как я, смеются и относятся к нам с пренебрежением.

— Ученики ешив тоже разные бывают, — не согласился Шэтия, — мало ли что про них рассказывают. Тебе стоит с ними познакомиться лично.

— Досточтимый Шэтия, за свою жизнь я успел с ними достаточно познакомиться, и те ученики ешив, кого я видел, вели себя ужасным образом. Как только они слышали, что я неграмотный, что не умею писать и читать, они начинали насмехаться надо мной, вместо того чтобы предложить помощь. Они издевались надо мной прилюдно, когда видели торгующим хвостом на рынке, а другие ученики ешив, вместо того чтобы заступиться, остановить их, только смеялись. В те моменты мне было так стыдно, что я краснел и мне хотелось провалиться сквозь землю в ту же секунду, но я опускал голову и продолжал

работать дальше. Вот поэтому, когда я вижу их на улице, мне хочется отомстить им, укусив их так сильно, как кусает осел.

Госпожа Охелия внимательно слушала откровения Акивы.

— Акива, если ты их так не любишь, зачем тебе их кусать, и если даже кусать, почему ты хотел покусать их, как осел, а не как собака? — решил смягчить разговор шуткой Шэтия.

— Когда собака кусает человека, она не повреждает его кость. А осел кусает так, что кость ломается. Теперь вы представляете, как я их ненавижу?

— Ненависть — это плохо, — посерьезнел Шэтия. — Именно из-за ненависти между евреями и был разрушен Второй храм.

— Согласен, что ненависть — это плохо. А разве насмеяться над людьми — хорошо? Разве хорошо унижать людей на глазах у других?

Госпожа Охелия только молча качала головой, сокрушаясь об услышанном. До нее и раньше доходили вести о непристойном поведении учеников ешив, но никогда не могла она и подумать, что это правда и все так ужасно. Она верила рассказу Акивы, который говорил от всего сердца, высказывая все, что наболело.

— Разве им позволено с пренебрежением относиться к таким простым людям, как я? Разве они имеют право смеяться над тем, что я не умею читать и писать? — продолжал Акива.

— Нет, Акива. — Шэтия по-отечески дотронулся до плеча гостя. — Конечно, они не имеют права, они должны помогать всем — и богатым, и бедным — относиться с уважением ко всем, невзирая на достаток. Видимо, тебе попадались странные ученики ешив, — после небольшой паузы закончил Шэтия.

— Таких учеников ешив очень много. Если не верите, можете спросить у других простых рабочих. — Акиву уже было не остановить. — Может, с вами и другими уважаемыми людьми они ведут себя иначе, но с простым народом они не церемонятся.

Они считают себя выше нас, а сами не работают, не воюют и вообще не делают ничего полезного. Я, в отличие от них, всегда сам зарабатываю себе на хлеб, а они живут на пожертвования таких людей, как Кальба Савуа, и вместо того чтобы выполнять свои обязанности, думают лишь о том, как бы разбогатеть и окружить себя роскошью.

Акива был в гневе.

— Мне неприятно их общество и их взгляды. Возможно, если бы они относились ко мне по-другому, я бы находил время для учебы, но я разочаровался и в религии, и в этих ученых мужах.

— Акива, уверяю тебя, по большей части они порядочные люди и занимаются очень важным делом — изучением Священного Писания, — пытался переубедить гостя Шэтия, но это было не так-то просто.

Акива продолжал обличать:

— Они изучают Священное Писание с самого детства, и что ты, мой добрый господин, хочешь сказать, что Священное Писание учит их унижать, оскорблять, лгать и насмехаться? Я не просветленный науками человек, но никогда не обману другого, не обижу словом и не пройду мимо человека, который нуждается в помощи, невзирая на то, беден он или богат. Случалось, когда после тяжелого рабочего дня мне удавалось заработать всего одну монету, я делился и ею, видя на улице пожилого бедняка, так как знаю, что у меня сильный организм и я смогу прожить, не поужинав один день, а что будет с ним, если он сегодня не поест, мне неизвестно. Зато сколько раз мне доводилось наблюдать картину, когда ученики ешив с полными сумками и гордо поднятой головой проходили мимо нищих и не делились с ними даже яблоком.

«Да, — подумал Шэтия, — может, Акива и прав и они плохо относятся к простому народу. Может, со мной и другими

состоятельными людьми они ведут себя иначе, а над такими, как он, насмеются и издеваются. Теперь я понимаю, сколько унижений пришлось перенести ему и тысячам таких, как он. Кто после унижений и оскорблений захочет пойти учиться грамоте?»

Акива, не обращая внимания на пребывающих в замешательстве супругов, продолжал свою речь:

— Такие люди должны подавать пример смирения, скромности, взаимного уважения, а не делить людей на богатых и бедных, грамотных и неграмотных. Вот поэтому я ненавижу всех религиозных людей, но после встречи с вами моя жизнь сильно изменилась, я многому научился и многое понял. Прежде я никогда не встречал таких людей, как ты и Кальба Савауа. Вы с уважением относитесь к простым людям и стараетесь помочь каждому, вне зависимости от его положения. Ты, увидев меня на улице, предложил мне еду и ночлег, ничего не ожидая взамен, и я понял: не все так плохо, остались и порядочные люди. Извините меня. Во мне накопилось много чувств и мыслей, а поделиться не с кем, — закончил Акива.

Шэтия, немного подумав, сказал:

— Таких, как мы, в Иудее немало. Ученики ешив, с которыми я общался в Иерусалиме и других городах, говорили, что всегда рады гостям. И я уверен, что многие, следующие законам Торы и нашего праотца Авраама, сделали бы то же самое и с радостью предложили бы тебе ночлег.

Но Акива вновь возразил своему благодетелю:

— Говорить и делать — разные вещи. Я стараюсь почерпнуть знания из всего, что вижу и слышу, и ваше гостеприимство помогло мне понять, что люди должны своими поступками, а не словами показывать пример другим. И когда богатые и бедные будут поступать по совести, то народ Иудеи и в самом деле станет сильным и сплоченным.

После трапезы Шэтия произносил благословение после еды, и Акива в этот раз все повторял за ним. По окончании шаббата Акива, как обычно, направился в дом Кальбы Савуа. Он уже забыл горячую беседу об учениках ешив, все его мысли были заняты Рахель. Старый Шэтия и госпожа Охеллия долго оставались под впечатлением от рассказа Акивы. Они распознали в неграмотном пастухе мудрого и чистого сердцем и помыслами человека.

* * *

Дни сменяли один другой, но Акиве жизнь без встреч с Рахель казалась однообразной. В один чудесный весенний день, когда Акива по обыкновению пас овец и смотрел на реку, раздался приятный женский голос:

— О чем ты задумался, Акива?

Обернувшись, Акива увидел Рахель, как всегда прекрасную. Ее длинные волосы переливались на солнце, а глаза... Акива слегка замешкался. Он смотрел на Рахель, как будто впервые видел ее, и не мог произнести ни слова.

— Акива, что с тобой? Ты снова научился говорить? — весело, как пташка, прошебетала Рахель.

— Нет, я задумался. С самого утра смотрю, как течет вода, и думаю о жизни. — Речь наконец-то вернулась к Акиве.

— Я тоже могу часами смотреть на воду и костер, это успокаивает, — подхватила разговор девушка.

— Ты в прошлый раз спешила подготовиться к шаббату, как все прошло? — Акива старался справиться с волнением.

— Шаббат прошел замечательно, было очень весело! Как обычно, у нас гостило много родственников и друзей, они разъехались по домам только вчера вечером, после исхода шаббата. Я помогала работницам прибираться до полуночи, а затем, почитав перед сном молитвы в своей комнате, уснула

и спала сладко-сладко! — Рахель кружилась, подняв грациозно руки, и ее смех звенел, как колокольчик.

Акива не мог оторвать от нее взгляд.

— Рахель, ты еще молодая и должна себя беречь.

Рахель перестала кружиться и теперь дышала немного глубже и чаще. Акива как будто чувствовал ее дыхание.

— Когда много гостей, ты уже не думаешь о том, как себя сберечь, а думаешь лишь о том, как побыстрее все закончить и пойти спать. Вот и вчера я так устала, что сегодня проснулась только в полдень. Но я не забыла прочитать молитву, позавтракала и решила погулять, — ответила Рахель и приветливо улыбнулась.

— Какие молитвы ты читаешь перед сном и утром?

— Перед сном я благодарю милосердного Творца за прошедший день, за то, что я его прожила, а утром — за то, что я проснулась, а затем читаю утренние благословения.

Такой ответ был для Акивы откровением.

— Все люди просыпаются утром, разве за это нужно благодарить?

— Да, Акива, мы должны быть признательными и благодарить Творца за все, что Он делает для нас. Мы привыкли, что просыпаемся по утрам, что солнце всходит и заходит, что день сменяет ночь, что деревья дают плоды, но мы должны понимать, что это все чудо. Все, что происходит в нашем мире, и весь мир существует только по милости Творца.

— О чем еще говорится в молитвах? — Как ново и удивительно было все, что говорила Рахель, и Акива не переставал удивляться.

— Если бы ты умел читать, я бы принесла тебе молитвослов, чтобы ты изучил его. Я бы дала тебе и другие книги.

— Мне уже поздно учиться читать и поздно становиться на путь истины, которую открывает Творец. — Акива помолчал

и неожиданно с горькой усмешкой добавил: — Ответь мне, пожалуйста, за что? За что мне благодарить Творца? За то, что в тридцать пять лет не умею ни писать, ни читать?

Рахель смутилась и ничего не ответила.

— У тебя есть все, ты молодая, красивая, богатая, умная, тебе есть за что благодарить Творца, а мне, у которого ничего нет, даже дома нет, за что мне благодарить Творца, ответь мне, Рахель? — все более распаялся Акива.

— В этом мире есть много чего, за что ты можешь быть благодарным, научись находить доброе во всем. К примеру, ты можешь быть благодарным за то, что видишь это прекрасное солнце, за то, что слышишь шум реки и трепет листьев на деревьях, за то, что можешь ходить. Да много за что. За то, что у тебя есть работа, за то, что есть крыша над головой. За то, что ты заботливый, внимательный и мудрый. Видишь, сколько всего, — как ребенку, ласково внушала ему Рахель.

— Ты называешь меня мудрым, — усмехнулся Акива. — Ты же меня совсем не знаешь!

— Необязательно много лет знать человека, чтобы понять, мудр ли он. Есть люди, которые много читают и с умным видом рассуждают на разные темы, но даже при большом желании их нельзя назвать мудрыми. Но есть и такие, кто, возможно, и неграмотен, но их мудрость видна на расстоянии. Мудрость — это дар Творца. Она или есть, или ее нет. Акива, если бы ты смог учиться, из тебя получился бы хороший раввин.

— Рахель, мне скоро уже сорок лет, а в школах дети учатся с самого детства. — Акива смягчился и уже не сердился.

Рахель стояла на своем:

— Учиться никогда не поздно.

Девушка бросила взгляд на солнце, уже садившееся за реку. Пора было прощаться.

— Завтра ты придешь? — В голосе Акивы звучали одновременно надежда и отчаяние.

— Пока не знаю. Акива, постарайся открыть новую страницу в своей жизни и подумать над моими словами об учебе. Уверена, у тебя все еще впереди. Постарайся помолиться перед сном, — убегая, посоветовала Рахель.

— Я же не знаю молитвы! — вдогонку ей крикнул Акива.

— Ты просто произноси слова благодарности и говори о том, что у тебя на душе, — уже издалека раздался звонкий девичий голос.

После ухода Рахель Акива еще долго сидел у реки и размышлял над ее словами. И перед сном он продолжал думать о разговоре с Рахель. Поблагодарив Творца за прошедший день, за то, что у него есть работа и крыша над головой, Акива крепко уснул.

* * *

Утром Акива снова выгнал овец к реке, мечтая только об одном — чтобы снова увидеться с Рахель. Он снова и снова ловил себя на мысли, что не сможет дальше жить, не видя ее. Он уже не боялся лишиться работы.

Когда вдалеке послышались шаги, Акива повернул голову и увидел долгожданный силуэт. Девушка подошла и тихо произнесла, как в прошлый раз:

— Мир тебе, Акива!

— Мир тебе, Рахель! — затаив дыхание, ответил Акива.

— Совершил ли ты вчера молитву перед сном? — поинтересовалась девушка.

— Перед сном — да, но утром я забыл это сделать, — как бы извиняясь, пастух развел руками.

Рахель осталась довольна.

— Это тоже хорошее начало. Научись благодарить за все милосердного Творца.

— Почему ты постоянно повторяешь «милосердного»? — спросил Акива.

— Потому что Создатель милосерден к Своим созданиям.

— Рахель, если Он милосерден, почему тогда Он позволил римлянам разрушить Второй храм? — задал Акива непростой вопрос.

— Римляне только инструмент в Его руках, это не они разрушили Храм, это мы своими поступками разрушили Храм. А римляне просто исполнили приговор Творца. Первый храм, храм царя Шломо, — продолжала Рахель свой рассказ, — был разрушен в наказание за три греха: кровопролитие, идолопоклонство и отступление евреев от законов, данных им Б-гом*. Сейчас, когда нет ни идолопоклонства, ни кровопролития, мудрецы приходят к мысли, что у разрушения были и духовные причины. Они склоняются к тому, что Второй храм был разрушен из-за беспричинной ненависти. Наверное, Ему, милосердному, не понравилось, как мы относимся к ближним, мы разучились прощать.

— В чем же это проявлялось? — Акива спрашивал и спрашивал свою добровольную учительницу.

Рахель терпеливо объясняла:

— Это проявлялось практически везде и во всем. Люди переполнили чашу Его безграничного терпения. Незадолго до разрушения Храма имел место такой случай. Один состоятельный человек в Иерусалиме устроил у себя пир и пригласил много гостей, в том числе и моего отца, но он не смог присутствовать, так как был в отъезде. У хозяина, который устраивал пир, был близкий друг, его звали Камца, а также

* Талмуд, трактат Йома, 9б.

заклятый враг, которого звали Бар Камца*. Он послал слугу с приглашением к своему другу Камце, но посыльный перепутал адрес и доставил приглашение Бар Камце. Бар Камца не понял, в чем дело, и еще раз переспросил посыльного, ему ли это приглашение, и посыльный подтвердил.

Решив, что враг желает помириться с ним, Бар Камца, ничего не подозревая, надел дорогие одежды и пришел на пир в дом врага. Он занял место среди гостей, как вдруг хозяин дома его увидел и закричал:

— Что ты тут делаешь, как ты смеешь являться в мой дом без приглашения?

Бар Камца понял, что посыльный ошибся, и произнес:

— Я заплачу за свою порцию, только не позорь меня перед гостями, среди них много уважаемых людей Иерусалима. Как я буду смотреть им в глаза?

Хозяин ответил ему отказом. Тогда Бар Камца предложил оплатить половину всех расходов, но хозяин дома снова не согласился.

— Я готов заплатить за всех! — вскричал Бар Камца. — Только не выставляй меня из дома на глазах у людей!

Но и тогда хозяин дома ответил отказом и настоял, чтобы непрошенный гость покинул его дом. Разгневанный Бар Камца вынужден был уйти с позором.

— Что же, гости, наблюдая за происходящим, сидели и молчали? — спросил Акива.

— Да, среди них было много уважаемых людей и мудрецов, но они предпочли не вступать в конфликт. И тогда Бар Камца решил отомстить и хозяину пира, и его гостям, которые не вступились за него. Он пришел к императору и сообщил ему,

* История о Камце и Бар Камце приводится в Вавилонском Талмуде, в трактате Гитин.

что евреи готовят восстание против Римской империи. В доказательство своих слов он попросил правителя отправить в Храм тельца для жертвоприношения. В дороге Бар Камца нанес тельцу небольшое увечье, зная о том, что, по законам Торы, животные с таким изъяном не годятся для жертвоприношения.

Во время обсуждения раввины долго спорили, можно ли приносить этого тельца в жертву. Многие понимали, чем грозит отказ принести жертву римлянам, но тем не менее они отказали римскому императору. Император был в ярости и послал в Иудею армию. Римские войска вторглись в Иерусалим, сожгли Храм и разрушили город.

— Даже и не поймешь, кто прав, а кто виноват, — задумался Акива. — Богач, который устраивал пир и поступил с гостем неподобающе? Или мудрецы, которые видели ссору, но промолчали? Или Бар Камца, который из-за личной обиды навел гнев на свой народ?

— Да, это сложный случай. Но это, наверное, косвенная причина произошедшего, она четко отображает то отношение людей к друг другу, которое царило в Иерусалиме. Теперь мы остались без Храма, многих жителей Иерусалима римляне увели в плен, и мой отец очень волнуется за будущее нашего города и народа. Он утверждает, что без сильного лидера нас не будут воспринимать всерьез и римляне поработят нас, — сказала Рахель.

— Разве мало мудрых раввинов, которые могут стать лидерами? — засомневался Акива.

— Наш народ сложно объединить. Большая часть раввинов является лидерами только у горстки своих учеников, но в глазах других они себя опорочили, и поэтому нет одной мощной силы.

Акива, знаешь, о чем я часто думаю с тех пор, как познакомилась с тобой? Не знаю, почему, но у меня такое внутреннее ощущение, что если бы ты был грамотным, то смог бы стать лидером. Ты бы смог всех объединить! — призналась Рахель.

— Рахель, о чем ты говоришь? Если такие уважаемые люди не могут объединить народ, что смогу сделать я, простой пастух? — Слова Рахель прозвучали для Акивы как гром с ясного неба.

— Многие из них больше заняты собой, чем нуждами общины. Акива, я видела, как ты заботлив с овцами, у тебя доброе сердце, и думаю, из тебя получился бы отличный лидер, способный объединить вокруг себя много людей. Почему ты не хочешь научиться грамоте и Торе? — убеждала Рахель.

— Рахель, разве ты забыла, мне тридцать пять лет, мне поздно учиться, — не соглашался Акива.

— Еще не поздно, — убеждала девушка. — Если ты будешь много и усердно заниматься, то слова Торы смогут проникнуть в твое сердце.

— Рахель, и денег у меня нет, чтобы бросить работу и пойти учиться. Благодарю тебя за теплые слова, обо мне еще никто так высоко не отзывался, — грустно сказал Акива.

— Мне пора идти, но знай, Акива, что учиться никогда не поздно. Мудрецы говорят, что мы должны учиться всегда, до самой старости.

Они давно попрощались, но Акива продолжал думать о Рахель и о словах, сказанных ею в его адрес.

Ежедневно Рахель приходила к реке, и они подолгу общались и очень подружились. Акива еще никогда не был таким счастливым: он мог общаться с самой милой и самой лучшей девушкой!

Акива и в этот шаббат направился в дом старого Шэтии, чтобы провести праздничный день с ним и его супругой.

В доме Шэтии позвякивала посуда, это госпожа Охелия убирала со стола после шаббатной трапезы. Шэтия, встревоженный молчанием Акивы, спросил:

— Почему ты такой молчаливый сегодня, Акива? Что случилось?

Акива не ответил.

— Акива, мои глаза еще не обманывают меня. Расскажи же, что случилось.

— Я расскажу, только выслушай меня, господин, и не сердись. Мы с Рахель очень сблизились в последнее время. Мы видимся практически каждый день и подолгу беседуем. Скажи, есть ли у меня хоть крупница надежды стать мужем Рахель, дочери Кальбы Савуа?

— Не послушался ты моего совета, не держался от нее подальше, — грустно произнес Шэтия. — Теперь жди беды. Акива, прошу как старший, забудь о ней, пока не поздно. Так будет лучше для тебя и для нее. Найди другую женщину, достойную тебя, и создай семью, зачем ты мучаешь и себя, и молодую девушку? Возможно, ты ошибаешься и принял ее беседы за особое внимание.

— Господин Шэтия, я уверен, это нечто большее, чем просто беседа. За всю мою жизнь со мной еще никогда такого не случалось. Я не могу забыть о ней ни на минуту, я везде ишу ее, в каждом звуке пытаюсь услышать ее голос, — объяснял Акива.

— Кальба Савуа выгонит тебя из имения тотчас, как узнает о твоих чувствах, и ты снова будешь скитаться по Иудее в поисках заработка, — увещевал подопечного Шэтия.

— Пусть, мне ничего не страшно. Я хочу быть с ней вместе, и пусть он выгонит меня, я не могу без нее жить, — твердил свое Акива.

«Разговоры бесполезны», — подумал господин Шэтия и тяжело вздохнул.

— Господин Шэтия, ты думаешь, я не понимаю, что она для меня несбыточная мечта и мы никогда не сможем быть вместе? Я все прекрасно понимаю, я даже не вижу дна той пропасти, которая разделяет нас. Я знаю, что шанс быть нам вместе

один на миллион. Да, шанс один на миллион, но он все-таки есть, — продолжал Акива.

— Раз ты все сам прекрасно понимаешь, то зачем продолжаешь видеться с ней?

— Я пытался прислушаться к твоему совету, но ничего не могу с собой поделать, это сильнее меня. Я не могу описать, что она для меня значит. Я никогда раньше ничего подобного не испытывал, до встречи с ней я ненавидел эту жизнь и все на свете. Пускай у нас ничего не получится, но я мечтаю только об одном — чтобы это длилось как можно дольше, так как даже за минуту, проведенную с ней, я готов отдать свою жизнь. Я прожил серую жизнь, но теперь мне будет хоть что вспомнить перед смертью, будет хоть какое-то светлое воспоминание в моей жизни, — грустно произнес Акива.

Шэтии стало жаль Акиву, он видел любовь и уважение, которое пастух испытывал к Рахель, и, немного подумав, произнес:

— Акива, я вижу, что ты уже все для себя решил и никакими уговорами тебя не остановить, но я прошу тебя, обдумай все еще раз.

— Я уже все обдумал и все решил. Если она предначертана мне судьбой, то мы будем вместе.

— Рахель очень хорошая девушка, может, она и в самом деле согласится стать твоей женой и вы проживете достойную жизнь. Знай, Акива, в жизни многое зависит от жены. Если рядом с тобой будет мудрая женщина, которая сможет вызвать твое уважение, то и ты будешь стараться стать лучше, чтобы не огорчать ее.

— Благодарю за добрые слова, уважаемый Шэтия. Мне они сейчас необходимы.

— Ох, Акива, не забывай, — вслух сокрушался Шэтия, — ты почти вдвое старше ее и вы совсем разные люди,

разного положения и достатка, подобная связь часто заканчивается трагично.

— Выходит, что простой человек, как я, не достоин быть счастливым и Рахель не может стать женой бедного пастуха? — Глаза Акивы блестели. — Но я хочу попытаться: если она моя судьба, то мы будем вместе. А если нет, то я так и проживу остаток моей жизни в одиночестве, — уныло закончил Акива.

— Акива, Акива, — тяжело вздохнул Шэтия. — Видимо, уже ничего не поделаешь, я с самого начала пытался отговорить и всячески запугивал тебя, чтобы ты оставил эту затею. Вижу, намерения твои серьезны, и я уважаю их.

Господин Шэтия помолчал и затем уверенно произнес:

— Если бы я был на твоём месте и мне нравилась девушка, знаешь, что бы я сделал? Я бы не стал слушать такого старика, как я, а пошел бы и поговорил с её отцом.

— Я с тобой согласен, но мне очень страшно, страшно потерять Рахель. Ты же понимаешь, уважаемый Шэтия, если Кальба Савуа не даст согласия, то мы с Рахель больше не сможем видеться.

— Я могу сам пойти поговорить с Кальбой Савуа, пусть даже испортятся наши с ним отношения, — предложил старик.

— Нет, это самое главное в моей жизни дело я должен сделать сам, — твердо отказался от помощи Акива.

* * *

Акива вернулся в имение Кальбы Савуа и приступил к своим обязанностям. Ранним утром он пригнал овец к реке и стал ждать прихода Рахель. Он оборачивался на каждый шорох, но Рахель все не было. Уже темнело. Акива в надежде увидеть любимую захотел задержаться у реки дольше обычного. Но, прождав еще некоторое время, решил вернуться обратно и погнал скот в загон.

В столовой ужинали рабочие, но Акива направился в свою комнату. Зажег свечу и лег. Его мысли были заняты только Рахель, и они напрочь вытеснили из его головы мысли о еде. Он не чувствовал никаких признаков голода, несмотря на то что не ел с самого утра. Он задавал себе только один вопрос: почему Рахель сегодня не пришла, — но не мог найти однозначного ответа. Акива старательно отгонял от себя грустные мысли и мечтал только о новой встрече с ней. В его мечтах они, взявшись за руки, прогуливались вдоль реки, беседуя на разные темы. И когда солнце начинало свой путь назад, они, усаживаясь на высоком камне, наблюдали за прекрасным закатом. В его фантазиях они молча смотрели, как солнце плавно утопает в реке, а облака медленно движутся вдаль. Вокруг стояла упоительная тишина, и только шум листвы и пение птиц изредка нарушали ее.

Стук в дверь прервал мечты Акивы. Он медленно встал, чтобы открыть. В дверях стоял Эзра.

— Мир тебе, Акива, почему ты не пришел ужинать? — спросил управляющий.

— Я немного устал и решил отдохнуть, — ответил пастух, несколько удивленный приходом Эзры.

— Я обеспокоился, не заболел ли ты, и принес тебе ужин. Поешь, — и Эзра протянул работнику тарелку.

Акива поблагодарил за заботу и поставил поданную тарелку с едой на стол.

Эзра ушел. Акива, не притронувшись к ужину, снова прилег, продолжая думать о Рахель и мечтать о новой встрече. Он хотел заснуть поскорее, чтобы наступил новый день, который обязательно принесет ему встречу с любимой Рахель.

Но и на следующий день надежды не оправдались, и Акива вернулся к себе, так и не повидав Рахель. Он метался по комнате, не находя себе места, перебирая в голове разные варианты

происходящего. Так и не сомкнув глаз до самого утра, пастух вышел из комнаты и пошел к загону.

Гремел гром, и небо было затянуто темными тучами. С самого утра лил проливной дождь. Но, несмотря на это, Акива снова вывел стадо к реке и с нетерпением ждал появления Рахель. Прождав несколько часов и поняв, что дождь только набирает силу и от раскатов грома стадо может разбежаться в разные стороны, Акива был вынужден загнать овец в загон раньше обычного и возвратиться в свое жилище. Ужин и в этот раз не прельстил Акиву. Мысли сменяли одна другую, становясь грустнее и грустнее. «Неужели я потерял ее, и она будет принадлежать другому? — думал Акива, и скупые слезы готовы были заблестеть росинками на его ресницах. — Если я ее больше не увижу, то не смогу жить».

Акива отгонял от себя навязчивые мысли о расставании с Рахель. «Она не пришла на пастбище, как приходила раньше, может, причиной всему этот непрекращающийся дождь», — утешал он себя.

«Да, точно! Сегодня из-за дождя мне пришлось и овец загнать пораньше», — подумал Акива и немного успокоился.

«Вдруг Рахель все же решила прийти, несмотря на ненастную погоду? — посетила Акиву мысль. — Она ждет меня там, а я, дурак, сижу здесь, в тепле. Немедленно побегу к реке, Рахель, наверное, вся промокла и замерзла».

Акива, ничего не накинув, как был — в тонкой рубашке и холщовых штанах — выбежал из комнаты и ринулся к реке. На улице было темно, и проливной дождь хлестал Акиву по лицу. Он бежал по мокрой, скользкой дороге, падал, но вставал и продолжал бежать. Его одежда испачкалась в грязи, но он не обращал на это внимания и торопился к реке... Подбежав к беседке и не встретив там Рахель, Акива понял, что ее сегодня здесь не было, и почувствовал горькое разочарование.

Акива предположил самое для него страшное: Рахель уже ответила согласием на предложение одного из учеников ешив, и они уже вместе празднуют это событие. Грустные мысли овладевали им все с большей силой. Он был на грани отчаяния, мысль, что она уже принадлежит другому и он ее больше не увидит, разбивала его сердце.

Он мок под дождем, но долго не сводил взгляда с пустующей беседки в призрачной надежде, что Рахель вот-вот появится. Он ждал и не терял надежды, но, осознав, что Рахель не придет, впал в безумное отчаяние, и слезы соленым ручьем потекли по его щекам. Непрекращающийся дождь смывал их с лица взрослого мужчины, но они лились с еще большей силой. Акива, который в последний раз плакал в раннем детстве, ничего не мог с собой поделать. Слезы текли все сильнее и сильнее.

— Ты что плачешь? — упав коленями в грязь и подняв руки к небу, обратился Акива к дождю. — Ты же не любишь, как я. Ты даже не представляешь, какая она девушка и что такое прожить день, не видя ее. Сколько дурных мыслей посещают мою глупую голову, и я ничего не могу с этим поделать. Почему мы не виделись сегодня? Может, из-за тебя она сегодня не пришла? Может, ты всему виной? Почему ты льешь и льешь? Почему ты хочешь нас разлучить? Разве ты не видишь, как я страдаю, разве ты не понимаешь, что я умру без нее? Она — это все, что есть у меня в этой жизни, она моя последняя надежда обрести счастье.

Акива сделал несколько глубоких вдохов и снова заговорил:

— Дождь, ты когда-то сделал мне самый большой подарок в жизни — подарил встречу с Рахель. Ты и в тот незабвенный день лил не переставая, и мы с Рахель встретились в беседке, которая сейчас передо мной. Этот день был самым счастливым в моей жизни, но теперь ты разлучил нас... До встречи с Рахель я жил как слепец, который ничего не видит и не знает радостей этого мира. Но после встречи с ней я прозрел. Я наконец-то

понял, что жизнь бывает и прекрасной, понял, что существует такой человек, ради которого я готов расстаться с этой жизнью. Теперь ты снова хочешь лишить меня зрения? Зачем ты показал мне свет, а теперь хочешь ослепить меня? Лучше бы я навсегда остался слепым и никогда не видел ее.

Знаешь, если человек с детства лишен зрения и не имеет никакого представления о видимом мире, ему легче жить. Но если когда-то он имел зрение и мог любоваться всеми красками мира, но потом ослеп, то ему нестерпимо больно.

Акива затих и, припоминая голос Рахель, пробормотал:

— Она называла меня по имени, и из ее уст оно звучало сладкой музыкой. А теперь по твоей вине я не только не слышу ее, даже не вижу...

Набрав в легкие как можно больше воздуха, Акива, несмотря на сильный дождь, устремил взгляд в небо и крикнул изо всех сил:

— Доооооождь! Как я тебя ненавижу! И весь мир ненавижу! — Акива криком разрывал себе грудь, но дождь заглушал его слова. — Разве мне совсем отказано в праве быть счастливым? Разве я виноват в том, что беден и должен зарабатывать себе на жизнь тяжелым трудом? Я понял, ты плачешь из-за того, что мы оба раньше были одиноки и несчастны, но теперь у меня есть Рахель, моя Рахель, и я самый счастливый человек на свете. Ты мне просто завидуешь, тебя никто не любит, как только ты появляешься, люди скрываются от тебя в своих домах, а меня наконец-то кто-то полюбил, и тебе не удастся все испортить! Знаю, ты тоже думаешь, что я простой пастух и принял ее вежливые беседы за внимание к себе, а страдание — за любовь. Да, может, оно и так, может, я все выдумал.

Но я больше не могу ждать и терпеть неизвестность, я сейчас же пойду к Кальбе Савуа и поговорю с ним, и будь что будет. Может быть, он поймет меня и согласится отдать за меня

Рахель, а если нет — я готов расстаться с жизнью... Мне не нужен мир без нее.

Акива поднялся и как был — в грязном одеянии — решительно направился к дому Кальбы Савуа. Он вытирал слезы рукой и мысленно складывал слова, которые скажет отцу Рахель. Слезы не переставали течь по его щекам, и он смахивал их облепленной глиной ладонью. «Откуда они берутся, проклятые слезы, я же с самого детства не плакал, — думал Акива, — наверное, после встречи с Рахель моя душа отогрелась и в ней прснулось все, что спало так много лет».

Подойдя к дому, пастух увидел, как преклонных лет слуга запирает двери дома на ночь. Акива обратился к нему с просьбой провести его в дом для встречи с Кальбой Савуа. Слуга, увидев Акиву в таком неприглядном виде, попытался выяснить, что произошло, но Акива настаивал, чтобы тот провел его в дом. Рахель, чьи окна выходили во двор, услышала спор двух мужчин и выглянула в окно.

Она увидела, что старый слуга не пускал Акиву в дом. Рахель быстро оделась и спустилась вниз.

— Что случилось? — обратилась она к слуге.

— Пастух Акива хочет говорить с твоим отцом, госпожа. Я ему говорю, что сейчас неподходящее время и Кальба Савуа отдыхает, — объяснил растерянный слуга.

— Иди в дом, я сама с ним поговорю, — приказала Рахель.

Рахель подошла к измазанному грязью и дрожащему от холода Акиве. Вода стекала с его одежд, а из глаз все еще текли слезы, но это уже были слезы счастья, а не печали.

— Акива, — Рахель с тревогой взглянула в его лицо, — что произошло? Почему ты хочешь видеть моего отца, тебя кто-то обидел?

— Нет, — смиренно ответил Акива, низко опустив голову, чтобы Рахель не видела его слез.

— Ты весь промок, ты же заболеешь... Подожди, я принесу тебе теплые вещи, — произнесла Рахель.

Акива, не обращая внимания на слова девушки, задал самый главный для него вопрос:

— Рахель, мы не виделись три дня, и я очень волновался, думал, что с тобой что-то случилось. Почему ты не пришла к реке, я тебя чем-то обидел?

— О чем ты говоришь, Акива! Чем ты можешь меня обидеть? Я уезжала из Иерусалима с отцом.

— Куда вы ездили?

Рахель, обеспокоенная видом Акивы, не ответила на его вопрос, но сказала:

— Подожди здесь, я сейчас принесу тебе одежду, попить и поесть.

— Мне ничего не нужно, — строго проговорил Акива. — Ответь мне, куда вы ездили? Твой отец взял тебя с собой, чтобы познакомить с будущим мужем? Он уже договорился и о вашей свадьбе?

— Акива, о какой свадьбе ты говоришь? Мы с отцом по приглашению раби Йоханана бен Закая ездили в город Явне, чтобы принять участие в торжествах по случаю обрезания* новорожденного сына одного из раввинов, и вернулись только сегодня вечером. Мне не хотелось ехать в Явне, но отец настоял, чтобы я сопровождала его в этой поездке.

— Обрезание только повод, он взял тебя, чтобы поскорее выдать замуж! — крикнул Акива.

— Зачем ты так говоришь о моем отце? — Рахель испуганно отпрянула от Акивы. — Ты его совсем не знаешь. Если ты будешь говорить о нем в таком тоне, мы больше не увидимся.

* Обрезание (на ивр. — Брит мила), обряд, который, согласно традициям иудеев, символизирует завет, договор между Б-гом и народом Израиля.

Рахель хотела уйти.

— Прости меня, не уходи, Рахель. — Акива осознал, что позволил себе лишнее. — У меня выдались очень тяжелые дни. Я бы никогда не пришел сюда, зная, что с тобой все в порядке. Я все это время думал, что ты заболела и тебе нужна помощь. Мне важно знать, что ты в полном здравии и не нуждаешься в моей помощи.

— Акива, если ты сейчас же не переоденешься, то помощь понадобится тебе. И мне тоже, если отец узнает, что я в поздний час не в комнате, — улыбнулась Рахель.

Акива счастливо рассмеялся:

— Теперь, когда я знаю, что у тебя все в порядке, я пойду к себе!

— Ты уходишь не попрощавшись, — весело произнесла Рахель.

— Я боюсь, что если попрощаюсь с тобой, то больше не увижу никогда, — уже серьезно сказал Акива.

«И я не хочу с тобой прощаться», — мысленно сказала Рахель. Пожелав Акиве спокойной ночи, Рахель направилась в дом.

— Я завтра буду целый день у реки, если сможешь, приходи, — сказал ей вдогонку Акива и направился к своему жилищу.

* * *

— Мир тебе, Акива! У меня много дел, но я пришла узнать, как ты себя чувствуешь, и пожелать тебе хорошего дня!

— Благодарю тебя, Рахель! Как видишь, я здоров. Расскажи о твоей поездке в Явне, — попросил Акива.

— На обрезание приехало много уважаемых людей, практически со всей Иудеи, и было очень весело. Раввины рассказывали интересные жизненные и философские истории. На следующий после обряда день мы с отцом посетили ешиву.

Я была удивлена, что в ешиве обучают так много людей, всех возрастов. Они целыми днями молятся и изучают Тору.

— Я тоже хочу начать изучать Тору, — прервал рассказ девушки Акива, — Рахель, я много думал о твоих словах, сказанных в защиту учебы, и пришел к выводу, что ты права.

— Это замечательно. Тебе нужно обязательно пойти учиться, — Рахель так обрадовалась, что захлопала в ладоши.

Акива продолжил:

— Раньше я считал, что у людей в моем нынешнем возрасте все лучшее уже в прошлом и они просто доживают остаток своих лет. Но после встречи с тобой все в моей жизни изменилось — я словно очнулся после долгого сна, по-другому стал смотреть на мир. Мне открылись вещи, на которые я не обращал внимания раньше. Я понял, что мы можем многому научиться у всего, что нас окружает. Посмотри, пожалуйста, на тот большой камень в реке.

Рахель бросила взгляд на грудку камней, схожую с небольшой пирамидой.

— На какой из них? — переспросила девушка.

— Вон на тот, с глубоким отверстием, видишь? — указывая посохом на большой камень, уточнил Акива.

Убедившись в том, что Рахель устремила взгляд в правильном направлении, Акива вновь заговорил:

— Знаешь, Рахель, я никак не мог понять, откуда в огромном камне появилось отверстие. Я начал внимательно наблюдать за камнем и понял, что причина этому — капающие на него капли воды. Какой же урок я извлек для себя из увиденного?

Рахель слушала, затаив дыхание.

— Как капли воды, — тем временем говорил Акива, — падая одна за другой, день за днем, смогли пробить отверстие в большом камне, так и слова Торы смогут проникнуть в мое сердце.

Акива бросил внимательный взгляд на собеседницу, ища у нее поддержки.

— Ты прав, Акива, у тебя получится, главное — начать, — горячо поддержала Рахель.

— Если я в этой жизни научусь чему-то, то знай, Рахель, это благодаря тебе. — Слезы радости и умиления готовы были брызнуть из глаз Акивы.

— Рано тебе меня благодарить, — лучезарно улыбнулась Рахель и, посмотрев на клонившееся за горизонт солнце, добавила: — Прости, но мне нужно возвращаться обратно.

— Останься еще немного, — взмолился Акива.

— Нет, Акива, мне пора, отец будет волноваться. Я пришла на минутку, чтобы поприветствовать тебя.

— Прими мою благодарность, Рахель, за все, за то, что пришла. У меня очень однообразная жизнь: каждый день я просыпаюсь чуть свет, съедаю кусок хлеба, выгоняю овец, смотрю, чтобы они паслись в хорошем месте, вечером загоняю их обратно и иду спать. И только встречи с тобой украшают мое жалкое существование.

Рахель молча слушала Акиву, а он говорил быстро, как будто боялся, что Рахель уйдет, не услышав самого важного.

— В те дни, когда ты не приходила, мне было очень страшно, я не мог найти себе места. Я думал, что потерял тебя, и не хотел больше жить.

— У меня много обязанностей по дому, и днем не всегда получается выбираться. — Рахель сделала успокаивающий жест в сторону Акивы. — В дни, когда у нас гости, я сижу с ними до самого вечера.

— Если бы ты могла каждый день приходиться хоть на минуту! — воскликнул Акива. — Рахель, не знаю, что со мной происходит, ничего подобного я раньше не испытывал и никогда никому не говорил таких слов.

Акива внезапно замолчал, обмякнув. Ему было трудно признаваться в собственной слабости, но душа требовала откровений, и он продолжил:

— Рахель, я очень одинокий человек, который до встречи с тобой ненавидел свою жизнь. Мне много не нужно, и в моем положении смешно на что-то рассчитывать, но если бы я только мог видеть тебя, слышать тебя или просто молча смотреть на тебя, то в мире не нашлось бы человека счастливее и богаче. Я бы все богатства мира отдал, чтобы хоть иногда видеть тебя. Рахель, когда ты рядом, я забываю обо всем на свете.

Перед сном Рахель долго думала о словах, сказанных Акивой, а еще больше — о его желании пойти учиться грамоте и Торе. Она с каждым разом все больше убеждалась, что никогда не встречала такого необычного человека, как Акива, который, несмотря на свою безграмотность, не был похож на других. В глазах молодой неискушенной девушки он рисовался мужественным, добрым и мудрым человеком.

Акива тоже думал о беседе с Рахель и незаметно заснул. С рассветом он поторопился вывести скот к реке и с нетерпением ожидал новой встречи с любимой.

* * *

Рахель спешила к реке.

— Мир тебе, Акива! Я очень торопилась, но думала, что уже не застану тебя здесь. У нас сегодня было много гостей, но, как только появилась возможность, я направилась к реке.

— Мир и тебе, Рахель! — Сердце Акивы радостно забило. — Я хотел уйти, но решил подождать еще немного в надежде, что ты придешь. Я мечтал, чтобы ты пришла. Я знал, что ты придешь. Всю ночь я не мог уснуть, размышляя о нашем разговоре.

— Я тоже долго думала о твоих словах. Ты мог бы повторить их? — Рахель немного смутилась, но с нетерпением ожидала ответа.

— Да, Рахель. Я никогда не встречал такую девушку, как ты. — В словах Акивы не было ни доли сомнения. — Я готов на все, чтобы видеть тебя хоть иногда.

— Ты бы смог провести с такой девушкой, как я, всю жизнь? — решительно спросила Рахель.

Акива опустил голову.

— Ответ, смог бы? — потребовала Рахель.

Рахель ждала, но у Акивы не было ответа, он пребывал в замешательстве. Размышляя о перспективах получения согласия Кальбы Савуа на замужество Рахель, Акива загрустил.

— Мысль о том, что я простой пастух, а ты дочь богатого и важного человека, не дает мне покоя, — признался наконец Акива.

— Деньги для меня не главное, ответь, хотел бы ты стать моим мужем и провести со мной всю жизнь? — снова задала главный вопрос Рахель.

Акива снова опустил голову и загрустил, затем тяжело вздохнул и сказал:

— Рахель, я даже и думать об этом не смею. Для меня видеть тебя, слышать твой голос — это уже верх мечтаний. Если бы ты только знала, что ты значишь для меня. Когда ты рядом, я забываю о том, что я бедный пастух, который не умеет писать и читать. Я чувствую себя самым богатым человеком на свете. Когда ты рядом, у меня вырастают крылья и я парю над землей, как орел.

Рахель слушала Акиву не перебивая.

— Я начал благодарить Вс-вышнего перед сном, как ты меня научила, и прошу о здоровье для тебя. — Акива так и стоял с опущенной головой: разговор для него был тяжелым.

— Я просыпаюсь утром и снова благодарю Вс-вышнего за то, что я проснулся, и прошу только одного — чтобы я смог увидеть тебя. Благодаря тебе я меняюсь, становлюсь лучше. Я очень тебя люблю, но не могу забыть, что я простой пастух, а ты дочь важного и богатого человека.

— Акива, я выйду за тебя замуж, но при одном условии, — вдруг уверенно сказала Рахель.

Акива был ошеломлен. Он не мог поверить в свое счастье.

— Рахель, если ты согласишься стать моей женой, я куплю тебе самое дорогое кольцо! — Акиве хотелось сделать для Рахель что-нибудь необыкновенное. — Да, я возьму ссуду у ростовщика и готов годами расплачиваться с ним, лишь бы купить тебе лучшее украшение. Я на все готов, ты будешь самой красивой невестой.

Рахель громко рассмеялась:

— Ты возьмешь деньги у ростовщика для того, чтобы купить мне украшение? Но мне не нужны украшения, у меня их достаточно.

— Конечно, как же я не догадался! — хлопнул себя по лбу Акива. — У нас же нет дома, нам нужен дом — тебе, мне и нашим будущим детям. Я возьму деньги у ростовщика и построю для нас приличный дом, где мы сможем жить и растить наших детей. А потом я буду работать днем и ночью и верну все взятые у ростовщика деньги. Если прикажешь, я готов работать у твоего отца семь лет без единой монеты, как когда-то Яков работал за свою Рахель. Лишь бы мы были вместе.

— Акива, послушай меня. Мне ничего этого не нужно. — Девушка стала серьезной. — Если ты хочешь, чтобы я стала твоей женой, выполни только одно условие! После свадьбы ты должен пойти изучать Тору.

— Изучать Тору?! Рахель, это самое простое, что ты могла попросить. Это и есть твое условие? — радостно переспросил Акива.

— Да, но ты в точности выполнишь его, ты бросишь пасти скот, рубить дрова и собирать хворост и будешь только учиться, — твердила Рахель. — Я уверена, что из тебя получится хороший раввин. Если бы я смогла отправить тебя учиться! — с сожалением покачала головой любимая Акивы. — Ты так заботлив со своим стадом! Мне думается, ты мог бы стать достойным главой общины, и тогда люди со всей Иудеи приходили бы учиться у тебя. Я буду тебе помогать во всех твоих делах.

— Я очень хочу учиться, поверь мне, — ответил Акива, — но выйдет ли что-нибудь из нашей затеи? Твой отец никогда не согласится выдать тебя замуж за простого пастуха. Самые лучшие женихи Иерусалима желают взять тебя в жены.

— Я понимаю, осуществить задуманное будет непросто, но я что-нибудь придумаю, — уверенно пообещала Рахель.

— Господин Шэтия может поговорить с твоим отцом о нас, — предложил Акива.

— Не стоит. Я сама поговорю с отцом, но, если я пойду на этот шаг, я должна быть уверена, что ты изменишь свою жизнь.

— Но если он не согласится? — беспокоился Акива.

— Он согласится, я его единственная дочь, и он не захочет потерять меня, — успокоила суженого Рахель.

— Рахель, прошу тебя, поговори с ним поскорее. Я не смогу ни есть, ни спать от волнения. Ты же даже не представляешь, что ты значишь для меня, — просил Акива.

— Не стоит спешить. Сегодня у нас гости, они разъедутся завтра утром, и как только выдастся удобный случай, я с ним поговорю. Я ничего не боюсь, никаких трудностей и препятствий, так как уверена в правильности принятого мной решения. Я стану самой счастливой женщиной, если буду знать, что мой муж — уважаемый раввин.

* * *

Акива всю ночь не мог сомкнуть глаз. Он понимал, что это его главное сражение в жизни и следующим утром решится его судьба. Он был уверен, что и Рахель сейчас не спит и с нетерпением ждет разговора с отцом. Рахель и в самом деле не спала и думала о непростом разговоре, ожидающем ее утром. С чего начать? Как преподнести неожиданную новость, чтобы отец правильно понял свою дочь и не разочаровался в ней? Важно сохранить теплые отношения с отцом, который заботился о ней с самого детства. Рахель предстояло сообщить родителю, что она сама нашла себе жениха, а не выбрала одного из многих уважаемых людей, которые приходили ее сватать. Она пыталась отогнать от себя мысль о том, что отец откажет ей в желании выйти замуж за Акиву и помочь ему стать образованным человеком.

«Я не совершаю ничего плохого, — успокаивала себя Рахель, — я хочу сделать доброе дело, помочь человеку, которому никто никогда не помогал, выбиться в люди. Акива должен пойти учиться грамоте и Торе и непременно стать раввином. Мой отец меня не осудит, а напротив, поймет и поддержит. Он же мой отец и любит меня, он примет Акиву, как сына», — с надеждой шептала Рахель.

«А если он не согласится или побоится того, что Акива меня увезет? — вдруг подумала Рахель. — Он может быть уверен, что, отдав меня замуж за Акиву, не потеряет навсегда свою дочь. Отец же знает, как я его люблю и никуда от него не уеду. Он меня растил совсем один, и я должна заботиться о нем до самой старости, это мой дочерний долг, а имение большое, и мы будем жить все вместе».

Этой ночью Акива как никогда нуждался в поддержке близкого человека. Он никак не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок

и представляя предстоящий Рахель разговор с отцом. Он много размышлял, затем, встав с кровати и походив по комнате, сел около деревянного стола и подумал: «Наверное, с самого утра Рахель будет из своей комнаты смотреть в окно, ожидая, когда от их имения отъедет повозка с гостями. И как только гости покинут имение и Кальба Савуа зайдет в дом, Рахель быстро спустится вниз, подбежит к нему и, обняв, радостно произнесет:

«Отец, ты так долго ждал дня, когда я выйду замуж, и вот этот день настал. Совсем скоро, как ты всегда и мечтал, у тебя появится помощник и сын в лице моего будущего жениха».

«А что она скажет затем? — спрашивал себя Акива. — Затем Рахель, не дав отцу и слова вымолвить, продолжит:

— Уважаемый отец! Я знаю, ты давно ждешь того дня, когда я стану женой мудрого человека и твой дом наполнится смехом, а иногда и плачем твоих внуков. Я права, отец?

— Да, я только об этом и мечтаю, — ответит ей Кальба Савуа.

— И вот этот день настал, я встретила достойного человека, с которым хочу прожить свою жизнь, и пришла сообщить тебе радостную весть. Да, отец, я готова выйти замуж.

— Наконец-то, Рахель, кто этот уважаемый человек? — спросит Кальба Савуа.

— Это Акива, пастух, — ответит любящая дочь.

— Да, он хороший пастух и, наверное, будет для тебя хорошим мужем. Сам бы я не согласился отдать тебя за него, но я знаю, что ты умная и если выбрала именно его, то я согласен, — разведет руками Кальба Савуа».

«Возможно, все пойдет не так, — подумал Акива. — Кальба Савуа категорически откажется отдать за меня Рахель. Что делать в этом случае?»

Радостные и печальные мысли сменяли одна другую, пока за окном не начало светать. Акива должен был собираться на работу.

Овцы разбрелись по пастбищу, спустились к реке, а Акива присел на камень, устремив взгляд за горизонт в ожидании прихода Рахель. Рахель же, дождавшись отъезда гостей и поправив на себе одежду, отправилась к отцу. Она, как и задумала, подбежала к нему, поцеловала и произнесла:

— Мир тебе, отец!

— Доброе утро, Рахель. — Отец поцеловал любимую дочь. — Почему ты не спустилась завтракать и не попрощалась с гостями? У тебя взволнованный вид, что-нибудь произошло?

— Я не голодна, и мне нужно было побыть одной и подумать, — как можно нежнее заговорила Рахель. — Отец, я не знаю, как тебе сказать. Я выбрала жениха.

— Наконец-то, как я счастлив за тебя, — радостно произнес отец. — И кого из тех уважаемых людей, которые пришли просить твоей руки, ты выбрала? — поинтересовался он.

— Они все были достойной партией, но я остановила свой выбор не на них, — решительно заявила девушка. — Мой жених не из Иерусалима, он прибыл в город совсем недавно.

Кальба Савуа с удивлением смотрел на дочь. Потом он заговорил:

— Рахель, даже если этот юноша — ученик ешивы, у которого нет дома в Иерусалиме и совсем нет денег, то ничего страшного — у меня достаточно денег, чтобы обеспечить вас и ваших детей на всю жизнь. Главное, чтобы он был хорошим человеком и вы были счастливы.

— Нет, этот человек не учится в ешиве, он работает в имении, вы виделись несколько раз, — сказала Рахель.

— Кто же он, скажи скорее! — воскликнул Кальба Савуа.

— Это Акива, пастух, — услышал он ответ дочери.

Гнев овладел Кальбой Савуа.

— Кто, пастух Акива? — неистово закричал он. — Из всех мужей Иерусалима ты выбрала самого недостойного!

— Не говори так, отец, — возразила Рахель, — он очень хороший человек. Усмири свой гнев, ты обижаешь достойного человека.

— Ты не выйдешь замуж за этого пастуха. Моя дочь — умная девушка и понимает, что он ей не пара.

Кальба Савуа был категоричен, и Рахель не знала, что предпринять. Она всячески пыталась успокоить отца, но тот был непреклонен и продолжал:

— Он намного старше тебя, неграмотен, не посещает синагогу и не соблюдает обычаи. Какое будущее может ожидать тебя рядом с таким человеком?

— После нашей свадьбы он обязательно пойдет учиться. Акива очень мудрый человек, пожалуйста, поговори с ним хоть раз, и ты сам все поймешь, — умоляла Рахель.

— Шэтия сказал, что он даже благословение на еду не знает, о чем можно говорить с таким человеком? Никакой свадьбы не будет. Он уже взрослый мужчина, и все, что ему нужно, — это устроить свою старость. Я убежден, что ему нужна не ты, а мои деньги и хозяйство, — возмутился Кальба Савуа.

— Ему не нужны деньги, ему нужна я, — настаивала Рахель. — Я могу ему помочь стать образованным человеком, просто ему еще никто не давал этой возможности. Вот и ты сейчас, ты даже не хочешь с ним встретиться и поговорить.

— Я готов с ним встретиться и поговорить, — согласился отец, — но как со своим пастухом, а не как с твоим будущим мужем.

— Ты не знаешь, какой он заботливый и ответственный, — отчаянно защищала любимого Рахель. — Если бы ты только видел, как бережно он обращается с животными, он волнуется за каждую овечку, представляешь, как он будет смотреть за мной? — продолжала увещевать отца девушка. — Ты же сам учил меня судить о людях по поступкам, а не по словам. Уверена, он сможет

стать уважаемым раввином и хорошо относиться к окружающим его людям, заботиться о них.

— Я говорил, имея в виду приличного человека, который хоть чуточку образован. Который кроме овец и леса еще что-то видел в своей жизни, читал, чему-то учился, — объяснял отец.

Рахель расплакалась:

— А ты не думал, что у него не было возможности учиться, что ему нужно было работать? Думаешь, он в детстве мечтал всю свою жизнь пасти овец? Отец, что с тобой? Сколько раз я слышала от тебя слова великого раби Илеля*: «Не суди человека, пока не окажешься на его месте», — а сам ты сейчас поступаешь именно так.

— С каких пор изучение Торы стоит денег? — не уступал отец.

— За изучение Торы не берут платы, но ученики ешив всегда насмеялись над ним, — сдавалась и Рахель.

— Значит, он этого заслуживал, — с уверенностью сказал отец.

— Если он бедный, то это не значит, что он не человек и с ним можно обращаться как с животным. Истинны слова великого царя Шломо: «Бедный ненавидим бывает даже близкими своими, а у богатого много друзей»**.

— Ты не выйдешь замуж за пастуха, не для того я тебя растил. Даже в самом страшном сне невозможно представить, что презренный пастух будет сидеть за столом рядом со мной и моей дочерью. Ни за что! — отрезал Кальба Савуа.

— Если бы ты не был богатым и уважаемым человеком, думаешь, люди к тебе относились бы с таким же почтением,

* Раби Илель — Великий мудрец и законоучитель эпохи Второго Храма. Возглавлял Санедрин в течение 40 лет.

** Книга Мишлей, 14:20.

как сейчас? — спросила Рахель. — Многие из тех, кого ты считаешь своими друзьями, всячески избегали бы тебя и насмеялись бы над тобой. Акива не вор и не разбойник, он честно работает, чтобы заработать себе на хлеб, — плача, обращалась к отцу Рахель. — Разве не ты всегда говорил, что любой труд заслуживает уважения? Разве царь Давид не был в молодости пастухом, что, по-твоему, он сразу стал великим иудейским царем? А наши праотцы Авраам, Ицхак и Яков, разве они не пасли овец? А Моше рабейну*, он тоже был пастухом. Ты же сам рассказывал, какой тяжелый путь им всем пришлось пройти, — взывала дочь к разуму и памяти Кальбы Савуа.

Но Кальба Савуа не внимал словам своей дочери.

— Не сравнивай безграмотного пастуха с великими людьми. Им было предназначено стать великими, а ему предназначено... — Кальба Савуа замолчал, чтобы не обидеть дочь еще больше.

— Откуда ты знаешь, что ему предназначено? — сквозь слезы произнесла Рахель. — Может, и он сможет сыграть важную роль в судьбе нашего народа.

— Я тебе еще раз повторяю, это были великие люди, а тот, о ком ты говоришь, невежественный пастух. Единственное, что он может, это пасти овец, и все, что его ждет до конца его дней, это овцы, пастбище и река.

— Ты еще услышишь о нем! Тебе будет стыдно за слова, произнесенные об Акиве!

Видя, что дочь не унимается и не хочет выбросить из головы глупые мысли, Кальба Савуа сказал:

* Моше рабейну, в буквальном переводе — «Моше, Наш учитель». «Моше» по-русски — «Моисей». Моше освободил евреев от египетского рабства и получил Тору на Синае.

— Забудь этого пастуха — вот мое последнее слово. Завтра он покинет наш дом, а рядом с тобой будет молодой человек, достойный тебя. В будущем ты меня будешь много раз благодарить за то, что я уберег тебя от необдуманного шага.

Рахель выпрямилась, как струна, и с достоинством ответила:

— Отец, благодарю тебя за заботу, но я для себя уже все решила. У меня есть Акива, и я хочу стать его женой.

— Рахель, если ты продолжишь общаться с пастухом, а тем более станешь его женой, то я даю обет, что вычеркну тебя из наследства и не буду говорить с тобой, пока ты будешь с ним. Уверен, что ты ему нужна только из-за богатства, и как только он узнает об исключении тебя из наследства, бросит тебя.

— Нет, он не такой. Отец, выслушай меня, пожалуйста, — вся в слезах, произнесла Рахель. — Я видела, как тебе было трудно одному воспитывать меня, и благодарна за то, что росла, часто забывая, что у меня нет мамы. Не знаю, как тебе одновременно удавалось быть для меня и отцом, и матерью, ты самый лучший отец на свете. Я тебя умоляю, доверься мне, пожалуйста, позволь мне стать женой Акивы, я не хочу терять ни тебя, ни его.

Кальба Савуа еле сдерживал слезы. Он понимал: если дочь уйдет, его сердце перестанет биться и жизнь потеряет всякий смысл, так как его маленькая, прекрасная Рахель и была смыслом его жизни, той, ради которой он жил. Но Кальба Савуа хотел показать свою решимость, надеясь, что она одумается и прислушается к его словам.

— Рахель, давай забудем об этом неприятном разговоре. Ты единственное, что есть у меня в жизни. Я не буду выгонять Акиву, пусть работает, пока я ему не подыщу новое место. Давай решим, что этого разговора никогда не было, а сейчас иди в комнату и забудь о нем.

Рахель, вся в слезах, пошла в комнату и проплакала день напролет. Кальба Савуа запретил ей отлучаться из имения, и поэтому она несколько дней не могла выйти из дома и повидаваться с Акивой, который очень волновался за нее.

Когда Кальба Савуа уехал в город по делам, а управляющий, которому было поручено не спускать глаз с Рахель, отправился в столовую, девушка, накинув платок на плечи, отправилась к реке.

Она все рассказала пастуху, и он задумчиво произнес:

— Я же тебе говорил, что ничего не получится. Ты молодая, богатая, красивая, грамотная, а кто я такой — жалкий пастух? Твой отец прав, из меня ничего не выйдет, я до конца своих дней буду пасти овец. Раньше мы могли хоть изредка видеться, но теперь он запретит тебе появляться около реки. И нам придется забыть о женитьбе.

— Ты быстро опустил руки, какие же вы, мужчины, слабые, — улыбнулась Рахель. — Ты же пообещал учить Тору после нашей свадьбы, или ты уже передумал?

— Ничего я не передумал, — тихо ответил Акива.

— Замечательно, если ты не передумал, то и я не передумала и не собираюсь отступить, пока ты не станешь грамотным и уважаемым человеком.

— Я готов учиться, Рахель, я даже уже нашел раввина, который готов мне в этом помочь. Я рассказал ему, что есть девушка, на которой я хочу жениться и ради которой готов изменить свою жизнь. Конечно же, я не сказал ему, кто ты и кто твой отец. Он оказался любезным человеком и даже предложил нам провести обряд в синагоге, в которой он служит раввином.

— Видишь, Акива, не так все раввины и невежливы с тобой, как ты считал раньше, — сказала Рахель. Затем, немного подумав, она произнесла: — Акива, это хорошо, что ты

рассказал мне об этом. Знаешь, что мы сделаем? Жди меня на рассвете у выхода из имения.

— Зачем, что ты задумала? — забеспокоился Акива.

— Мы с тобой отправимся к раввину, и он нас тайно обручит. И когда у отца будет хорошее настроение, я ему расскажу об этом, и ему ничего не останется, как принять тебя, а если он откажется и будет стоять на своем, то мы покинем имение и начнем самостоятельную жизнь. Не думай, что я ничего не умею, я смогу готовить и держать дом в порядке. То, что я росла в достатке, не означает, что я не готова к трудностям. Акива, я очень сильная и уверена, что у нас с тобой все получится.

Акива прислушался к совету Рахель, и на рассвете они отправились к раввину и тайно провели обряд бракосочетания. Рахель вернулась в имение и ждала подходящего момента, чтобы рассказать все своему отцу. Но слухи по Иерусалиму распространялись быстро, и когда Кальба Савуа узнал об обручении своей дочери с Акивой, он был вне себя от ярости и приказал им тотчас же покинуть имение. Он решил безоговорочно выполнить данный им обет, вычеркнув дочь из наследства и перестав с ней общаться.

Глава 4

СВЕТ ТОРЫ

*Повелели мудрецы, чтобы муж любил
свою жену, как самого себя, и уважал ее
больше, чем самого себя.*

Рамбам*. Законы супружества 15, 19

Влюбленным пришлось долго скитаться по городу в поисках жилья, но ничего подходящего они не нашли. Поняв, что на накопленные Акивой деньги им не удастся подыскать хорошее жилье в Иерусалиме, они приняли решение поселиться в заброшенной конюшне недалеко от города. Купив на рынке самое необходимое — еду, свечи и кувшин для воды, — они покинули город. Прodelав долгий путь, поздней ночью они добрались до конюшни. Акива зашел первым, зажег свечу и огляделся вокруг. Убедившись, что в конюшне никого нет, он произнес:

— Рахель, проходи.

Горящая свеча позволила Рахель разглядеть в дальнем углу конюшни маленькие стулья и старый стол, на котором стояла свеча, справа был стог сена. Пройдя в конюшню, Рахель сразу же присела на стул и с облегчением сказала:

— Наконец-то пришли.

— Да, вот та самая конюшня, о которой я тебе говорил. Первое время проживем здесь, а потом подыщем более подходящее жилище.

* Раби Моше бар Маймон (Рамбам; 4895–4965 / 1135–1204 гг.) — один из величайших раввинистических авторитетов, выдающийся мыслитель и врач.

— Мне здесь нравится, — осмотрев еще раз конюшню, произнесла Рахель.

— Ты, наверное, очень устала.

— Да нет. Давай я накрою тебе поесть, мы с самого утра ничего не ели.

— Я не голоден, если хочешь, приготовь что-нибудь себе. Я боялся, что ты ужаснешься, увидев эту конюшню.

— Здесь мило, любимый, — пытаюсь подбодрить мужа, произнесла Рахель. — А где мы будем спать? — потирая опухшие от долгой ходьбы ноги, поинтересовалась девушка.

— Кровати здесь нет, и пока нам придется спать на стог сена.

— Хорошо, что не на полу, — весело произнесла Рахель. — Завтра я постараюсь встать пораньше и приготовить тебе завтрак, а сейчас мне хочется прилечь на наше шикарное ложе, — продолжала шутить Рахель.

— Спасибо, — тихо произнес Акива.

— Я никогда прежде не спала на сене, но всегда мечтала и вот наконец-то попробую, — запрыгнув на стог сена, воскликнула девушка. — Здесь мягко, почти как на моей кровати.

Лежа на стог сена, раскинув широко руки и ноги в надежде отдохнуть после тяжелого дня и устремив взгляд вверх, Рахель произнесла:

— Акива, милый, только не грусти, поверь мне — я очень счастлива с тобой. Пусть это не самое удобное жилище, но мне здесь все нравится, главное, есть крыша над головой.

— Надеюсь, что тебе все это не надоест и ты не сбежишь от меня обратно в имение своего отца.

— Я похожа на глупую девушку, готовую оставить такое сокровище без присмотра? — произнесла девушка улыбнувшись. — Я с таким трудом стала твоей женой и так просто другим красавицам города тебя не отдам.

— Рахель, ты когда-нибудь бываешь серьезной?

— Будь уверен, никуда я от тебя не сбегу, даже и не надеюсь. И если когда-нибудь захочешь избавиться от меня и уйти к другой, я вцеплюсь в твою ногу, так как обе я ухватить не смогу, и буду волочиться по земле за тобой даже на край земли. Пойми, если я выбрала тебя, то это навсегда. Тебе ясно, уважаемый Акива?

— Надеюсь, что все так и есть, — улыбаясь, произнес он.

— А я надеюсь, что ты помнишь данное мне обещание.

— Да, но ты понимаешь, что сейчас не самое подходящее время для учебы. Мне нужно работать, чтобы у нас было что есть и пить. А при первой же возможности я пойду учиться и надеюсь, что к семидесяти годам уже освою алфавит, — с сарказмом произнес Акива.

— Хорошо, — ответила Рахель, — но при первой возможности я все равно тебя отправлю учиться, даже если тебе будет восемьдесят, будь к этому готов.

— Хорошо, моя госпожа, — шутиливо ответил Акива.

Они рассмеялись, и Рахель произнесла:

— Акива, пожалуйста, потуши свечу. Сегодня был тяжелый день, пойдем ложиться. Я, наверное, за всю свою жизнь столько не ходила пешком.

Акива задул свечу, и они легли спать.

* * *

Нежные лучи солнца, пробивающиеся сквозь оконные щели, разбудили влюбленных.

— Доброе утро, любимая, — произнес Акива.

— Доброе утро, любимый, — нежно ответила Рахель.

— Как спалось?

— Я спала замечательно, такое ощущение, что проспала целую вечность. А как тебе спалось?

— Я привык к таким условиям, я сплю на сене с самого рождения — произнес Акива.

— Хотя я и не привыкла к таким условиям, но после первой ночи на сене чувствую себя бодрой как никогда. Может, теперь моя осанка станет грациозней, — шутливо произнесла Рахель.

— Не знаю, какая у тебя будет осанка, но волосы у тебя в ужасном состоянии. Если бы ты только себя видела — твои прекрасные черные волосы стали наполовину желтыми.

— А что с ними? — взволнованно спросила Рахель.

— Лежи спокойно, не двигайся, и я выберу соломинки из твоих волос.

— А много их там?

— Да, очень.

— А они мне идут?

— Ты и так самая прекрасная на свете, и эти соломинки никак не могут тебя испортить.

— Ты мне льстишь, — покраснев, произнесла Рахель.

— Ты же знаешь, что это так. Почти все парни Иерусалима мечтали, чтобы ты была рядом с ними, а ты сейчас со мной в этой конюшне, — говорил Акива, выбирая соломинки из длинных волос Рахель.

— Ничего страшного, все с чего-то начинали. У нас с тобой все еще впереди.

— Я не верил, что в мире еще остались такие девушки, как ты. Ты дала мне надежду, и я буду самым несчастным из мужчин, если испорчу тебе жизнь. Ты с самого детства росла в роскоши, у тебя были лучшие платья и преподаватели. Ты красива, умна, образованна — мечта любого мужчины, но выбрала почему-то меня. И раз ты пошла на такой шаг,

чтобы быть со мной, я должен сделать все, чтобы твой выбор оказался верным.

— Я сделала этот шаг, так как уверена, что ты способен стать мудрым раввином и изменить наше общество. А деньги — они будут, это не главное.

Акива, продолжая выбирать соломинки и размышляя над словами Рахель, произнес:

— Рахель, за то, что ты сделала такой шаг, поверила в меня, я обещаю тебе, что буду много и упорно учиться. И когда-нибудь я куплю тебе одно очень красивое золотое украшение.

— Какое украшение? — громко засмеялась Рахель.

— Я хотел сделать тебе сюрприз, но раз я проговорился, то расскажу.

— Рассказывай, рассказывай — в семье не должно быть секретов, — продолжала шутить Рахель.

— Каждый раз, когда я прохожу мимо лавки торговца украшениями. Там есть много красивых вещей, но для тебя я приглядел кое-что особенное — «Золотой Иерусалим». Мне кажется, это украшение было создано специально для тебя. Оно будет подчеркивать красоту твоих больших карих глаз, твоих густых черных волос. О таком украшении мечтают все женщины Иерусалима, но я обещаю, что когда-нибудь оно обязательно станет твоим.

— Акива, столько комплиментов не ожидала от тебя услышать, ты на моих глазах становишься поэтом.

— Я говорю серьезно, а ты все переводишь в шутку.

— Извини. Продолжай. И что в нем такого особенного? — поинтересовалась Рахель.

— «Золотой Иерусалим» — это украшение из чистого золота с изображением нашего святого города. Каждый раз, когда я смотрю на него, я представляю, как оно украсит твою голову и как твои глаза будут светиться от счастья. Ты даже

представить себе не можешь, как оно будет на тебе красиво смотреться! Когда у нас будут деньги, я обязательно куплю тебе золотую диадему с видом Иерусалима. Если бы я мог, я подарил бы тебе «Золотой Иерусалим» прямо сегодня, и ты хоть ненадолго забыла бы о всех заботах и трудностях.

— Милый, спасибо, что ты думаешь обо мне. Думаешь, как сделать мне приятное, но я же тебе не раз говорила, мне всего этого не нужно. Рядом с тобой я чувствую себя любимой и защищенной. И знаешь, мы с тобой уже сейчас богаче всех людей на земле, потому что у нас есть любовь, взаимоуважение и стремление стать лучше.

— Рахель, я все это понимаю, но я решил купить тебе это украшение, и я его куплю, как только у нас будут лишние деньги или как только мы разбогатеем, даю тебе слово.

Когда Акива достал все соломинки из волос Рахель, они встали, привели себя в порядок, позавтракали, после чего Акива отправился в лес собирать хворост, а Рахель — наводить порядок в их новом жилище.

* * *

Постепенно Акива и Рахель начали обживать свое новое жилье. Первой задачей Рахель как хранительницы очага было создать уют в их скромном жилище перед приходом любимого. Она с самого утра была на ногах, чтобы к приходу Акивы успеть навести порядок и приготовить ему еду. Ей было сложно, здесь не было всех тех многочисленных помощниц, которые окружали ее в доме отца. Девушке самой приходилось выполнять все работы по хозяйству, даже такие, где требовалась мужская сила. Она никогда не роптала на судьбу и сложные условия, прекрасно справлялась

с отведенной ей ролью хозяйки. Она была счастлива и благодарила Вс-вышнего за каждый день, прожитый вместе с Акивой.

Акива тоже, несмотря на все житейские тяготы, был очень счастлив. Он, как и прежде, собирал дрова в лесу и продавал их на городском рынке. Денег хватало только на то, чтобы прокормиться. Всю неделю они питались скромно, но в субботу Рахель готовила королевскую шаббатную трапезу. Перед наступлением шаббата Рахель надевала праздничную одежду, зажигала свечи и приглашала мужа к накрытому столу. Она с радостью ухаживала за ним, подавая рыбу, мясо, и наполняла его бокал красным вином.

Но в этот шаббат у Рахель была важная новость, она тщательно готовилась к празднику и с нетерпением ждала прихода мужа. Она уже надела нарядную одежду, как в двери показался Акива.

— Мир тебе, любимый. Как прошел твой день?

— Спасибо, Рахель, хорошо. Я купил фрукты к шаббату, и у меня еще даже осталось несколько монет.

— Я так рада тебя видеть, — произнесла Рахель, крепко обнимая Акиву.

— Что произошло? Ты сегодня не похожа сама на себя.

— Мне нужно поделиться с тобой радостной новостью.

— Рассказывай, я тебя внимательно слушаю.

— Акива, пожалуйста, наберись терпения. Прежде всего, иди и приведи себя в порядок, умойся с дороги, надень нарядную одежду и садись за стол.

Рахель зажгла шаббатные свечи и, произнеся благословение, села за праздничный стол.

Через некоторое время, когда первые звезды стали появляться над их жилищем, Акива, надев нарядные одежды, присоединился к жене.

Акива произнес благословение на вино и хлеб, и они приступили к трапезе. Акива ел с большим аппетитом, так как сильно проголодался за день, а Рахель, съев кусок рыбы, принялась ухаживать за мужем.

— Почему ты не ешь?

— Я днем ела, поэтому сейчас не очень голодна. Ты ешь, не обращай на меня внимания.

— О чем ты хотела со мной поговорить? — залив хорошо приготовленный кусок сочного жареного мяса сухим красным вином, спросил Акива.

— Акива, я хочу тебе сообщить радостную весть. Я узнала об этом два дня назад, но специально ждала шаббата, чтобы поделиться ею с тобой.

— Говори уже! — весело произнес Акива.

— Акива, у нас будет ребенок.

Акива необычайно обрадовался этой новости и нежно обнял Рахель. Слезы счастья выступили на его глазах — их мечта о ребенке осуществилась... Но потом радость на лице Акивы сменилась печалью.

Рахель, заметив это, спросила:

— Акива, что с тобой, почему ты грустишь?

— Как же мы будем жить здесь втроем?

— Возможно, к тому времени у тебя будет больше работы и мы сможем переехать в более комфортное жилище.

— Ребенку нужны хорошие условия, хорошее питание, а мы себя еле обеспечиваем, — продолжал Акива.

— Любимый, ты только не печалься. Мы должны благодарить Вс-вышнего за все то, что мы имеем, а обо всем другом Он, милосердный, позаботится. Он лучше знает, что нам нужно и когда. Если Вс-вышний посылает нам ребенка, значит, Он даст нам возможность его и прокормить, разве не так?

Акива снова обнял Рахель и произнес:

— Кто мне ответит, что я такого хорошего сделал в прошлой жизни, что Вс-вышний послал мне тебя, самую лучшую и мудрую из женщин на земле?

— А что я сделала такого хорошего в прошлой жизни, что Вс-вышний мне послал тебя, такое сокровище?

— Да, завидное сокровище, которое в таком возрасте не умеет ни читать, ни писать.

— Это ты раньше не умел читать, а сейчас у тебя новый этап в жизни. Ты всему научишься, может, именно сейчас в твоей жизни все только начинается. Я уверена, Акива, у тебя все еще впереди.

— Будем надеяться, — произнес Акива и снова обнял свою жену.

* * *

Несмотря на все сложности, с каждым днем Акива и Рахель все сильнее любили друг друга. И новость о том, что скоро у них в семье будет пополнение, скрепила их союз еще больше.

Рахель понимала, что с ребенком им будет сложно жить в конюшне. Она пыталась найти какое-то решение, но все ее попытки были тщетны. Она даже много раз собиралась, втайне от Акивы, навестить отца и попросить у него прощения за свой поступок в надежде, что он простит их. Рахель надеялась убедить отца принять Акиву, дать ему возможность учиться и стать уважаемым человеком, но всякий раз ее останавливала мысль об обете, данном ее отцом. Без сомнения, для нее была важна финансовая поддержка отца, но более всего она нуждалась в его моральной поддержке. Он всегда подбадривал ее в трудную минуту добрым и мудрым словом, а сейчас она осталась один на один с трудностями. Ей не с кем было поговорить, не с кем поделиться своими переживаниями и опасениями. Акиве она старалась не показывать, как ей сложно,

чтобы еще более не расстраивать его, и все свои проблемы держала в себе. Она понимала, что Кальба Савуа не нарушит данный им обет, и все, что ей оставалось, это сделать выбор и остаться рядом только с одним из двух самых дорогих ей людей в жизни. Рахель очень скучала по своему отцу. Он был для нее самым близким человеком на свете, и сейчас, когда она сама должна была стать матерью, он ей был особенно нужен.

Как только Акива после завтрака отправлялся в лес, она подолгу думала о своем отце и просила Вс-вышнего послать ему здоровья. Прежде Кальба Савуа не покидал свою дочь даже на неделю, но сейчас, когда после их последнего разговора прошел уже целый год, Рахель убедилась, что он настроен решительно и ни за что не простит ее и не нарушит свой обет.

«Я не верю тому, что отец забыл меня и даже не вспоминает. Я — все, что у него есть, и он по-прежнему любит меня. Наверное, он очень переживает за меня и изменился, я так давно не видела его, — подумала Рахель и расплакалась. — Каково сейчас отцу? Он, наверное, сильно постарел...»

* * *

Рахель была права. За прошедший год Кальба Савуа в самом деле очень изменился. Он заметно постарел и изрядно похудел. Друзья и знакомые не могли узнать в этом некогда могущественном человеке прежнего Кальбу Савуа. Он стал замкнутым, молчаливым и раздражительным. В имение к нему приезжало все меньше гостей, а веселые встречи шаббата за длинным столом сменились скромной церемонией. С уходом Рахель многое изменилось, и некогда гостеприимный дом словно опустел.

Кальба Савуа приказал выбросить из дома все предметы, хоть как-то напоминавшие ему о дочери, а всем работникам

было строго запрещено произносить ее имя. Им были очевидны истинные причины такого поведения хозяина, но они всячески пытались поддержать его. Они прекрасно понимали, что Рахель была и остается смыслом его жизни и никто и ничто ему ее не заменит. С уходом Рахель дом словно бы осиротел, его покинула та, некогда царившая в нем, чудесная атмосфера.

Кальба Савуа забросил хозяйство и все переложил на плечи Эзры. Он больше не видел смысла в накоплении богатства, так как та, ради кого все это делалось, так хладнокровно покинула его. Он вдруг осознал, что все его усилия были напрасны и все, что он делал, все, ради чего он трудился, было перечеркнуто невежественным пастухом. Его бывшее жизнелюбие и задор сменились апатией.

Бывало, что Кальба Савуа целыми днями не выходил из дома. Он уединялся в комнате и, расположившись в кресле напротив окна, подолгу смотрел в одну точку. Это помогало ему абстрагироваться от посторонних шумов и полностью погрузиться в раздумья о судьбе своей дочери. Что подтолкнуло ее на этот поступок? Что она могла в нем найти? И как долго это будет продолжаться? Перспектива никогда не встретиться со своей дочерью пугала его, и он понимал, что без нее не сможет дальше жить. Он размышлял над логикой ее поступка и никак не мог понять сделанный ею выбор. Иногда ему хотелось отказаться от данного им обета, но мысль, что с ним за одним столом будет сидеть невежественный пастух, ожесточала его сердце. Он с самого утра и до позднего вечера думал о своей дочери и ничего не мог с собой поделать. Садясь завтракать, он не спускал глаз со стула, на котором обычно сидела Рахель. Посторонним людям это могло показаться странным, но все, кто был свидетелем теплых отношений, которые были между ними, прекрасно его

понимали. За завтраком он обычно молчал, вспоминая о том счастливом времени, когда его Рахель была с ним рядом. Он помнил, как с восхищением каждое утро смотрел на нее, как они во время завтрака всегда о чем-то весело беседовали. Он любил сам ухаживать за дочерью, ему это доставляло громадное удовольствие. Рахель росла капризным ребенком и была очень избирательна в еде. Отцу приходилось идти на всякие ухищрения, чтобы уговорить свою дочь съесть хоть что-нибудь. Он объяснял ей, как необходим хороший завтрак, и говорил ей, что, если она съест этот кусок лепешки с сыром, станет выше и красивее. Рахель соглашалась, но каждый раз просила отца делать ей маленькие порции. Кальба Савуа был рад и этому. Рахель, поедая приготовленную отцом лепешку с сыром и запивая ее теплым молоком, рассказывала ему какие-то забавные истории, и ему было все равно, что многие из них он уже слышал не раз. Кальба Савуа с наслаждением смотрел на завтракающую дочь и с упоением снова и снова слушал ее рассказы. Видя, как дочь заканчивает есть первую порцию, Кальба Савуа незаметно для нее уже готовил вторую, чтобы тарелка любимой доченьки не была пустой. После завтрака Рахель снимала обувь и бежала к стене, где Кальба Савуа должен был ежедневно измерять ее рост и делать пометки. Но в дни, когда простые аргументы о красоте не срабатывали, он уговаривал ее съесть завтрак, пообещав купить подарок или сладости. Этот прием практически безотказно действовал на капризного ребенка.

Кальба Савуа мечтал о том, что так будет продолжаться всегда, до самой его старости. Он делился с ней своей мечтой о том, что она с мужем и его будущими внуками никогда не покинут стены этого дома, но Рахель каждый раз громко смеялась и говорила ему, что никогда не выйдет замуж и всегда будет жить только с ним. А когда он состарится, то уже она

будет ему делать ее любимую лепешку с сыром, а он будет ей рассказывать разные истории.

Эти воспоминания были тем единственным, что утешало Кальбу Савуа. Иногда он мог отказаться от ужина и просидеть в своей комнате до самого вечера, вспоминая о тех прекрасных днях. А когда приближалась ночь и слуги предлагали ему отправиться в спальню, чтобы хоть немного поспать, он, по привычке, проходя мимо комнаты Рахель, открывал ее дверь в надежде, что все это только страшный сон и его Рахель, как и прежде, сидит за столом, внимательно читая «Тэилим»^{*} перед сном. Завидев отца, Рахель, как всегда, вежливо попросит его подождать, пока она закончит читать очередную главу, а затем крепко обнимет его, желая спокойной ночи. Но он понимал, что все это в прошлом, и поэтому, закрывая дверь опустевшей комнаты Рахель и ложась в свою кровать, желал только одного: чтобы, проснувшись, снова услышать голос своей дочери, которая одумалась и решила бросить этого пастуха и вернуться к нему. Но время шло, а Рахель так и не появлялась. Кальба Савуа становился все молчаливее; и хоть он дал обет не говорить только с дочерью, он перестал общаться со всеми сразу. И даже своему давнему другу Шэтии Кальба Савуа отказывал во встрече и не хотел с ним видаться. Шэтия хорошо понимал, что происходит с его другом, и поэтому не раз настойчиво просил управляющего Эзру устроить ему встречу с Кальбой Савуа, но всякий раз получал отказ, пока однажды Кальба Савуа не согласился его принять.

* * *

Шэтия вошел и поприветствовал старого друга:

— Мир тебе, уважаемый Кальба Савуа.

* Тэилим — букв. «Псалмы». Книга была составлена царем Давидом.

— И тебе мир, Шэтия. С чем пришел? Ты же знаешь, сейчас я себя не очень хорошо чувствую и все вопросы по поводу прыностей ты можешь обсудить с Эзрой.

— Я не за этим к тебе пришел.

— А зачем? — глядя в сторону, безразлично произнес Кальба Савуа.

— Надеюсь не вызвать твой гнев, но мне бы хотелось поговорить о твоей дочери.

— У меня нет дочери, и я не хочу об этом говорить! — громко крикнул Кальба Савуа.

— Уважаемый Кальба Савуа, пожалуйста, позволь мне сказать. Я понимаю, что все произошедшее очень мучает тебя, но мы с тобой давно знакомы, я прошу тебя выслушать меня.

Кальба Савуа ничего не ответил.

— Я слышал от торговцев на рынке, что Рахель с Акивой живут очень бедно, может...

Кальба Савуа не дал закончить Шэтии фразу, крикнув:

— Не произноси имя этого неграмотного пастуха, а также его жены в моем доме!

— Прости, уважаемый Кальба Савуа, что рассердил тебя.

— Хорошо, что ты хотел сказать? — спросил он, чувствуя неловкость за столь резкий тон в разговоре со своим давним другом.

После паузы Шэтия продолжил:

— Да, я слышал, что они живут очень бедно, а заработанных ее мужем денег с трудом хватает на еду.

— Она сама этого хотела. Этот пастух думал, что он получает все мое богатство, но этому не бывать. Прожив еще немного в таких условиях, он убедится, что не добился своей цели, и сразу бросит ее. Я убежден, что все это он затеял только из-за моих денег.

— Думаю, что он не такой, я убежден, что он очень любит твою дочь. Я его давно не видел, но люди говорят, что он

изменился, стал другим человеком. Уважаемый Кальба Савуа, ты делаешь столько добрых дел — может, дашь и ему возможность приблизиться к Торе?

— Ни за что. Я дал обет, что не буду общаться с дочерью, пока она не бросит этого пастуха. Пускай они даже живут в полной нищете и спят на улице.

— Ты согласился бы, чтобы и твой будущий внук жил в нищете и спал на улице? Рахель беременна, у нее скоро родится ребенок, у тебя будет внук. Ты же так давно мечтал стать дедушкой!

Новость о беременности Рахель растрогала Кальбу Савуа, его отцовские чувства уже брали верх, но, вспомнив данный им обет, он произнес:

— У нее будет ребенок от этого пастуха? Шэтия, что ты наделал, сколько горя ты мне причинил! Как ты мог привести в мой дом этого человека...

— Прости меня, Кальба Савуа, я не знал, что все так произойдет. Я хотел помочь иудею. Признаться, я до сих пор корю себя за это, но прошлого не вернешь. Кальба Савуа, ради нашей давней и доброй дружбы я прошу тебя: прояви милосердие, прости их и прими в свой дом.

— Никогда! Я однажды послушался тебя и взял этого пастуха на работу, и вся моя жизнь перевернулась. Ты разбил все мои мечты на счастливую старость, разрушил все, ради чего я жил и трудился. Ты отнял у меня самое дорогое, мою маленькую Рахель.

— Прости, — опустив голову, грустно произнес Шэтия.

— Все происходящее — твоя вина, это ты привел в мой дом этого пастуха. Я больше не хочу видеть ни их, ни тебя.

Шэтия покинул дом Кальбы Савуа в удрученном состоянии.

В это время Акива после тяжелого дня возвращался домой в мрачном расположении духа. Зимой ему стало труднее добывать дрова, так как путь в лес был неблизким, а теплой одежды у него не было. Вот и в этот зимний вечер ему удалось продать только небольшую часть собранных им дров, и полученных денег едва хватило на лепешку и яйца. Акива вернулся домой в скверном настроении и, отворив дверь конюшни, вошел внутрь.

— Здравствуй, любимый, — весело поприветствовала мужа Рахель.

— Здравствуй, — сухо ответил Акива.

— Как прошел день?

Акива снял верхнюю одежду и ничего не ответил.

— Я только что все приготовила.

— Я не голоден, — ответил Акива.

— Что произошло, почему ты не в духе? — поинтересовалась жена.

— С наступлением холодов я уже не могу собирать так много дров, как летом, и заработанных денег с трудом хватает даже на пропитание. Часть собранных дров приходится приносить, чтобы отапливать конюшню, а той небольшой части, которая остается для продажи, иногда не хватает даже на то, чтобы купить еду.

— Разве это повод для печали? Слава Б-гу, у нас есть крыша над головой и эта пища — пусть и скромная, но зато мы не голодаем.

— Разве это «крыша» — заброшенная конюшня? А то, чем мы питаемся, ты называешь пищей? Не знаю, как мы проведем эту зиму, ты же беременна, тебе нужен особый уход. Рахель, знаешь, о чем я думал на обратном пути?

— О чем?

— Может, ты на время вернешься к своему отцу? Я уверен, он примет тебя и все простит, а когда я накоплю денег, то приеду и заберу тебя.

— Вернусь к своему отцу, а ты найдешь себе жену моложе меня и забудешь обо мне? Никуда я от тебя не уйду. Я что, похожа на глупышку, которая сама откажется от такого мудрого мужа? Лепешка с козьим сыром с тобой вкуснее всех яств на свете.

— Рахель, как ты можешь серьезно говорить о том, что я смогу себе кого-то найти, тем более моложе тебя? Ты, наверное, издеваешься надо мной — какая молодая взглянет на меня?

— Я не издеваюсь! Я тебя нашла, ты только мой, и мы всегда будем вместе.

— Пойми, если я буду один, я смогу уехать на север или юг Иудеи и там устроиться пастухом. Буду жить в имении, а все полученные деньги откладывать для нас.

— Я все равно не вернусь к отцу. Куда бы ты ни поехал, я поеду с тобой.

— Я сейчас говорю серьезно.

— И я серьезно. Никуда я от тебя не уеду. Раз я решила стать твоей женой, значит, была готова к трудностям.

Акива опустил голову и замолчал. Рахель немного подождала и продолжила:

— Знаешь, в хорошие времена, когда у тебя все есть, может жить каждый. Мудрость состоит в том, чтобы суметь прожить в трудные времена, сохранить семью, взаимоуважение. Этот период времени и есть настоящее испытание. Слабые пары распадаются, подобно пламени, которое гаснет от первого же дуновения ветра, а настоящие пары становятся еще крепче, как костер, который от ветра только набирает силу.

— Порой я так жалею, что втянул тебя во все это...

— Может, ты и жалеешь, но я ни о чем не жалею, у нас все хорошо. Есть где жить, есть где спать, есть чем питаться, а в шаббат мы живем почти как короли. А знаешь, что самое главное? То, что у меня есть ты, а у тебя есть я, разве я не права?

Акива ничего не ответил. И Рахель продолжила:

— Я думаю, что для этого и нужна человеку жена, чтобы помогать и поддерживать его в трудную минуту. Любимый, слава Б-гу, у нас все хорошо.

— Это ты называешь хорошо? Жизнь в конюшне. Ты, дочь Кальбы Савуа, одного из самых богатых людей в Иудее, говоришь, что все хорошо. Мы с трудом питаемся, мы даже кровать купить не можем, все еще спим на стоге сена, это хорошо? И за все это ты говоришь: «Слава Б-гу». Наверное, во всей Иудее не встретишь людей беднее нас.

— Акива, не падай духом! Возможно, это испытания, и мы расплачиваемся за наши ошибки в этой жизни или за те, что совершили в прошлой, — нам этого не дано понять... Мы должны просто смириться и постараться их преодолеть.

— Но за что нам такие испытания, что мы такого совершили?

— Нам не дано понять волю Его, милосердного. Но раввины говорят, что испытания дают возможность человеку в этом мире искупить свои грехи через страдания. Страдание позволяет человеку духовно очиститься и стать мудрее. Все это делается во благо человека, чтобы дать ему возможность стать на правильный путь. А иногда испытания посылаются для того, чтобы пробудить человека, показать ему, что он свернул с верного пути и попусту растрчивает свою жизнь. Поэтому нам нужно всегда спрашивать себя: что Вс-вышний хочет от нас? Что мы делаем не так? Как бы Он хотел, чтобы мы поступили в той или иной ситуации? Что Он этим хотел нам показать и что нам необходимо осознать?

— Какое Ему дело до нас, до двух человек, живущих в этом забытом месте? Какого Он может ожидать от меня поведения и зачем устраивать все эти испытания для такого человека, как я, человека, который не владеет грамотой и письмом?

— Акива, ты себя недооцениваешь.

— Я оцениваю свои возможности и понимаю, что, кроме бедности и скитаний с места на место, нас ничего не ждет. Нам нужно разбогатеть, чтобы купить новый дом, достойно вырастить детей.

— Ты думаешь, что все заключается в деньгах?

— Рахель, деньги играют огромную роль, они дают человеку свободу, дают человеку возможность распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. Ему не нужно работать, как ослу, с восхода солнца и до заката, не нужно дорожить каждой монетой, он свободен в своих действиях и передвижениях.

Рахель внимательно посмотрела на Акиву и произнесла:

— Знай, Акива: деньги — большое испытание, и не каждый способен его выдержать. Поэтому человек не должен радоваться деньгам, так как он не знает, с какими намерениями они были ему даны. Мудрецы учат, что деньги даются человеку в трех случаях. В первом случае — если его хотят вознаградить за хорошие качества и добрые поступки. Во втором — чтобы наказать: Вс-вышний пошлет человеку денег, а тот этими деньгами разрушит свою жизнь и жизнь своих близких. И в третьем случае деньги даются человеку как испытание, и тогда он уже сам решает, какой путь ему избрать — путь созидания или путь разрушения. Поэтому мы должны довольствоваться тем, что имеем, и за все благодарить Вс-вышнего.

— Ты еще находишь, за что благодарить Его.

— Да, Акива, я благодарна за все, и если бы у меня была возможность повернуть время назад и снова выбирать, быть с тобой или остаться с отцом, я бы выбрала только тебя. Ты

знаешь, мне отец в детстве постоянно читал притчи царя Шломо. Он уверен, что царь Шломо — мудрейший из когда-либо живших людей, и одна из его притч гласит: «Мудрая жена устроит дом свой»*.

После небольшой паузы Рахель продолжила:

— Акива, пойми меня правильно, я совсем не утверждаю, что мы всю жизнь должны жить в бедности. Напротив, нам следует молиться Вс-вышнему, чтобы Он позволил нам стать богаче. Так как, став богаче, человек может сам помогать нуждающимся и вершить немало добрых дел.

— Мне бы твою силу и уверенность, моя Рахель. Если бы я был таким сильным, как ты, то, может, и верил, что у нас что-то получится. Надеюсь, что наш ребенок будет похож на тебя, а не на такого, как я.

— А я мечтаю, чтобы наш ребенок был похож на тебя. Когда ты уходишь, я подолгу разговариваю с нашим будущим малышом и рассказываю, какой ты молодец.

— Прошу тебя, не надо. Что может быть хорошего во мне? Будет большой удачей, если он будет походить на тебя. А я из себя ничего не представляю, так и умру неучем в полной нищете. А ты умна, красива, образованна.

— Акива, пожалуйста, не говори таких вещей, я уверена: ребенок все слышит, — обхватив живот, произнесла Рахель.

— Скоро он и сам сможет во всем убедиться, подрастет и узнает, что собой представляет его отец. Кальба Савуа прав: из меня в самом деле ничего не получится. Если останешься со мной, то у нас не будет возможности отправить нашего ребенка учиться грамоте, может, и ему придется, как и мне, работать с самого детства. И вместо грамотного юноши

* «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками» (Мишлей, 14:1).

мы вырастим еще одного неграмотного пастуха. Прошу тебя, пока не поздно, вернись к своему отцу.

— Знай, я никогда этого не позволю, — расплакалась Рахель. — Я продам последнее платье, последнюю лепешку, но выращу грамотных детей. Говори, что хочешь, ругай меня, бей, но, умоляю тебя, не ломай мою веру. Вера в лучшее дает мне силы бороться со всем этим.

— Прости меня, Рахель, пожалуйста, не плачь.

Слезы текли рекой по щекам девушки, но она продолжила:

— Я готова сама трудиться с самого утра и до поздней ночи, но обязательно отправлю учиться и тебя, и наших детей. Ты не смотри на то, что я женщина, я со всем справлюсь — я очень сильная. Я сама все сделаю, только умоляю тебя — не ломай мою веру в лучшее, веру в светлое.

— Я знаю, что ты сделаешь все, что задумала. Пожалуйста, не плачь.

— Да, я все сделаю, — продолжая плакать, произнесла Рахель, — но почему ты губишь все мои стремления и надежды? Я понимаю, что тебе тяжело и порой мы недоедаем, но разве это повод для печали?

Акива никак не мог успокоить жену — она повернулась к окну, продолжая плакать.

— Рахель, пойми меня, пожалуйста, — тихо сказал Акива, обнимая жену.

— Я только и делаю, что пытаюсь тебя понять. Я ничего не требую, стараюсь выполнять все, что ты скажешь, боюсь возразить тебе, но ты ничего этого не ценишь.

— Рахель, я все это ценю, но мы не сможем долго жить в этой конюшне. Крыша у нее исхудала и при сильных морозах может рухнуть в каждую минуту. Мы не можем продолжать здесь жить вечно, а чтобы подыскать другое жилье, нам нужны деньги.

В это время они услышали голос и стук снаружи:

— Откройте, пожалуйста, откройте, моя жена рожает.

— Акива, иди посмотри, кого принесло в наш дом в эту холодную зимнюю ночь.

Акива, открыв дверь, увидел продрогшего от холода мужчину в рваных одеждах.

— Мир вам, — с трудом переводя дух, произнес мужчина.

— Мир тебе, — ответил Акива.

— Моя жена сейчас родила мне сына, — прерывисто дыша, произнес мужчина.

— Поздравляю, чем мы можем помочь?

— Нам очень нужно немного соломы, нам некуда уложить новорожденного ребенка.

Акива побежал в дом и быстро вынес мужчине небольшую связку соломы. Мужчина, взяв солому и поблагодарив Акиву, быстро направился к себе домой.

— Хоть кому-то мы можем помочь, — заперев дверь, произнес Акива.

— Видишь, любимый, не все так плохо. Есть люди, у которых нет даже связки соломы, — произнесла Рахель, немного успокоившись.

— Да, я думал, что мы самые бедные люди на земле. А получается, что есть те, кому еще сложнее, у кого нет даже соломы, которой у нас вдоволь.

— Слава Б-гу, что Он послал нам этого человека и поддержал в трудную минуту, а то я совсем начала терять надежду.

Акива поцеловал жену, и они, поужинав, отправились спать.

* * *

С наступлением весны Акива начал получать больше денег за собранный хворост, и они переехали в комфортное жилище

на окраине Иерусалима. Шло время. Рахель родила ему сына, которого они называли Иошуа. А затем родилась и дочь Шулямит.

Акива продолжал тяжело трудиться, но, когда Иошуа пришло время идти учиться грамоте, Рахель напомнила Акиве о его обещании, и он отправился учиться грамоте вместе с сыном.

Первый день учебы Акивы был ужасным. Дети, тыча в его сторону пальцами, громко смеялись над ним — они никак не могли свыкнуться с мыслью, что с ними вместе занимается взрослый дядя. Акива и Иошуа сидели за узкой партой на двух низких стульях. Стулья были рассчитаны на детей, поэтому ему было очень неудобно. Учителю не раз приходилось прерываться, так как детский стул скрипел от малейших телодвижений Акивы, чем отвлекал внимание учеников. А в конце занятия стул под Акивой и вовсе развалился, чем вызвал бурный смех учеников и преподавателя. Упав на пол, Акива получил незначительные ушибы, на него посыпались насмешки, после которых он дал себе слово больше не посещать это учебное заведение.

Досидев до конца занятий, он, забрав сына, направился домой. На протяжении всего пути он проклинал себя, что пошел на поводу у Рахель и согласился сесть за учебники в своем возрасте. Он мечтал только об одном — поскорее вернуться в свой дом, запереться и забыть о пережитом позоре. Но подойдя к дому и отворив калитку, Акива услышал голос своего пожилого соседа по имени Ишра. Он тоже не упустил возможности язвительно подшутить:

— Акива, как прошел твой первый день в учебном заведении? — спросил сосед с ехидством. — Ты уже нашел себе друзей в новом классе?

Акива, ничего не ответив и опустив голову, прошел в дом, где его ждала сияющая от радости жена. Он пребывал в подавленном

настроении, но решил не показывать это Рахель, чтобы не огорчать ее.

— Акива, любимый, как я счастлива! Наверное, я сегодня самая счастливая женщина на свете — мой муж и сын начали постигать грамоту.

Акива ничего не ответил и, вымыв руки, сел с сыном за стол, где их ждал вкусный ужин. Рахель радостно ухаживала за ними, не переставая интересоваться подробностями первого учебного дня. Но Акива упорно молчал, ссылаясь на усталость. Поужинав и сказав жене, что идет спать, Акива попросил разбудить его пораньше.

Когда Акива лег спать, Рахель, поговорив с Иошуа, узнала о всех насмешках и унижениях, которые пришлось сегодня вынести ее мужу. Она до утра не могла сомкнуть глаз и была готова лично отомстить каждому, кто обидел Акиву. Рахель надеялась, что, проснувшись и позавтракав, Акива забудет о всех обидах и снова пойдет учиться.

Приготовив завтрак, она с первыми лучами солнца разбудила своего мужа. За завтраком рассказал Рахель, как ему трудно дается учеба и что это не для него, он собрался, как обычно, отправиться за хворостом. Выйдя провожать Акиву, Рахель произнесла:

— Акива, разве учебное заведение не на другой стороне?

— Ты права, Рахель, на другой, но я сегодня направляюсь не туда, а как обычно, в лес за хворостом.

— Почему, Акива, что произошло?

— Ничего, я мужчина и должен всех вас кормить. Я больше не пойду ни на какую учебу.

Рахель, видя решительность мужа, посчитала разумным перенести разговор на более подходящее время. Она пожелала Акиве хорошего дня и прошла в дом, чтобы подготовить к учебе сына.

Проводив сына, она, вернувшись домой, стала думать, как убедить Акиву снова пойти учиться. Она перебирала разные варианты и решила откровенно поговорить с ним после ужина.

Накормив вернувшихся Иошуа и Акиву, Рахель произнесла:

— Акива, может, хоть сейчас мне ответишь, почему ты сегодня не пошел вместе с сыном на учебу?

— Я не хочу об этом говорить. Ноги моей больше не будет в этом заведении.

— Ты же обещал мне пойти учиться, стать грамотным человеком. Я ради тебя покинула отцовский дом, тружусь целый день, чтобы создать в доме уют, приготовить вкусную трапезу, а ты не можешь сделать для меня такую малость.

— Рахель, попроси меня пройти всю Иудею вдоль и поперек, пешком с севера на юг или с запада на восток, и я отправлюсь выполнять твое желание беспрекословно. Прикажи мне собрать весь сухой хворост в нашем лесу, проси все что хочешь, только не учиться. Мне уже сорок, и в моем возрасте крайне тяжело усваиваются знания, но в то же время крайне больно воспринимаются насмешки. Если раньше я мог все терпеть и проглатывать, то сейчас мне с трудом удается сдерживать себя и не нападать на обидчиков с кулаками. Все преподаватели, торговцы на рынке, соседи смеются надо мной. Им же нужен только повод, а то, что я пошел учиться с детьми грамоте, учиться писать и читать — что может быть лучше? Я уже взрослый, и мне поздно что-либо начинать. У нас подрастают дети, Иошуа уже учится, через несколько лет и наша маленькая Шулямит пойдет учиться грамоте, мы о них должны думать, а не обо мне.

Рахель молча слушала мужа, который предложил ей следующее:

— Давай условимся так. Я буду много работать, и все заработанные деньги будем тратить на образование наших детей.

И я прошу тебя только об одном: не поднимай тему учебы, оставь меня в покое, я очень устал от насмешек людей.

Рахель, выдержав паузу, произнесла:

— Акива, мне очень обидно от того, что тебя интересует мнение людей и совсем не интересует мое мнение, мнение самого дорогого для тебя человека. Я столько делаю для тебя, а ты для меня не можешь сделать даже такую малость. Я прошу тебя только об одном: не бросай учебу, а всю заботу по дому я готова взять на себя.

— Как ты можешь просить меня об этом, ты же понимаешь, что у меня на это нет ни средств, ни желания, ни способностей. Грамоте нужно было учиться с самого детства, а не в сорок лет. Ты что, хочешь сделать из меня всеобщее посмешище? Ты даже представить себе не можешь всей нелепости ситуации: дети все время смотрят не на преподавателя, а на меня, как я умещаюсь за этой партой и сижу на детском стуле. Я не только сам ничему не учусь, но и мешаю другим.

— Акива, это же дети, они не ожидали увидеть тебя за партой. Хочешь, я пойду и поговорю с учителем, чтобы тебя пересадили за отдельный стол и дали высокий стул? Пойми, произошедшее не повод опускать руки, я хочу, чтобы у меня был грамотный и мудрый муж, который сможет стать достойным примером своим детям и внукам. Я пошла на все это в надежде на то, что однажды ты станешь уважаемым человеком. Пойди еще раз, попытайся, я тебя прошу. Вспомни данное мне обещание.

— Нет, Рахель. Я для себя все уже решил, я больше не собираюсь выслушивать насмешки в свой адрес.

Рахель, подумав немного, предложила:

— Давай поступим так. Ты сделаешь, о чем я тебя попрошу, и если после этого ты не изменишь своего мнения, то можешь взять обратно данное мне обещание.

— Да, я слушаю.

— Дай мне все деньги, которые у нас есть.

Акива, достав из укромного места все накопленные ими деньги и положив их на стол, произнес:

— Зачем они тебе, что ты хочешь с ними сделать? Это все, что у нас есть.

Рахель, ничего не сказав, взяла все деньги и пошла спать.

Проснувшись рано утром, она не стала будить Акиву и направилась на рынок.

Вернувшись домой и приготовив завтрак, она разбудила мужа и сына. Накормив их, она отправила Йошуа на учебу, а Акиву попросила пройти с ней во двор. Там Акива увидел осла, привязанного к росшему во дворе дереву.

— Что это, Рахель? — спросил удивленный Акива.

— Это осел.

— Откуда он у тебя? И почему осел такой старый и еще с впадиной на спине, как у двугорбого верблюда?

— Я его сегодня купила на рынке.

— И сколько ты за него заплатила?

— Все, что у нас было.

— Рахель! — громко закричал Акива, схватившись за голову. — Ты отдала за этого старого осла все наши деньги? Хочешь на рынке показывать его людям за деньги? Он же ничего не может, кроме как есть и спать.

— Тебе же нужно на чем-то возить хворост, вот тебе и будет помощник.

— Какой это помощник, ты за эту сумму могла купить нормального осла! А этот, может, до лесу еще и дойдет, а вот обратно мне и его, и хворост придется нести на себе. Думаю, совсем скоро и у меня появится на спине такая же впадина.

— Акива, успокойся, выполни то, что я тебе скажу, а затем мы решим, что делать дальше.

— Что ты придумала на сей раз?

Рахель взяла землю, заполнила впадину осла землей и по середине поставила цветок. Она прикрыла все это небольшим старым ковром и сказала:

— Ты будешь ходить с этим ослом на рынок целую неделю, хорошо?

— Рахель, что с тобой? Ты в своем уме? Зачем тебе все это, люди и так ищут всякий повод подшутить надо мной, а здесь ты им сама его предоставляешь.

— Акива, выбирай: или ты делаешь это, или завтра же идешь с сыном на учебу.

— Ладно, я сделаю, но только для того, чтобы покончить с этой темой раз и навсегда.

Акива не понял затею Рахель и в этот раз взял с собой в лес осла. Набрав сухого хвороста и погрузив его на спину животного, он отправился на рынок. Увидев Акиву с шагающим рядом ослом, у которого на спине рос цветок, торговцы и проходящие мимо люди начинали громко смеяться.

— Акива, ты нашел себе нового друга? — слышался голос торговца справа.

Эта реплика вызвала громкий смех среди торговцев, а когда Акива, опустив голову, пошел дальше, другой торговец прокричал:

— Акива, ты что, с сегодняшнего дня торгуешь не хворостом, а цветами?

Акива, заняв свое место и бойко распродав собранный хворост, поспешил домой. Прикрывая своим телом спину осла, Акива быстро покинул рынок и прошагал к своему дому в надежде поскорее укрыться от насмешек прохожих. Но Ишра, сосед Акивы, увидев возвращавшегося домой соседа со старым ослом, на спине которого рос цветок, прокричал:

— Акива, наверное, ты с этим ослом ровесник. Вы с ним прекрасно смотрите вместе, гляжу на вас и не могу найти никаких отличий, — громко засмеялся Ишра. — А нет, одно, кажется, нашел: наверное, он, в отличие от тебя, может читать.

Акива ничего не ответил пожилому соседу, быстро прошел в дом и закрыл калитку. Привязав осла к дереву, он вымыл руки и прошел внутрь, где его уже ждал ужин. За ужином Акива рассказал Рахель о всех насмешках, услышанных за день, и наотрез отказался снова отправляться на рынок с ослом, у которого на спине растет цветок. Но Рахель настояла, чтобы он, как они и договаривались, ходил с ним на рынок целую неделю.

По окончании последнего дня обещанной жене недели Акива вернулся домой, привязал осла, вымыл руки и сел за стол. Рахель подала ему вкусный ужин, после которого спросила:

— Как прошел день?

— Все как обычно, утром в лес, потом на рынок, а затем домой.

— Где твой осел?

— Он во дворе, сегодня было жарко, и он еле дошел.

— А как его цветок, он не завял?

— Как ты и сказала, я его дважды поливаю.

— Значит, ты хочешь сказать, что ты целый день проходил с ослом с цветком на спине и все прошло хорошо? Странно.

— А что должно было произойти?

— И никто не смеялся, что у осла на спине растет цветок?

— Да нет, — задумчиво ответил Акива. — Первые два-три дня смеялись торговцы на рынке, но теперь они почему-то утихомирились и даже не обращают на это внимания. Наверное, уже свыклись с мыслью о том, что есть обычные ослы, а есть ослы с цветком на спине.

— Мой милый Акива, тебе больше не нужно ходить на рынок с этим ослом.

— Почему? Я уже к нему привык.

— Потому что ты уже ответил на свой вопрос.

— Какой вопрос? — удивился Акива.

— На свой по поводу учебы.

— Я думал, что мы все решили. Я походил с ослом с цветком на спине неделю, как ты и сказала, и теперь мы можем забыть об этом разговоре и делать все, чтобы наши дети учились грамоте.

— Мой Акива, помнишь причину, по которой ты не хотел идти учиться — ты боялся, что люди будут смеяться над тобой, верно?

— Да, Рахель. Я тебе уже об этом говорил.

— Я знаю, но ты и с ослом поначалу стеснялся появляться на рынке, опасаясь реакции торговцев и прохожих. Да, пускай они и посмеялись над тобой день-два, но потом, как ты говоришь, они привыкли. То же самое произойдет и с учебой: учителя, соседи, торговцы и даже дети день, два, может быть, неделю, будут смеяться над тобой, но потом привыкнут и будут воспринимать это как должное. Поверь мне, если за неделю они привыкли к ослу с цветком на спине, то к тому, что ты в сорок лет решил научиться грамоте, они привыкнут еще быстрее.

После этого примера Акиве ничего не оставалось, как согласиться со своей мудрой женой и продолжить изучать грамоту вместе с сыном. Он быстро все усваивал, и преподаватели были поражены его дотошностью даже в самых мелких вопросах. Акива подолгу рассматривал все двадцать две буквы ивритского алфавита и пытался понять, почему каждая буква имеет именно ту форму, а не иную. Его мучили вопросы: Почему букву в алфавите именно двадцать две? И почему

первая буква в нем — «алеф», а не «бет»? Что Создатель хотел всем этим показать?

Рахель видела стремление мужа к знаниям и была чрезвычайно рада этому. Каждый раз, знакомясь с новой буквой, Акива, возвращался домой и подолгу обсуждал ее форму и значение со своей супругой. Он часами мог пристально смотреть на одну букву, изучая ее строение до малейших подробностей. Акива был убежден, что даже запятая сверху не случайна и несет в себе некий тайный смысл.

Освоив алфавит, он начал изучать премудрости Торы у раби Нахума, больше известного в народе как раби Нахум Иш Гам-Зу из-за того, что любил всегда повторять одну и ту же фразу: «Гам зу летова»*. Он был убежден, что все происходящее с человеком в этом мире — к лучшему. Из-за римского запрета ему приходилось тайно обучать Торе всех желающих. Акиве нравилось обучаться у раввина и иметь возможность задавать интересующие его вопросы, например: почему первое слово в Торе, в главе «Берешит», начинается с буквы «бэт», которая занимает в алфавите второе место, а не с «алеф», которая первая? И пожилой раввин старался дать ученику объяснения на все возникающие у него вопросы.

Акиве было очень тяжело, но он не сдавался. В моменты отчаяния он вспоминал капли воды, проделавшие углубление в большом камне, и это придавало ему надежду — надежду на то, что и слова Торы проникнут в его сердце, если терпеливо заниматься. Раби Нахум Иш Гам-Зу, видя стремление Акивы к знаниям, пытался во всем ему помогать. Акива становился все мудрее и мудрее с каждым вопросом и тщательно подобранным на него ответом. И вскоре раввину ничего не оставалось делать, как признать способности ученика и

* «Гам зу летова» — букв. «И это тоже к добру».

порекомендовать ему продолжить обучение у лучшего раввина современности — раби Элизера бен Урканоса*, который на данный момент был главой ешивы, основанной раби Йохананом бен Закаем в городе Явне. Римский император лично дал разрешение раби Йоханану бен Закаю основать эту ешиву, все другие ешивот в стране обучали на свой страх и риск. И по этой причине все лучшие мудрецы поколения обучались тогда в Явне.

* * *

Рахель, в свою очередь, поддерживала своего мужа как могла. Она предоставила Акиве возможность целыми днями изучать грамоту и основы Торы, взяв на себя все заботы по дому.

Несмотря на трудности, с которыми ей приходилось сталкиваться, она ни на мгновение не жалела о своем решении отправить Акиву учиться. На ее глазах осуществлялись все ее сокровенные мечты. Старший сын учится грамоте, а муж, уже умея читать и писать, начал изучать премудрости Торы.

Возвращаясь с учебы, отец и сын каждый вечер делились с родными успехами, а также последними новостями Иудеи.

Однажды летним вечером, за ужином Акива рассказал жене, что раби Нахум Иш Гам-Зу настойчиво предлагает ему продолжить учебу в ешиве в Явне. Он поделился с женой, что тоже хотел бы продолжить обучение в ешиве, но из-за финансовых сложностей он намерен завтра же вежливо отклонить его предложение и продолжить учебу вместе с раби Нахумом Иш Гам-Зу.

* Раби Элизер бен Урканос — один из величайших мудрецов Торы, ученик раби Йоханана бен Закая. Руководил ешивой в Явне и являлся членом Санедрина. Самым выдающимся из его учеников был раби Акива.

Рахель, услышав эту новость, попросила Акиву не торопиться отвечать отказом, а напротив, завтра же принять его предложение. Она пообещала непременно найти необходимую сумму и позволить Акиве продолжить обучение. Мысль о том, что способность ее мужа к изучению грамоты и Торы оценил также и уважаемый раби Нахум Иш Гам-Зу, воодушевила ее, и она была полна решимости найти необходимые средства.

* * *

Проснувшись, Акива сказал, что сегодня же сообщит о своем решении продолжить обучение в Явне. Позавтракав, он вместе с сыном отправился на учебу, а Рахель, дождавшись их ухода, поспешила на городской рынок. Вернувшись домой до захода солнца, она принялась готовить ужин для мужа и детей.

Проучившись до позднего вечера и сообщив преподавателям радостную весть, Акива и Иошуа вернулись домой.

Пужинав и обсудив прошедший день, Рахель спросила:

— Акива, ты помнишь наш вчерашний разговор по поводу учебы?

— Да, я сегодня сообщил раввину о том, что готов поехать в Явне, и он очень обрадовался.

— А когда ты хочешь отправиться?

— Хоть завтра, я не хочу терять драгоценного времени. Мне еще многому нужно научиться.

— Отлично, тогда завтра утром и отправишься в путь.

— Рахель, ответь, пожалуйста, откуда у тебя завтра появятся деньги? Ты собираешься занять их у нашей соседки Леи?

— Я же сказала, что завтра будут деньги, значит, будут, — улыбнулась Рахель.

— Не знаю, откуда у тебя деньги, где ты их нашла или одолжила, но спасибо тебе, Рахель. После завтрака я отправлюсь в Явне, чтобы успеть добраться туда до захода солнца.

— Пожалуйста, не забывай в Явне о том, что тебя в Иерусалиме ждут дети и уже немолодая жена, — грустно произнесла Рахель.

— Рахель, знай: где бы я ни был, мое сердце всегда будет принадлежать только тебе. Зачем мне кто-то нужен, когда у меня есть самая прекрасная и мудрейшая из женщин...

— Акива, прекрати, — смутившись, произнесла Рахель.

— Обещаю: каждый день я буду вспоминать о тебе и детях. Поверь, я даже не знаю, как смогу прожить без тебя и дня. Ты даже представить себе не можешь, как я буду скучать по твоим глазам, твоей улыбке и этим прекрасным волосам, — перебирая роскошные волосы Рахель, произнес Акива. — Каждый вечер я буду рисовать твое лицо в своем воображении и подолгу беседовать с тобой.

— Надеюсь, что все так и будет. А сейчас пошли спать, завтра тебе предстоит долгий путь.

* * *

Рахель встала раньше Акивы, оделась, тихо вышла из дома и направилась в сторону городского рынка. Вернувшись и разбудив мужа с сыном, она принялась готовить завтрак.

— Акива, любимый, ты скоро? Тебе нужно поторопиться.

— Да, Рахель, я уже одеваюсь и скоро приду к столу.

— Поторопи, пожалуйста, Иошуа, ему нужно на учебу, а Шулямит пускай пока спит.

Акива, пройдя на кухню и поприветствовав Рахель, спросил:

— Рахель, что с тобой, почему ты дома в платке, ты заболела? — Он был удивлен внешним видом жены.

— Акива, ты же знаешь, во сколько я встаю, а с утра очень холодно и я боюсь простудить голову.

— Молодец, ты должна заботиться о себе, сейчас ты будешь вынуждена сама вести все хозяйство.

Прочитав в глазах подоспевшего к завтраку Иошуа вопрос о платке на голове, Рахель решила сыграть на опережение и, не дав ему произнести и слова, сказала:

— Иошуа, скорее садись за стол и ешь, ты не должен опаздывать на учебу.

— А что у тебя... — пытался спросить ребенок.

— Не задавай много вопросов, ешь — и бегом на учебу. Акива, — обратилась она к мужу, — я зашла на рынок, купила тебе лепешек, овощей и фруктов в дорогу, и, кстати, вот тебе деньги, на первое время этого должно хватить, а затем я тебе отправлю еще.

— Рахель, почему ты не хочешь ответить, откуда у тебя эти деньги? Ты у кого-то одолжила?

— Акива, пожалуйста, не задавай лишних вопросов.

— Мы же муж и жена, между нами не должно быть тайн.

— Если тебе от этого станет легче, я отвечу: я их ни у кого не заняла.

— Спасибо тебе за эту возможность продолжить учебу, я буду очень стараться. Но знаешь, о чем я постоянно думаю? Как вы здесь будете без меня...

— Акива, ты разве не веришь в мои силы? — с притворным возмущением воскликнула Рахель. — Кто справлялся со всем хозяйством, пока ты учился грамоте, а затем и у раби Нахума Иш Гам-Зу?

— Рахель!

— Кто доил коз, смотрел за курами, приносил хворост, чтобы отапливать дом? Снова Рахель.

— Да, Рахель. Ты у меня умница. Но раньше я хоть вечерами был дома, а теперь, возможно, я долгие месяцы не смогу навещать вас.

— Акива, знай, что все будет в порядке, ты, главное, занимайся. Я и дальше смогу вести хозяйство, усердно учись и помни, что мы все тебя любим.

Прежде чем отправиться в долгий путь, Акива зашел в комнату за сумкой, а Иошуа, встав из-за стола и тоже взяв свою сумку, направился к выходу. Провожая сына, Рахель резко нагнулась, чтобы поцеловать его, но в этот момент косынка, прикрывавшая ее голову, соскользнула на пол. Взору подошедшего Акивы и стоявшего рядом Иошуа предстала шокирующая картина — волос на голове Рахель не было.

Акива долго смотрел на нее и никак не мог прийти в себя. Он попросил Иошуа подождать его за дверью.

— Рахель, что произошло с твоими прекрасными волосами? Почему ты их постригла? Зачем ты это сделала? — едва сдерживая слезы, произнес Акива.

— Акива, я же тебе говорила, что сейчас лето и мне жарко работать, — опустив глаза, произнесла Рахель.

— Теперь мне понятно, откуда у тебя деньги, — присев на стул и опустив сумку на пол, печально произнес Акива. — Я никуда не еду. Такой ценой мне этого не нужно.

— Акива, пожалуйста, не сердись на меня. Все, что я делаю, это для нас. Для меня главное, чтобы у тебя была возможность учиться, а волосы... они скоро отрастут.

Акива молчал и смотрел в пол, он никак не мог осознать, как Рахель решилась на такой шаг.

— Если ты меня хоть капельку любишь, то ты возьмешь свою сумку и отправишься в путь. Волосы отрастут, а терять драгоценное время мы не можем.

— Как я могу не любить такую, как ты! Каждый человек на земле мечтал бы, чтобы рядом с ним была такая жена — умная, верная, отважная. И ты после всего этого спрашиваешь, люблю ли я тебя хоть капельку?

— Все, что я делаю, это для нас и наших детей. Мы должны обеспечить им достойное будущее. Им надо брать с кого-то пример, а если ты не продолжишь обучение, то и они начнут с презрением относиться к учебе и в будущем над ними будут потешаться окружающие, как когда-то над тобой.

— Ты права, — тихо произнес Акива, — мне обязательно нужно продолжить учебу. Спасибо тебе за все, что ты делаешь для меня. Спасибо, что ради меня пошла на такой шаг — продала свои волосы.

— Акива, у тебя не должно быть повода для печали, так как то, что ты научишься писать и читать, дороже мне, чем то, как я выгляжу. И кстати, зачем мне длинные волосы, когда ты уезжаешь? Меня интересует только один мужчина на земле, и если его нет рядом, то для кого тогда мне их распускать? Ты хочешь, чтобы кто-то другой любовался мной, моими длинными волосами? — улыбаясь, произнесла Рахель.

— Нет.

— Вот и мне этого не нужно, у меня есть ты, и я хочу, чтобы всю жизнь ими восхищался только ты один.

Акива был тронут поступком Рахель, он крепко обнял ее, пообещав учиться день и ночь и сделать все возможное, чтобы ее усилия не были напрасными. Он дал слово, что, когда выучит грамоту и Тору и вернется домой, то непременно купит ей украшение «Золотой Иерусалим», в благодарность за все, что она делает для него.

Рахель, улыбаясь, кивнула и сказала, что к тому времени у нее уж точно отрастут волосы и, распустив их, она наденет диадему «Золотой Иерусалим».

Акиве с каждой минутой было все сложнее расстаться с Рахель, и чтобы не передумать о своем решении поехать учиться, он поскорее попрощался с женой. У него было тяжело на душе, он никогда прежде не расставался с ней, а теперь ему предстояло жить вдалеке от своей любимой. Сославшись на долгий путь, Акива быстро запрыгнул на осла и отправился в ешиву раби Йоханана бен Закая в городе Явне...

Глава 5

ЕШИВА В ГОРОДЕ ЯВНЕ

*Открой глаза мои, и увижу чудеса
Торы Твоей.*

*Странник я на земле; не прячь
от меня Своих заповедей.*

Тэилим, 119:18-19

Путь до Явне занял у Акивы больше времени, чем он ожидал. Из-за жары и палящего солнца ему пришлось сделать несколько незапланированных остановок, чтобы осел смог передохнуть в тени и напиться воды.

Прибыв в город поздним вечером и проходя по узким улочкам, он натолкнулся на белое здание с высокими воротами, на которых было что-то написано. Внимательно прочитав вывеску и убедившись, что он добрался до ешивы, основанной раби Йохананом бен Закаем, которой в то время руководил раби Элизер бен Урканос, Акива постучал в дверь. Не услышав ответа, Акива постучал еще раз, и с другой стороны слышался сонный голос:

— Кто там?

— Мое имя Акива бен Йосеф.

— Уже поздняя ночь, что тебе нужно? — поинтересовался голос из-за ворот.

— Прости, уважаемый, я понимаю, что уже поздно, но я приехал к вам издалека, из Иерусалима. Это ешива, которой сейчас руководит раби Элизер бен Урканос?

— Да, сейчас открою.

Из-за приоткрывшихся ворот показался седовласый иудей лет семидесяти. Он внимательно посмотрел на Акиву и произнес:

— Мир тебе. Чем могу помочь? Что привело тебя к нам?

— Мир и тебе. Мое имя Акива, я хочу заниматься в вашей ешиве. Ты раби Элизер бен Урканос, который руководит этой ешивой?

— Нет, мое имя Шомер. Раби Элизер после вечерней молитвы, как обычно, отправился к себе домой, я здесь только сторож.

— А когда можно будет с ним поговорить? Мне очень нужно его увидеть.

— Думаю, что завтра после утренней молитвы, если у него не будет никаких важных дел.

— Шомер, я приехал издалека, и мне негде переночевать. Можешь впустить меня в синагогу? Я готов до утра изучать Тору, пока все не соберутся на молитву.

— Сейчас это невозможно. Свечи в синагоге уже погашены, значит, все ученики ешивы, занимающиеся в синагоге, уже спят. Но если тебе некуда идти, сегодня ты можешь переночевать в моей комнате, а дальше будет видно.

Привязав осла, Акива проследовал во двор ешивы за пожилым человеком. Во дворе находилось два здания. Проходя мимо них, Шомер, поочередно указывая на каждое, сказал:

— Вот в этом здании слева живу я и ученики ешивы, а справа — это синагога. В синагоге располагается большой молебный зал, а также специально предусмотренное место для занятий, где ученики ешивы занимаются с утра и до поздней ночи.

Увидев прекрасное здание синагоги, Акива пришел в восторг и произнес про себя: «Здесь я буду учиться и никуда не уеду, пока не стану раввином. Рахель заслуживает, чтобы у нее

был образованный муж, а мои дети — чтобы у них было с кого брать пример».

Пройдя в маленькую комнату, специально выделенную сторожу, Акива присел на стул. Немного отдохнув с дороги, он достал из сумки купленные Рахель на рынке продукты и, разложив их на столе, сказал:

— Уважаемый Шомер, угощайся.

— Спасибо, обычно я стараюсь в такое время не есть, но с тобой сделаю исключение.

— А давно ты здесь служишь?

— Уже десять лет, с самого основания этой ешивы.

— Эта ешива основана совсем недавно и уже известна на всю страну...

— Ты знаешь, Акива, то, что наша ешива в Явне известна во всей Иудее, это заслуга ушедшего совсем недавно в лучший мир раби Йоханана бен Закая. Он был учеником самого раби Илеля. Когда я впервые встретил в нашем городе раби Йоханана бен Закая, то был поражен мудростью и скромностью этого человека и сразу же предложил свою помощь. Я сказал, что денег больших на строительство ешивы у меня нет, так как я пожилой человек, но если смогу что-то сделать, то сочту за честь. И он предложил мне сторожить синагогу ночью, а я с радостью согласился. И с тех пор ночью я нахожусь здесь, а утром возвращаюсь к семье. Для меня большая честь быть хоть чем-то полезным ешиве, так как чувствую себя причастным к этому великому делу.

— А почему он решил создать ешиву именно в Явне, а не в Иерусалиме?

Сторож, запив стаканом воды поздний ужин, ответил:

— Раби Йоханан бен Закай, предвидя взятие Иерусалима римлянами, был убежден в бессмысленности продолжения войны и предлагал вступить в переговоры. Он руководствовался

одной только целью — сохранить Тору, это было для него превыше всего. Впоследствии за такой подход римляне разрешили именно ему основать ешиву в городе Явне и возобновить в нем работу Санедрина.

— А что такое Санедрин?

— Раньше у Санедрина было много важных функций, и он располагался в Иерусалиме. Но сейчас, при власти римлян, он является, по сути, верховным политическим и религиозным органом иудеев. Сегодня именно в нашей ешиве принимаются все самые важные религиозные и политические решения, которым обязаны следовать все иудеи.

— А как простые люди отнеслись к решению раби Йохана-на бен Закая отказаться от военного сопротивления?

— Вначале они думали, что он ошибается, но позже, увидев, к чему привело вероломство зелотов*, призывавших сражаться с римлянами до последней капли крови, поняли его правоту. И сейчас, по прошествии десяти лет после тех трагических событий, он считается героем, спасителем иудаизма.

— Хорошо, что в то трагическое время нашелся такой человек, — задумчиво произнес Акива.

— Да, ты прав, Акива. Знаешь, вначале многие скептики утверждали, что ему не удастся создать крупный центр изучения Торы вне Иерусалима, но раби Йоханан бен Закай доказал обратное. Он был уникальной личностью, настоящим духовным лидером поколения, а от лидера многое зависит.

— Раби Йоханан бен Закай все это построил на свои средства? — поинтересовался Акива.

— Он был инициатором, а все, что здесь построено, это на пожертвования иерусалимских богачей, в основном на средства

* Зелоты были непримиримыми противниками римлян и взяли на себя руководство восставшими в Первой иудейской войне 66–73 гг. н.э.

Кальбы Савуа. Если ты из Иерусалима, ты должен был слышать о нем.

Акива ничего не ответил.

— Кальба Савуа с раби Йохананом бен Закаем очень крепко дружили. Когда раввин был жив, Кальба Савуа часто приезжал сюда с дочерью на большие праздники и по поводу важных событий. Но сейчас, после смерти раввина, Кальба Савуа только регулярно отправляет деньги на поддержание ешивы, а сам здесь больше не появляется.

Акива продолжал молчать, устремив взгляд в стол, и жевал зелень, чтобы не сказать ничего лишнего.

Шомер продолжил:

— Многие говорят, что Кальба Савуа изменился в последнее время и вообще никуда не выходит. Наверное, это все из-за его дочери Рахель. Говорят, она вышла замуж без его одобрения за какого-то пастуха.

Акива хотел признаться, что это он тот самый пастух, но решил промолчать.

— Если бы ты только знал, какая у него прекрасная дочь — красивая, мудрая, скромная. Акива, можешь себе представить, дочь такого человека выбрала себе в мужа простого пастуха!

Акива только глубоко вздохнул, опустил голову и ничего не ответил.

Затем Шомер начал обсуждать с Акивой разрушение римлянами Иерусалимского храма, но, обратив внимание на то, что у Акивы очень усталый вид, сторож предложил ему занять маленькую кровать сбоку. Шомер заверил гостя, что разбудит его и представит раби Элизеру, когда тот завершит утреннюю молитву.

После утренней молитвы Акиву представили раби Элизеру бен Урканосу. Он поведал раввину свою историю и поделился с ним дальнейшими планами, связанными с изучением

Торы. Пастух рассказал о своей семье, которая возлагает на него большие надежды, а также о том, как много он слышал из уст раби Нахума Иш Гам-Зу о том, какие великие раввины современности преподают в этой ешиве. Акива выразил уверенность, что если раввин даст ему шанс, то он непременно станет мудрецом Торы.

Раби Элизер, который практически был ровесником Акивы, скептически отнесся к перспективам нового ученика. Он пытался намекнуть, что желательно ему быть поближе к семье, а мудрость Торы он может продолжить изучать у раби Нахума Иш Гам-Зу, но Акива был непреклонен в своем решении изучать Тору именно в этой ешиве.

Тогда раби Элизер предпринял еще одну попытку отговорить пастуха. Он рассказал о высоком уровне учащихся, дав Акиве понять, что ему будет сложно состязаться с более молодыми учениками, которые постигают мудрость Торы с самого детства. Раби Элизер добавил, что у них и тем более у него вряд ли найдется свободное время, чтобы уделять его Акиве. Но Акива был непоколебим. Он сказал, что именно к этому и стремился — учиться с лучшими учениками Иудеи. Акива заверил раввина, что это, напротив, будет стимулировать его учиться еще больше, чтобы соответствовать их уровню. Раввину ничего не оставалось делать, как принять нового ученика. Дав распоряжение помощнику выделить Акиве место для ночлега в ешиве, раввин принялся читать «Тэилим».

* * *

Покинув красивый зал синагоги, где уже полным ходом шли занятия, Акива, следуя за сторожем, направился в комнату. По дороге он думал над словами раввина, который предупредил об ожидающих его трудностях. Шомер провел его в комнату,

где жили ученики ешивы, показал кровать и шкаф, где Акива мог оставить свои вещи. Затем он вернулся в синагогу, где проходили занятия после утренней молитвы. Акива попросил разрешения начать заниматься и подсел к ученику лет двадцати пяти, сидевшему за дальним столом. Молодой человек старательно объяснил Акиве недельную главу Торы, а когда пришло время обеда, он произнес:

— Прости, я не знаю, как к тебе обратиться.

— Мое имя Акива бен Йосеф, а твое?

— Мое имя Ишмаэль бен Элиша*, приятно познакомиться.

Акива, ты, наверное, проделал долгий путь, пойдем обедать?

— Да, спасибо.

— Я не хочу тебя обидеть, но ты только недавно начал учиться? — поинтересовался молодой человек по дороге в столовую.

— Да, разве это так заметно? — задумчиво ответил Акива. — Я специально прибыл сюда из Иерусалима изучать Тору.

— Ты читаешь медленно, но в этом нет ничего страшного. Похвально, что ты решил начать учиться в таком возрасте. Не каждый решился бы на столь смелый шаг. Я обещаю помогать тебе, как смогу.

Пройдя в столовую, они заняли свободный стол и приступили к трапезе. Пообедав запеченной курицей с овощным салатом и произнеся благословение, Акива поинтересовался:

— Раби Элизер всегда такой строгий?

— У раби Элизера много важных дел, он руководит этой ешивой и принимает активное участие в работе Санедрина. Иногда он бывает строгим и даже резким, но он великий учитель, и мы все относимся к нему с большим уважением.

* Раби Ишмаэль бен Элиша — один из величайших мудрецов своего времени. Учился вместе с раби Акивой в ешиве в городе Явне и был его ближайшим другом. Так же, как и раби Акива, был казнен римлянами мучительно смертью.

Акива промолчал.

— Понимаешь, здесь обучаются лучшие ученики со всей Иудеи, и тебе будет необходимо соответствовать их уровню. Практически все здесь начинали учиться с самого детства, с четырех-пяти лет. Но ты не отчаивайся — может, у тебя все получится, все с чего-то когда-то начинали.

— Я и не отчаиваюсь, я приехал сюда учиться. Это мой долг как мужа и отца, я не могу подвести свою жену, детей и, бросив все, вернуться назад.

— Акива, я рад, что ты подходишь к делу с таким оптимизмом. Буду стараться уделять тебе больше времени, чтобы ты смог наверстать упущенное. Но ты также обязательно посещай уроки раби Элизера. О его мудрости и знаниях ходят легенды. Он был одним из лучших учеников раби Йоханана бен Закая, основателя нашей ешивы. Из-за его необыкновенной памяти он называл раби Элизера «колодцем, хранящим каждую каплю»*. Понимаешь, сколькому ты сможешь у него научиться?

— Для меня будет почетно обучаться у такого человека. А когда проходят его уроки?

— Ежедневно, после вечерней молитвы. Во время этих уроков мы стараемся ловить каждое слово, сказанное раввином, а затем у нас есть возможность задать несколько вопросов. Но когда к нам приезжает раби Иошуа бен Хананья** и дает дополнительные уроки по недельной главе, то все проходит совсем по-другому, — засмеялся Ишмаэль бен Элиша.

— А кто такой раби Иошуа бен Хананья?

* Пиркей Авот, 2:8.

** Раби Иошуа бен Хананья — великий раввин, ученик раби Йоханана бен Закая. Ближайший друг и основной оппонент раби Элизера бен Урканоса. Самым выдающимся из его учеников был раби Акива.

— Когда-то раби Элизер и раби Иошуа были лучшими учениками раби Йоханана бен Закая. Они и сейчас большие друзья, но когда речь заходит о трактовке того или иного отрывка в Торе, законов шаббата или праздников, то они вступают в ожесточенную полемику.

— Странно слышать, что с главой ешивы, который также является членом Санедрина, кто-то осмеливается спорить.

— Это может себе позволить только раби Иошуа, который также является членом Санедрина. Рассказывают, когда раби Йоханан бен Закай был жив и возглавлял Санедрин, раби Элизер и раби Иошуа, да и не только они, а все жители Иудеи принимали безоговорочно его решения и трактовки. Но сейчас, когда у нас нет такого авторитетного раввина, как раби Йоханан бен Закай, они могут спорить часами по поводу определенного закона или поста. Каждый приводит разные аргументы, иногда это может длиться до самого утра, и итоговое решение принимается большинством голосов в Санедрине.

— А где сейчас раби Иошуа, почему он не преподает здесь?

— Раби Иошуа руководит небольшой ешивой в Пкиине, деревне на севере страны. Несмотря на то что они с раби Элизером дружат уже очень давно, по характеру они абсолютно разные. При общении с раби Элизером, из уважения к его статусу главы ешивы и члена Санедрина, мы, как и подобает ученикам ешивы, соблюдаем необходимую дистанцию. Но в случае с раби Иошуа все иначе. Он не приемлет подобных церемоний и предпочитает общаться и проводить уроки в неформальной обстановке.

— А часто он проводит здесь уроки?

— Только тогда, когда приезжает сюда на большие праздники или при необходимости принятия важного закона Санедрином. Его уроки проходят совсем в другой атмосфере, дискуссии начинаются практически с самого начала. Каждый

желающий может высказать свою мысль и задать возникший вопрос раввину, а раби Иошуа, в свою очередь, старается разъяснить каждый непонятный момент, приводя весомые аргументы из Торы, а также ссылаясь на высказывания своего учителя раби Йоханана бен Закая. Он очень мудрый человек, владеет многими языками, науками и считается авторитетным знатоком Священного Писания. Может, все это потому, что изучает Тору с самого детства. Мать раби Иошуа начала приводить его в ешиву, когда он был совсем маленьким, чтобы его слух с младенчества внимал словам Торы*. Раби Йоханан бен Закай говорил о нем: «Счастлива женщина, родившая его!»**.

Акива внимательно слушал своего нового знакомого, и ему было интересно наблюдать, с каким восторгом и уважением этот человек отзывается о раби Иошуа.

— Знаешь, Акива, раби Иошуа для меня как отец, — продолжал Ишмаэль. — Если бы не он, я был бы сейчас рабом в Риме.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я был еще совсем ребенком, меня, как и многих других иудеев, взяли в плен и отправили в Рим. Я помню эти ужасные дни. Надежда вернуться на родину не покидала меня ни на минуту. И вот однажды, когда раби Иошуа приехал в Рим, как он рассказывает, он узнал, что в тюрьме находится еврейский мальчик. Я этот день помню как сейчас. В полдень, когда светило яркое солнце, кто-то подошел к зарешеченному окну и произнес: «Кто отдал общину Якова на разорение?»***. Я сразу вспомнил эту фразу из уроков Танаха в иерусалимской ешиве и продолжил: «Разве не Б-г, про-

* История описана в Иерусалимском Талмуде, Йевамот 1:6.

** Пиркей Авот, 2:8.

*** Йешаяу, 32:34.

тив которого мы грешили?». Раби Иошуа решил, что из меня выйдет хороший ученик, и, выкупив меня, привез в Иудею. С тех пор я учусь в этой ешиве.

Акива был удивлен услышанным и жизнерадостностью этого молодого человека, которому в детстве пришлось все это пережить.

— Акива, я уверен, вы с раби Иошуа обязательно подружитесь, тем более вы практически ровесники. Он такой необыкновенный человек, что при одном его появлении забываешь обо всех проблемах и получаешь дополнительный заряд энергии. Знаешь, Акива, иногда я очень жду приезда этого мудрого и уравновешенного человека. Большая редкость встретить такого учителя в наши дни.

Ишмаэль на секунду загрустил и затем произнес:

— Наверное, я тебя уже утомил своими рассказами. Когда он придет, я вас обязательно познакомлю — уверен, ты придешь в восторг от общения с ним. Он своим жизнелюбием и преданностью Торе вселяет надежду на будущее.

— Буду благодарен тебе и судьбе, если мне удастся познакомиться с таким человеком, — произнес Акива.

Покинув столовую, они снова вернулись в ешиву и продолжили заниматься.

* * *

Шли годы. Рахель уже почти пять лет не виделась с Акивой! Она продолжала тяжело трудиться, чтобы содержать семью и отправлять деньги мужу. Ей приходилось вставать с первыми лучами солнца и ложиться поздней ночью, чтобы все успевать. Забот у Рахель было предостаточно, так как и младшая их дочь, Шулямит, начала осваивать грамоту. К тому времени их старшему сыну, Иошуа, уже исполнилось десять лет, и он

стремился помогать матери по хозяйству. Он вставал пораньше, шел в курятник, располагавшийся на заднем дворе, собирал яйца, снесенные курами, и, надоив свежего молока козы, возвращался домой, где в это время Рахель готовила на кухне завтрак. Накормив и отправив детей в школу, она продолжала трудиться по хозяйству. После полудня ей было необходимо приготовить обед и накормить вернувшихся из школы детей. Накормив их, она садилась делать с ними уроки. Рахель искренне радовалась успехам детей и мечтала видеть их умными и образованными. Она была так убеждена в своей правоте, что ее даже не посещали мысли об усталости или возможном разочаровании. Она понимала, что это именно тот путь, который приведет ее и ее близких к нужной цели. Каждый вечер перед сном она рассказывала детям, какой у них отец и на какой ответственный шаг он пошел ради них. Она хотела, чтобы дети могли гордиться им и брать с него пример.

Несколько раз она предпринимала попытки примириться с отцом, но Кальба Савау все еще был верен своему обету и не собирался разговаривать с дочерью, пока она не бросит мужа. Каждое утро, сидя в комнате, он периодически приоткрывал дверь, чтобы подслушать разговор горничных, которые после посещения городского рынка делились последними сплетнями. Они рассказывали о том, что Рахель живет в ужасных условиях, на грани нищеты. Что, несмотря на все трудности, она отправилась учиться и свою младшую дочь, тем самым обременив себя новыми расходами. Также они утверждали, что в нынешней Рахель, изнуренной тяжелым трудом и бессонными ночами, было сложно узнать некогда прекрасную девушку. Посплетничав, они приходили к мнению, что выбор Рахель был ошибочным. Они рассуждали о неблагодарности Рахель по отношению к отцу, который растил ее как царевну, и что, выбери она себе в мужья другого человека, все в ее жизни было бы по-другому.

От этих новостей на глаза Кальбы Савуа наворачивались слезы. Он не видел свою единственную дочь уже более десяти лет, но слухи о том, что ее дети ходят учиться в школу и стараются ей помогать, согревали его сердце. Он не мог поверить, что его маленькая Рахель сама ведет хозяйство и заботится уже о своих детях.

Он каждый день ждал ее возвращения и был готов принять Рахель вместе с детьми, но Рахель не собиралась отступать и была полна решимости продолжать обучать детей и Акиву, несмотря на упорные слухи о том, что Акива ее бросил. Рахель старалась не слушать злых разговоров соседей и торговцев на рынке. Она была убеждена в искренности и преданности Акивы.

И она была права: шло время, а Акива любил свою Рахель все больше и больше. Каждый день Акива мечтал о приближении того мгновенья, когда он сможет вернуться в семью, крепко обнять детей, а затем и свою любимую Рахель, и никогда больше с ними не расстанется. Несмотря на то что они были женаты уже более десяти лет, Рахель все равно оставалась для Акивы воплощением совершенства, самой прекрасной женщиной на свете. Он понимал, что именно ей обязан всем лучшим в своей жизни. Прекрасно понимая, какие усилия прилагает Рахель, он не позволял себе перерывов и продолжал с особым усердием изучать Тору. Со временем он подружился и с другими учениками ешивы и сумел снискать уважение в их глазах. Как и другие ученики, Акива старался не пропускать ни одного урока раби Элизера, но, в отличие от остальных, не отвечал даже в тех случаях, когда догадывался или знал точный ответ на поставленный вопрос. У Акивы не получалось проявить себя, то ли из-за своей робости, то ли из-за строгости раби Элизера.

Иногда его удручало сложившееся положение вещей, но он старался не принимать это близко к сердцу. Чтобы лучше

усвоить пройденный урок, он задавал возникшие вопросы другим ученикам и старался разложить все по полочкам. Знания Акивы углублялись день ото дня, но это могли оценить только его близкие друзья по ешиве. Раби Элизер, в свою очередь, не видя никаких позитивных сдвигов у ученика даже по прошествии пяти лет обучения, не улучшил своего отношения к нему.

Зато Акива смог подружиться с раби Иошуа, который так же, как и раби Элизер, был его ровесником. Но, в отличие от раби Элизера, он с большим уважением относился к желанию Акивы серьезно изучать Тору в таком возрасте и выразил готовность всячески содействовать этому. Он понимал те сложности, с которыми приходилось сталкиваться Акиве, и старался всегда поддерживать его советом и добрым словом. Но, несмотря на строгое отношение к себе, Акива также с большим уважением относился к раби Элизеру и старался внимать каждому сказанному им слову и комментарий, сделанному по тому или иному вопросу.

Раби Иошуа бен Хананья не нравилось поведение раби Элизера, который основное внимание уделял молодым и перспективным ученикам, оставляя без должного внимания более слабых учеников, в число которых, по мнению раби Элизера, входил и Акива. Раби Иошуа не говорил на эту тему с Акивой, так как считал незтичным обсуждать поведение главы ешивы с учеником, но при личных встречах с раби Элизером он не раз высказывал свое мнение о его не совсем корректном поведении в отношении Акивы. Раби Элизер внимательно слушал своего друга, но настаивал на том, что сейчас не самое подходящее время, чтобы возиться с каждым учеником, тем более с таким, который только в сорок лет овладел алфавитом. Он считал, что нужно уделять внимание тем, кто в будущем потенциально сможет передать мудрость Торы следующим поколениям.

Понимая, что раби Элизер непреклонен, раби Иошуа просил Акиву запастись терпением и больше заниматься самостоятельно или в группе молодых учеников. А если накопятся вопросы, оставшиеся без ответа, то он сам непременно ответит на них. За время отсутствия раби Иошуа у Акивы накапливалось много вопросов, и он с нетерпением ожидал его приезда. И это приносило свои плоды. Акива стал мудрым учеником и вызывал восторг и уважение других учеников в ешиве, а также раби Иошуа. С ним он мог не только обсуждать до поздней ночи вопросы, касающиеся Торы, но и делиться своими душевными переживаниями.

Вот и этим летним вечером Акива, дождавшись приезда раби Иошуа в ешиву, забросал его множеством вопросов. Раби Иошуа с большим удовольствием отвечал на них, несмотря на то что устал с дороги и на дворе уже было темным-темно. Он старался поддерживать Акиву в его стремлении продолжать изучать мудрость Торы и всячески пытался вселить в него надежду на успех. После того как раби Иошуа ответил на все вопросы Акивы, последний произнес:

— Раби Иошуа, знал бы ты, как я тебе благодарен за ту поддержку, которую ты мне оказываешь. Я рад, что мне посчастливилось встретить такого человека, как ты, не знаю, выдержал бы я все это без тебя.

— Мы для того и живем, чтобы поддерживать друг друга, помогать ближнему.

— Знаешь, когда я пришел сюда в первый день, Ишмаэль рассказывал мне о тебе с большим уважением. Он рассказывал о том, как ты его спас из римского плена, и о том, какое у тебя доброе сердце. Он относится к тебе как к отцу, восторгается тем, какой ты необычный человек, и с каждой нашей встречей я убеждаюсь, как он прав.

— Дорогой Акива, мы должны осознавать, что помогать людям — это не что-то сверхъестественное, это наша обязанность.

Я понимаю, что мало кому могу помочь в финансовом плане, и поэтому стараюсь поддержать людей хоть добрым словом или советом.

— Раби Иошуа, поверь мне, иногда доброе слово стоит намного дороже золотой монеты. Мне тяжело так долго находиться далеко от жены и детей, молодым ученикам ешивы я не могу это рассказать, и только с тобой я могу так говорить.

— Я понимаю, как тебе тяжело, но главное — не сдавайся и не отступай перед трудностями.

— Меня не пугают трудности, которые могут возникнуть. Знаешь, что меня мучает больше всего?

— Что?

— Что Рахель, моей жене, приходится много работать, чтобы отправлять мне деньги на расходы, а также вести хозяйство.

— Акива, тебе очень повезло с женой, не каждая женщина смогла бы на такое решиться. Я понимаю, что ей тяжело, но уверен, что она сделала правильный выбор, и ты должен еще больше заниматься, зная, что тебя так любят. Сейчас вся Иудея переживает нелучшие времена. Храм разрушен, страна под властью римлян, и основная цель, стоящая перед еврейским народом, это сохранение Торы для последующих поколений. Знаешь, Акива, несмотря на то что я глава ешивы в Пкиине и являюсь членом Санедрина, я живу почти в нищете. Я обычно редко кому это говорю. В перерывах между молитвами мне ежедневно приходится колоть уголь и продавать его на рынке, чтобы прокормить семью.

— Раби Иошуа, я все понимаю. Но меня мучает один вопрос.

— Какой?

— В книге «Берешит» написано, что Вс-вышний сотворил человека по образу Своему, верно?

Акива собирался продолжить, но раби Иошуа прервал его:

— Да, в книге «Берешит», в первой главе именно это и написано, но ни в коем случае нельзя воспринимать это буквально.

Вс-вышнего нельзя представлять в каком-то облике, Он бестелесен и не имеет никаких форм, подобий или границ, Он бесконечен.

— Я это знаю, раби Элизер тоже постоянно подчеркивает, что наш Создатель бестелесен, но этой цитатой я хотел подвести тебя к тому вопросу, который не дает мне покоя. Если это действительно так и Он создал весь этот мир для людей, то почему нам так тяжело? Постоянно приходится думать о деньгах, еде, крыше над головой и прочем. Я недавно изучал Тору, и в той же главе «Берешит» мне кое-что показалось странным. Там написано, что Вс-вышний наказал змею и сказал, что она будет всегда питаться падалью. Но если вдуматься, то падали много и змее никогда не придется думать о еде, крыше над головой и заработке. Куда она ни поползет, она всегда будет сыта, от дождя сможет укрыться в дереве, ей даже не придется стараться или просить Его, милосердного. А человеку постоянно приходится быть в поиске. Поиске еды, жилья, питья. Человек, даже если он сказочно богат и у него есть все, постоянно испытывает голод, жажду, печаль, тревогу, ощущает некий дискомфорт. Раби Иошуа, можешь мне объяснить, в чем здесь наказание? Может, Творец наказал не змею, а людей? Может, люди так грешны в Его глазах, что даже змеи для Него, милосердного, более важны, чем люди?

— Акива, ты задал замечательный вопрос. Он мучает не только тебя, но, наверное, многих. Да, иногда возникает именно такое впечатление, но это только поверхностный подход. А если посмотреть глубже, то будет ясно совсем другое. Как говорили наши мудрецы, Вс-вышний дал змее все только с одной целью: чтобы она больше ни с какими просьбами к Нему не обращалась. А нас, людей, Он создал таким образом, что мы постоянно испытываем потребность в еде, питье, любви, тепле, детях, продолжении рода. И если у нас чего-то нет, то

мы будем постоянно взывать к Нему, просить Его, милосердного, послать нам это. Для этого Вс-вышний, мудрость которого непостижима, и создал молитвы, посредством которых нам могут быть открыты любые двери. Человек, который будет постоянно в чем-то нуждаться, будет испытывать потребность в регулярной молитве, и благодаря молитвам он будет чувствовать, что приближается к Нему, благословенному. Человек, которому нужна еда, вода и крыша над головой, будет в молитве просить об этом, а человек, который все имеет, будет обязан постоянно благодарить за то, что имеет, иначе он может лишиться всего этого. Все так было задумано изначально, и мы не в силах что-то изменить.

— Значит, без молитвы ничего нельзя получить?

— Да, ты абсолютно прав. Приведу тебе один пример с нашими праотцами. Как ты знаешь из главы «Берешит», все наши праотцы долгое время были бездетны. Но здесь есть парадокс. Если Вс-вышний обещал землю Иудеи потомкам Авраама, значит, и у Авраама, и у Ицхака, и у Яакова должны были быть дети и им не было никакой необходимости молиться об этом. Но, как мы видим, у всех у них долгое время не было детей, пока они не стали усердно молиться об этом Вс-вышнему. Написано в двадцать пятой главе книги «Берешит»: «И молился Ицхак Б-гу о жене своей, так как она была бездетна, и Б-г ответил ему, и зачала Ривка, жена его».

— Получается, что без молитвы мы можем не получить даже то, что нам причитается, что обещано? — задумчиво поинтересовался Акива.

— Да, мы должны постоянно молиться и ощущать связь с Ним, милосердным. Так устроен этот мир, — произнес раби Иошуа улыбаясь.

Акива продолжал раздумывать над словами раввина, и когда раби Иошуа увидел в глазах Акивы понимание, то продолжил:

— И если мы сейчас вернемся к вопросу о змее, то у нас не останется сомнений, кого наказал Вс-вышний. Теперь мы ясно понимаем, что Вс-вышний любит людей и желает, чтобы именно люди постоянно нуждались в Нем и никогда Его не забывали. Если бы Он нас не любил и не хотел обратной связи, молитвы, то Он, милосердный, дал бы нам все и сразу. А так нам нужно работать и постоянно в наших молитвах просить обо всем необходимом.

— Спасибо тебе за объяснение. Получается, что молитва — это и есть та связующая нить, посредством которой Вс-вышний позволяет нам получить желаемое и поблагодарить Его за все, что мы имеем.

— Да, но очень важно не нарушать основные правила молитвы. Мне как раввину приходится часто сталкиваться с вопросами, касающимися молитвы. Многие говорят: «В молитвах я прошу своего дедушку или прадедушку, который ушел в лучший мир, помочь мне...». Они не понимают, что, совершая это, нарушают запрет. Молитва — это то, что соединяет нас со Вс-вышним, и поэтому каждому необходимо знать хотя бы основы молитвы. Я постоянно стараюсь доводить до людей, что иудеям запрещено обращаться в молитве к ушедшим в лучший мир родственникам, а также к великим праведникам, даже к таким, как наш праотец Авраам или Моше рабейну. Я уже не говорю о строжайшем запрете обращаться к нечистым силам.

Акива молчал и внимательно слушал раввина и, когда возникла пауза, произнес:

— Получается, что запрещено в молитвах упоминать имена наших предков и даже праотцев?

Раби Иошуа аккуратно подбирал слова, чтобы дать исчерпывающий ответ ученику:

— Да, это так! Мы можем попросить наших предков или праведников, ушедших в лучший мир, только о том, чтобы

они помолились за нас перед Вс-вышним, милосердным. Также мы можем обратиться с просьбой к Вс-вышнему, чтобы в заслугу праведников, живших до нас и чьими потомками мы являемся, Он помог нам. Но, когда человек хочет попросить чего-то у наших праведников, он должен делать это с трепетом и уважением. Ни в коем случае нельзя думать, что такие великие люди, как наши праотцы Авраам, Ицхак и Яков, Моше, царь Давид или царь Шломо, были такими же иудеями, как и мы, что они так же, как и мы, ели, пили, влюблялись, женились... Эти люди обладали такими качествами и мудростью, до которых далеко всему нашему поколению. Но иногда мне встречаются люди, у которых наивность соприкасается с глупостью, и они думают, что они ничем не хуже их, а иногда даже лучше. Скромность, Акива, очень важное качество. В скромности познается мудрость человека. И молиться мы должны в скромности, и в своих молитвах мы должны обращаться только к Вс-вышнему, милосердному.

— Уважаемый раби Иошуа, спасибо тебе за твое терпение и подробное объяснение, казалось бы, простых вопросов.

— Это очень важные вопросы, Акива, и я рад, что ты их задаешь. Значит, ты не стоишь на месте, а движешься вперед.

— Раби Иошуа, знал бы ты, сколькому я у тебя учусь! Позволь мне продолжить учебу в твоей ешиве, там мне будет комфортнее. Я смог бы большему научиться, ежедневно общаясь с тобой, и к тому же я смогу помогать тебе колоть уголь — мне не привыкать к тяжелой работе.

— Акива, с начала нашего знакомства ты вызываешь у меня одно только уважение, и ты для меня больше чем ученик, но мы сейчас не должны искать, где проще, мы должны искать, где мы можем сделать больше для нашего народа. Здесь у тебя есть возможность практически целый день заниматься, так как эту ешиву финансово поддерживают многие из иудейских

богачей. А у меня надо будет работать большую часть дня. По моему мнению, тебе лучше продолжить занятия здесь, если ты хочешь многому научиться.

— Я тебя понимаю, ты, как всегда, прав, — тихо произнес Акива.

После чего они распрощались и отправились отдыхать. На следующий день, поздним вечером, раби Иошуа снова увидел Акиву сидящим за книгами.

— Акива, как прошел день? Ты был на уроке раби Элизера?

— Да, — тихо ответил Акива.

— Как прошел урок?

— Как всегда, очень познавательно, — ответил Акива.

— Почему же ты не идешь отдыхать? Уже поздний час, кроме тебя, все уже легли спать.

— Уважаемый раби Иошуа, я не могу себе этого позволить. Мне хотелось бы пойти отдохнуть, но нельзя терять драгоценного времени. Моя жена, чтобы содержать дом и отправлять мне деньги, наверное, работает день и ночь и совсем не думает об отдыхе. С моей стороны, было бы несправедливо поступать иначе. Чтобы оправдать ее труды, я должен делать все возможное. Я стараюсь использовать каждое свободное мгновение, чтобы узнать что-то новое, но, к сожалению, многое из прочитанного мне непонятно. Наверное, возраст уже не тот и память не та.

Пытаясь подбодрить Акиву, раби Иошуа продолжил:

— Ты молодец. Я восхищаюсь тобой и ставлю тебя в пример многим жителям в Пкиине. Постарайся собраться и продолжать учебу еще усерднее. Акива, ты даже себе не представляешь, какой ты счастливый человек: у тебя есть любящая семья, которая возлагает на тебя большие надежды, и возможность учиться у самого раби Элизера! Пусть он пока не может по достоинству оценить твоих знаний, но способен дать

тебе то, что не сможет никто другой. Несмотря на все наши споры, его знания глубже моих. Он великий раввин современности, и я рад, что мне посчастливилось быть его самым близким другом. Никто его не знает так, как я, и не восхищается его знаниями так, как я. Знал бы ты, какой это гениальный человек! Если бы он не был столь категоричен и резок, то ему удалось бы собрать вокруг себя тысячи учеников. Я не помню случая, с самого первого дня нашего знакомства, чтобы он шел на компромиссы. Если только подумать, как давно это было: я помню нашу с ним первую встречу лет тридцать назад в ешиве раби Йоханана бен Закая как сейчас.

— Вы знакомы всего тридцать лет? Я думал, вы с самого детства учились вместе.

— Мы ровесники, но я изучаю Тору с самого детства, а он начал изучать ее гораздо позже меня, в возрасте двадцати двух лет. Но благодаря своей памяти быстро догнал, а затем и перегнал всех учеников ешивы.

— Может, он и от меня ждал таких же быстрых результатов, но, к сожалению, я не обладаю такой памятью.

— Его можно понять — он пытается передать Тору молодым ученикам и все основное время уделяет им.

— Я понимаю, но не знаю, сколько мне так сидеть молча, боясь задать вопрос или высказать свое мнение. Это очень угнетает меня, унижает и заставляет чувствовать себя лишним. Если не рассуждать, спорить и дискутировать, откуда тогда у меня появятся знания?

— Акива, я замечаю раз от раза, что твои знания становятся все обширнее, не отчаивайся, и тебе обязательно представится шанс. Наверное, еще не пришло твое время. Как у каждого цветка или фрукта есть свое время цвести, так и у людей есть свое время раскрываться в той или иной области. Если появится возможность, то я обязательно постараюсь дать тебе шанс,

чтобы ты смог в присутствии раби Элизера продемонстрировать свои знания. А пока задайся целью научиться у раби Элизера как можно большему, думая, что такого шанса тебе больше никогда не представится. Таких людей, как раби Элизер, с такими удивительными способностями можно пересчитать по пальцам одной руки. Представляешь, раньше ему было достаточно услышать или прочитать какой-то отрезок или историю — и он с легкостью мог воспроизвести ее дословно, указав точную главу, страницу и параграф. Мы никак не могли понять, как это ему удается. Наверное, поэтому наш учитель раби Йоханан бен Закай передал управление ешивой именно ему, а не мне.

— А как ты это воспринял?

— Я безоговорочно принял решение раввина, да я и сам убежден, что в вопросах Торы раби Элизер грамотнее меня. Знаешь, Акива, мы с раби Йохананом бен Закаем были больше похожи по характеру и по взглядам на различные жизненные вопросы. К примеру, я с самого начала разделял его взгляды по поводу бессмысленности вооруженного сопротивления иудеев римлянам, а раби Элизер был на стороне zelotim и считал, что воевать необходимо. Но, несмотря на все это, раби Йоханан бен Закай все равно считал раби Элизера лучшим своим учеником. Он делал ему замечания по поводу его характера и категоричности, но всегда повторял: «Если всех мудрецов Иудеи поместить на одну чашу весов, а Элизера бен Урканоса — на другую, то он перевесил бы их всех»*.

Акива ничего не смог ответить, осмысливая слова раби Йошуа, и тот продолжил:

— Представляешь, какой это человек! Вот поэтому я убежден, что на данном этапе он может дать тебе больше, чем я,

* Пиркей Авот, 2:8.

и твоя цель, Акива, не упустить этой возможности. А вопрос о том, что твоей семье сложно, или мне сложно, или другим ученикам ешивы, не нов, он остро стоял и раньше. Сейчас есть богатые люди, которые помогают ешивам, а раньше ученикам приходилось платить деньги за учебу в ешиве. Раби Йоханан бен Закай нам часто рассказывал историю из жизни своего учителя раби Илеля. Он был весьма беден и отдавал последние деньги, чтобы иметь возможность посещать ешиву, и в итоге ему удалось стать великим раввином. Если бы не поздний час, я рассказал бы тебе одну интересную историю, произошедшую с великим раввином Илелем.

— Раби Иошуа, для меня каждая минута общения с тобой — большая честь, и если ты не устал, то я с превеликим удовольствием готов узнать что-то новое.

— Хорошо. Как ты знаешь, наш учитель раби Йоханан бен Закай, основатель этой ешивы, учился у раби Илеля в Иерусалиме, его еще называли великий Илель. Раби Илель происходил из рода царя Давида, но, несмотря на это, был очень беден. Он родился в Вавилоне и, прожив там долгое время, переехал на Святую землю, чтобы изучать Тору у мудрецов. Ему приходилось зарабатывать на жизнь тяжелым ремеслом дровосека, чтобы прокормить себя и близких. И так как раньше за учебу в ешиве брали ежедневную плату, то ему надо было ежедневно часть заработанных тяжелым трудом денег отдавать сторожу ешивы, чтобы он впускал его послушать урок.

Но однажды, холодным зимним днем ему не удалось продать все дрова и денег хватило только на еду для семьи. Придя в канун шаббата к дверям ешивы, он попросил сторожа пропустить его внутрь, но тот ему отказал. Не желая пропускать лекцию по недельной главе Торы, Илель забрался на крышу и расположился около трубы, чтобы прослушать идущие уроки. И вот, когда наступило утро и из окна, находящегося на крыше,

через которое обычно днем солнце освещало комнату, не стал проникать свет, раввины и ученики вышли на улицу, чтобы понять, в чем дело. Бросив взгляд наверх, они увидели на крыше человеческий силуэт, покрытый снегом. Поднявшись на крышу, они обнаружили засыпанного снегом Илеля, который едва мог шевелить пальцами рук и ног. Они быстро спустили его вниз и, посадив около камина, начали растирать, что позволило ему прийти в себя. Ученики и раввины синагоги были поражены поступком этого уже немолодого ученика и пришли к мнению, что Илель заслуживает того, чтобы ради него был нарушен шаббат. Позже раби Илель стал одним из лучших учеников этой ешивы, выдающимся раввином, который ко всему прочему в течение сорока лет возглавлял Санедрин, Верховный иерусалимский суд.

Акива внимательно слушал раби Йошуа. Тот продолжал:

— Он смог воспитать целую плеяду великих раввинов, среди них был и наш учитель, раби Йоханан бен Закай, перед мудростью которого мы преклонялись. Раби Йоханан бен Закай рассказывал о том, что он был самым молодым из восьмидесяти учеников раби Илеля и самым слабым. Акива, ты можешь себе представить, какими были другие ученики, если наш учитель, основатель этой ешивы, был среди них худшим? Мы думали, что он говорит это из скромности, но он много раз повторял, что там были люди необычайной мудрости, особенно выделялся среди учеников Йонатан бен Узиэль, которому удалось составить устные комментарии ко всем книгам Пророков. Когда раби Йоханан бен Закай нам рассказывал это без всякого смущения, мы не могли поверить, что такой великий человек был самым слабым учеником.

— О мудрости раби Йоханана бен Закая мы часто слышим на уроках раби Элизера, — произнес Акива. — И чтобы мы поняли, каким великим человеком был его учитель, раби

Элиэзер говорит о нем: «Если собака выпьет немного воды из моря, разве это будет заметно? Море даже не ощутит этого. И мои знания так же малы перед знаниями моего учителя раби Йоханана бен Закай, как глоток, выпитый собакой».

— Да, раби Йоханан бен Закай был великим раввином, и иногда мне его очень не хватает, его мудрости, спокойствия, рассудительности. Для нас и всех раввинов Иудеи он был бесспорным авторитетом, его мнение уважали все. А сейчас, бывает, мы неделями можем спорить в Санедрине по одному вопросу, приводить доводы, доказательства и прочее. Наверное, один из немногих вопросов, в котором мы с раби Элиэзером единодушны, это то, что наши знания и мудрость меркнут перед его знаниями.

Час уже был поздний, раби Иошуа взглянул в окно, освещенное лунным светом, и произнес:

— Ладно, Акива, уже совсем поздно. Необходимо поспать хоть пару часов, чтобы бодро себя чувствовать на утренней молитве.

* * *

Годы шли один за другим, и Рахель уже долгих двенадцать лет не видела своего мужа. Она исправно отправляла ему деньги и воспитывала детей. Иошуа, старший сын Акивы и Рахель, которому исполнилось уже семнадцать, учился и помогал матери по хозяйству. Также младшая дочь, Шулямит, которой исполнилось пятнадцать, помогала Рахель. Рахель думала, что со взрослыми детьми ей будет проще, но у нее только прибавилось беспокойства. Она пыталась держать Иошуа рядом с собой, опасаясь, что он может примкнуть к группе иудеев, которые все еще продолжали партизанскую борьбу против римлян. Она предупреждала, что в случае пленения

римляне непременно отправят его рабом в Рим, и ей тогда придется бросить все и последовать за ним. Эти доводы матери останавливали Иошуа, но после возвращения отца он был готов примкнуть к восставшим. Римляне понимали, что молодые иудеи, выросшие в разрушенной римлянами стране, хотят взять реванш. Они всячески преследовали иудеев, приветствующих военное сопротивление Римской империи, и жестоко карали их. Поэтому Рахель просила Иошуа не следовать их призывам, пока его отец не окончит учебу и не вернется в Иерусалим. Жители Иудеи были недовольны большими поборами Римской империи, не хотели терпеть унижение и предпочитали вооруженное сопротивление. Хотя после взятия римлянами Иерусалима прошло уже около двадцати лет, во всех концах страны продолжали вспыхивать малочисленные восстания. Римляне подавляли любое сопротивление, преследовали и жестоко карали зачинщиков, хотя в целом ситуация была еще терпимой. Но когда императором Рима стал Домициан, сын Веспасиана, он решил еще больше ужесточить политику в отношении иудеев. Он повысил налоги и всячески пытался бороться с иудейской религией, считая, что именно она сплачивает народ и является причиной локальных восстаний по всей стране. Он даже думал запретить обучение в ешиве в Явне, в которой уже двенадцатый год обучался бывший простой пастух Акива.

Учеба в Явне в это непростое время продолжалась до поздней ночи. Акива, как и прежде, усердно занимался в ешиве вместе со своими молодыми друзьями и с жадностью ловил на уроках каждое слово, исходящее из уст раби Элизера. Каждое утро, проснувшись, позавтракав и прочитав утреннюю молитву, он садился за изучение Священного Писания. Его друзья по ешиве и раби Иошуа бен Хананья восторгались успехами, сделанных Акивой, но раби Элизер все так

же прохладно относился к нему. Акива ничего не мог с этим поделать, несмотря на то что за двенадцать лет уже приобрел достаточно знаний.

Спор по поводу одного религиозного предписания между раби Элизером и раби Иошуа зашел так далеко, что Санедрин не смог решить, чью сторону принять. С наступлением темноты раби Элизер и раби Иошуа покинули зал Санедрина и отправились в синагогу, чтобы продолжить бурное обсуждение. В синагоге спор разгорелся с новой силой, и раввины решили посвятить в него учеников, дав возможность высказаться каждому желающему. Акива, тщательно изучивший многие религиозные предписания за двенадцать лет учебы в ешиве, знал ответ, но не решался выступить перед раби Элизером. После того как высказались все желающие, раби Иошуа обратился к Акиве, поинтересовавшись, хочет ли он сказать что-либо по этому вопросу. Раби Элизер не понимал, почему раби Иошуа с такой симпатией и вниманием относится к Акиве. Раввин до сих пор был убежден в его некомпетентности в подобных вопросах. Но Акива был полон решимости доказать обратное. Робко поднявшись со стула и набравшись смелости, он смог дать точный ответ на заданный вопрос, наконец-то продемонстрировав накопленные знания. Свой ответ он обосновал цитатой из Торы, вызвав удивление у собравшихся своими глубокими познаниями в Священном Писании. Затем, ответив на несколько встречных вопросов пребывающего в недоумении раби Элизера, Акива спокойно вздохнул и сел. Раби Элизеру не давал покоя один вопрос: как такой ученик, начав обучение в сорок лет, смог в такой степени овладеть мудростью Священного Писания? Продолжая сомневаться в глубине знаний Акивы, он задал ему еще несколько дополнительных вопросов и, получив очередные четкие и убедительные ответы на них, отступил в недоумении. Ему было не по себе от того,

что ученик смог дать точный ответ на вопрос, вызвавший спор между такими знатоками Священного Писания, как он и раби Иошуа бен Хананья.

Многих учеников также беспокоил вопрос, как ученик, раньше все время молчавший, дал ответ на вопрос, который не могли решить два лучших раввина Иудеи. Но для раби Иошуа это не стало неожиданностью. Он был рад, что Акиве наконец-то представился шанс продемонстрировать свои знания. Раби Иошуа был счастлив и, глядя на задумчивое выражение лица раби Элизера, улыбаясь произнес:

— Раби Элизер, ты великий раввин! Видишь, какого ученика ты воспитал? Несмотря на то что раньше ты недооценивал его, с сегодняшнего дня тебе придется уважать его и прислушиваться к его мнению.

* * *

После такого безусловного успеха Акива решил отправиться домой, ведь прошло уже целых двенадцать лет с тех пор, как он не виделся с женой и детьми.

Попросив разрешения у раби Элизера, Акива отправился в путь, предварительно зайдя на рынок и прикупив сладостей детям. Всю обратную дорогу он думал о том, как обнимет свою любимую жену и детей, которые уже совсем взрослые, и поделится с ними своими успехами. Акива собирался рассказать Рахель о высокой оценке, которой он удостоился от самого раби Элизера, и о желании вернуться как можно скорее в ешиву, чтобы продолжить занятия.

Свернув на свою улицу и собираясь пройти в свой дом, он услышал громкий голос своего соседа Ишра:

— Прав был твой отец, что выгнал тебя из дома и лишил наследства! Он знал, что так и будет...

— Что так и будет? Что ты имеешь в виду? — спросила Рахель, доя козу.

— Что ты будешь работать, стараться, трудиться для него, а этот пастух бросит тебя.

— Перестань так говорить о моем муже. Он не пастух, он учится в ешиве, — ответила Рахель, привыкшая к его злым замечаниям.

— Несчастливая ты женщина! И к тому же наивная. Ты все еще веришь, что он где-то учится?

— Да, я уверена в этом.

— Он тебе за двенадцать лет даже письма не написал! Убежден, он тебя забыл и, наверное, сейчас развлекается с другой на те деньги, которые ты ему посылаешь.

По щекам Рахель потекли слезы, она была готова выслушать всякое, но мысль о том, что Акива ее забыл, ранила ее до глубины сердца. Она прекратила доить козу, собралась с силами и ответила, вытирая слезы:

— Не говори так о нем, ты его совсем не знаешь, он самый лучший из мужчин.

— Рахель, пора тебе объективно взглянуть на происходящее. Ты из молодой, красивой девушки, дочери уважаемого всеми Кальбы Савуа превратилась в жену неграмотного пастуха. С другим мужем тебя ждала бы счастливая жизнь. Ты же еще молодая, одумайся, пока не поздно, если не хочешь всю жизнь прожить вдовой при живом муже.

Рахель плакала. Несмотря на то что она часто слышала обидные слова о муже, ей все равно было больно слышать это вновь, и она не могла ничего ответить.

— Пожалуйста, обо мне говори что хочешь, оскорбляй меня, только не смей осуждать Акиву. Он самый лучший на свете, если будет необходимо, я не раздумывая готова отдать за него свою жизнь.

Но, несмотря на то что Рахель была в подавленном состоянии, Ишра продолжал:

— Вернись к отцу, забудь этого пастуха, пока не поздно, и начни новую жизнь. Разве ты еще не поняла, что он бросил тебя с детьми?

Акива все это слышал и только хотел ответить Ишре, чтобы уступить за жену, как услышал голос Рахель:

— Ты можешь говорить и думать, что хочешь, но так, как я, Акиву никто не знает. Я уверена, что придет день и мой муж вернется в Иерусалим уважаемым раввином, образованным человеком, и тебе станет стыдно за сказанные слова. Если бы он меня сейчас слышал, я бы ему сказала: «Иди и учись мудростям Торы еще двенадцать лет — я все равно буду ждать тебя».

Услышав ответ Рахель, Акива повернулся и с тяжелым сердцем отправился в обратный путь, так и не повидав родных. Он понимал, как тяжело приходится жене, сколько насмешек и унижений она вынуждена переносить.

Полностью разделяя это желание Рахель и осознавая, что только так люди поймут сделанный ею выбор, он дал себе слово заниматься еще усерднее.

* * *

Вернувшись в ешиву, он незаметно прошел в синагогу, чтобы продолжить занятия. Подойдя к книжной полке и выбрав две книги для того, чтобы изучать их ночью, он присел за крайний стол. Акива пытался не привлекать внимания, так как ему не хотелось ни с кем говорить. Но вдруг послышался голос его друга Ишмаэля:

— Мой дорогой друг, я уже собирался идти домой, как увидел свет свечи в синагоге и зашел посмотреть, кто здесь

занимается. Ты разве не уехал, ты же отпросился у раби Элизера, чтобы провести дома с семьей целую неделю?

Акива ничего не отвечал.

— Акива, что случилось, почему на тебе нет лица?

— Ишмаэль, пожалуйста, не задавай сейчас много вопросов. Мне необходимо побыть одному. У меня к тебе одна просьба.

— Какая? Проси что хочешь, буду рад быть тебе полезным.

— Ты же сейчас направляешься домой? Возьми эти конфеты и раздай своим детям.

— Я не могу их взять, ты купил их для своих детей. Почему ты их не передал, что произошло?

— Ишмаэль, мне нужно усердно учиться, и я не могу терять время. Пожалуйста, прислушайся к просьбе старшего товарища и передай эти сладости детям, так как они при такой жаре быстро растают.

Ишмаэль прислушался к словам друга и, взяв конфеты со стола, отправился домой.

Находившийся в то время в Явне раби Иошуа, узнав от Ишмаэля о том, что Акива очень грустный, пришел в синагогу, сел рядом с ним и поинтересовался, что произошло.

Акива ничего не ответил.

— Ишмаэль сказал, что ты раньше времени вернулся в ешиву и в очень в плохом настроении, — продолжил раби Иошуа.

— Уважаемый раби Иошуа, пожалуйста, позволь мне побыть одному. Сейчас у меня нет желания говорить, так как я очень зол и могу обидеть словом. Пускай все это пройдет, я постараюсь пережить это внутри себя, а затем все будет как прежде.

— Акива, что произошло? Кто тебя рассердил?

— Это долгая история, убежден, у тебя есть более важные дела.

— Я готов тебя выслушать. Рассказывать все как есть.

— Когда я подходил к дому, то около дверей услышал, как один пожилой человек оскорблял мою жену и насмехался над ней. Он говорил много всяких обидных вещей обо мне — что я бросил и ее, и детей и что сейчас у меня новая семья. Рахель в слезах пыталась заступиться за меня и убеждала соседа, что я не бросил ее и детей, а усердно изучаю Священное Писание. Мне было больно слышать все это, я хотел наброситься на него с кулаками, но затем, пытаясь сдержать свой гнев, я, даже не поприветствовав своих родных, сразу же вернулся обратно. Попадись он мне раньше, я б ему так ответил, что у него бы отпала охота говорить такие вещи, — в сердцах добавил Акива.

— Уважаемый Акива, ты поступил мудро, что не ответил этому человеку. Помнишь, разбирая Книгу притчей царя Шломо, в двадцать шестой главе мы прочли две фразы: «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему» и «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих». Если бы ты ему нагрубил, то он мог бы казаться умным в своих глазах и добился бы своей главной цели, разгневав тебя. Ты прав, что не позволил себе опуститься до такого, и мудрость взяла верх.

— Знаешь, раби Йошуа, царь Шломо по праву считается мудрейшим из людей, но иногда сложно строго следовать его рекомендациям. Легче советовать, как поступать, чем в самом деле это выполнять.

— Ты абсолютно прав. Читать и разбирать гораздо проще, чем следовать этому на практике. Но, Акива, если ты хочешь стать хорошим и уважаемым раввином, тебе необходимо не только говорить, но и поступать соответственно, чтобы люди могли брать с тебя пример. Для людей важен личный пример, так как если раввин не будет соответствовать высоким нормам поведения и морали, которым он обучает, то какое

он имеет право делать нравоучения и предъявлять требования к другим?

— Какой из меня раввин, я только двенадцать лет назад научился читать и писать, если это можно назвать «научился». Я до сих пор пишу с ошибками.

— Акива, ты уже смог добиться в учебе больших успехов, а ошибки в письме встречаются даже у тех, кто учится дольше тебя. Я понимаю, что в нашем возрасте сложно учиться, но ты уже проделал большой путь. Главное — не опускай руки. Относись к этому как к очередному испытанию.

— Я стараюсь, но бывали случаи, что я, помногу раз прочитав один и тот же отрывок и не поняв сути, впадал в отчаяние. Единственным желанием на тот момент было покинуть ешиву и вернуться обратно в Иерусалим. Но всякий раз я вспоминал камень, в котором капли воды, падая одна за другой день за днем, проделали глубокое отверстие. Это придавало мне силы, и я читал этот отрывок снова и снова, пока не доходил до сути.

— Твое усердие принесло плоды, и их ты мог лицезреть, дав ответ на вопрос, заведший меня и раби Элизера в тупик, — улыбаясь произнес раби Иошуа. — Иногда ты своей любознательностью напоминаешь торговца, который, придя на рынок, покупает все подряд и укладывает в большую корзину, а вернувшись домой, раскладывает все купленное по местам. Так и ты: на уроках ты слушаешь, учишься, а затем пытаешься все это разложить по полочкам.

— У меня уже не та память, уважаемый раби Иошуа, и только упорством мне удастся усвоить услышанное.

— Это похвально. Ты достойно прошел большой и сложный путь. Я с самого начала наблюдал за тобой и желал, чтобы ты не бросал учебу. А сейчас, слушая, как ты на уроках рассуждаешь о законах и обычаях, я иногда не верю своим глазам и ушам, что все это говоришь ты. Не знаю, как это объяснить, но

я почему-то уверен: именно ты можешь стать настоящим лидером и сплотить вокруг себя много учеников, главное, продолжай так же упорно заниматься. У тебя есть то, чего нет во мне и, при всем уважении к раби Элизеру, в нем тоже. У тебя есть все необходимые качества. Ты скромн, мудр и полон сострадания. Я наблюдал, с каким пониманием ты относишься к простым людям, посещающим нашу синагогу, как ты внимательно их слушаешь и стараешься помочь! Наверное, тебе было суждено пройти через все эти трудности и страдания, чтобы научиться понимать нужды и чаяния простых людей.

— Раби Иошуа, мне далеко до тебя и раби Элизера. Мне еще учиться и учиться.

— Всем нам еще учиться и учиться. Мы всю свою жизнь должны учиться и самосовершенствоваться, даже в старости, чтобы иметь возможность трезво рассуждать. Знаешь, Акива, человеческий мозг похож на землю, которую нужно все время обрабатывать. Если у тебя есть земля и ты ее не используешь, а просто говоришь: «У меня есть земля!» — то это неправильно. Ты должен там сеять, сажать деревья и цветы. Если ты ее не используешь, она останется пустой или — еще хуже — на ней вырастут колючки, появятся змеи, жуки и т. п. Так же и человек: если он не учится Торе в свободное время, в его мозгу может образоваться пустота или, что еще хуже, могут зародиться недостойные мысли. Акива, тебе удалось преодолеть большую часть пути, даже раби Элизер, которого сложно чем-то удивить, был поражен твоими знаниями.

— Может, я и многому научился, но, если бы у меня была возможность, как у тебя, раби Иошуа, слышать звуки Торы с самого детства, я бы давно стал раввином и мне не пришлось бы пережить в жизни столько трудностей. Все эти двенадцать лет, как я начал изучать Тору, я пытался искоренить в себе такие качества, как гордость, печаль и гнев, преследующие

меня с юности. Я ясно понимаю, что они могут сбить меня с правильного пути, но вчера мне еле удалось себя сдержать и не наброситься на этого пожилого человека.

— Значит, так и было задумано изначально, и тебе просто было необходимо через все это пройти. Мудрецы говорят, что мы, люди, для того и приходим в этот мир — чтобы работать над собой, исправлять наши греховные наклонности, наши пороки.

В характере каждого человека есть качества, которые очень сложно искоренить — у одних это гордость, у других — тяга к женщинам, алкоголю, зависть, гнев, неумение прощать. И человеку нужно бороться с этими чертами характера, исправляя их всю свою жизнь.

Мудрецы учат: ищи свое назначение в противостоянии тому, к чему тебя тянет больше всего и с чем тебе сложнее всего бороться. Согласен, что это непросто, но может, величие человека — в умении достойно им противостоять? Работа над своей душой заключается в стремлении уподобиться Вс-вышнему, перенять его свойства.

— Вполне возможно. Раби Иошуа, я же знаю, что у тебя тоже не все так просто и тебе порой приходится очень трудно. Ответь мне, пожалуйста, как тебе удается всегда сохранять такой оптимизм и жизнерадостность?

— Это все заслуга нашего учителя. Он все время учил нас, что нужно всеми возможными способами опасаться печали и гнева, так как эти качества могут привести к греху. Даже если тебя что-то очень раздражает, нужно быть терпеливым, нельзя сердиться и впадать в печаль — нужно владеть собой. А когда мы спрашивали, как этому противостоять, раби Йоханан бен Закай отвечал просто: быть доброжелательным. И в качестве примера любил рассказывать нам об одном случае, произошедшем с раби Илелем, его учителем.

— Ты мне рассказывал одну историю из жизни раби Илеля, когда он, желая послушать урок Торы, забрался на крышу. Она была весьма поучительной.

— Да, но тогда он только начинал учиться, а эта история произошла с ним, когда он уже был главой Санедрина и весьма уважаемым человеком.

Однажды в пятницу днем, как раз перед началом шаббата, два жителя Иерусалима сидели и беседовали. Один из них начал рассказывать о своем соседе раби Илеле, о котором он весьма лестно отзывался. Он говорил, какой это скромный и миролюбивый человек, и выразил уверенность, что в мире нет никого, кто был бы способен его рассердить. Но его гость недолго думая сказал, что может вывести из себя любого, даже такого терпеливого, как раби Илель. И в подтверждение сказанного был готов заключить пари на крупную сумму — четыреста зуз. Житель Иерусалима охотно согласился, так как много слышал об исключительной выдержке своего соседа. Перед самым наступлением шаббата гость подошел к дому раби Илеля, бывшего на тот момент главой иерусалимской ешивы, а также главой Санедрина, и прокричал:

— Кто здесь Илель? Кто здесь Илель?

Раби Илель в это время мылся, но, несмотря на это, оделся и, открыв дверь, вежливо произнес:

— Мир тебе, уважаемый, чем я могу быть полезен?

— Это ты Илель? — продолжил тот без надлежащего уважения к раввину.

— Да, уважаемый. Что я могу для тебя сделать? — спокойно ответил раби Илель.

— У меня есть вопрос, — произнес споривший в надежде на то, что раби Илель, готовясь к шаббату, велит ему прийти в другое время.

— Какой? Задавай, пожалуйста. Буду рад ответить.

— Ты готов ответить на него сейчас?

— Да, конечно, наверное, он важен для тебя.

— Почему голова у жителей Вавилона в форме яйца, а не такая, как у обычных людей?

Раби Илель добродушно улыбнулся и произнес:

— Ты задал очень важный вопрос! Это потому, что в Вавилоне повивальные бабки, женщины, принимающие роды, обходятся с новорожденными не совсем аккуратно. Они сильно тянут ребенка за голову, чем наносят ему вред.

Получив ответ от раби Илеля, молодой человек ушел, но вскоре снова вернулся и прокричал:

— Кто здесь Илель? Кто здесь Илель?

Несмотря на то что до начала шаббата оставалось мало времени, раби Илель вытерся, оделся и, открыв дверь, снова увидел перед собой этого же молодого человека. Он еще раз поприветствовал его и абсолютно спокойно произнес:

— Илель — это я. Чем могу помочь?

— У меня есть вопрос.

— Пожалуйста, спрашивай, и я с удовольствием отвечу на твой вопрос, если буду знать ответ.

— Почему у жителей Тадмора глаза узкие и все время закрыты, почему это так?

— Ты задал очень важный вопрос! Эти люди живут в такой местности, где часто случаются песчаные бури. И чтобы эти пески им сильно не навредили, Вс-вышний создал их с узкими глазами.

Молодой человек, получив ответ на свой вопрос, ушел, даже не поблагодарив раби Илеля. Но перед самым началом шаббата снова вернулся и прокричал:

— Кто здесь Илель? Кто здесь Илель?

Раби Илель снова открыл дверь и абсолютно спокойно произнес:

— Это я Илель. Чем я могу тебе помочь, уважаемый?

— У меня есть вопрос.

— Пожалуйста, задавай, я постараюсь ответить.

— Почему у жителей Африки широкие ступни?

— Ты задал очень важный вопрос! Знаешь, африканцы живут в болотистой местности. Широкие ступни помогают им не утонуть.

Молодой человек увидел, что раби Илель ответил и на этот вопрос и ведет себя все так же спокойно и доброжелательно. Но он был полон решимости вывести раби Илея из равновесия, поэтому сказал:

— У меня еще много вопросов, и я хочу получить на них ответы.

— Это замечательно, — спокойно произнес раби Илель. — Если у тебя есть много вопросов, то почему ты стоишь в дверях? проходи, присаживайся, и я постараюсь ответить на них.

— У меня так много вопросов, что я боюсь, что ты на меня рассердишься.

— Ни в коем случае! Проходи и присаживайся, где тебе удобно.

Раби Илель сел напротив молодого человека и произнес:

— Какие еще вопросы тебя интересуют?

Молодой человек увидел полное спокойствие раби Илея и решил, что спор он уже проиграл. Речь шла об огромной сумме, и мысль о том, что, наверное, ему придется продать свою единственную лошадь, мучила его. Вспомнив о своей любимой лошади, он решил предпринять последнюю попытку разозлить старца и произнес:

— Ты Илель, глава Санедрина?

— Да, — вежливо ответил раби Илель.

— Я желаю только одного — чтобы не было больше людей, подобных тебе, в Иудее!

— Почему ты говоришь такие слова? Неужели я тебя чем-то обидел? — спокойно произнес раби Илель.

— Я говорю это, так как из-за тебя я сейчас проиграл в споре четыреста зуз.

— Знаешь, сын мой, может, и к лучшему, что ты сегодня проиграл эти деньги. Я надеюсь, что этот случай послужит тебе хорошим уроком, удержит в будущем от заключения неразумных пари и научит владеть собой.

Вот такая история приключилась с раби Илелем. Даже такие случаи грубости, хамства и неуважения не могли вывести его из себя. Ты представляешь себе: незнакомый человек перед самым шаббатом тебе грубит, тебя оскорбляет и провоцирует. Наверное, многие бы рассердились и ответили ему тем же, но не раби Илель. Именно его выдержка, скромность и любовь к ближнему помогли ему через все это пройти достойно и зарекомендовать себя великим раввином на века.

— Раби Иошуа, спасибо тебе за эту историю. Я каждый раз поражаюсь, как тебе удается всегда находить правильные слова и поучительные истории — ты великий раввин.

— Акива, уметь правильно подобрать слова в нужный момент — это важная составляющая в деятельности раввина. Раввина можно сравнить с лекарем, но он, в отличие от лекаря, может залечивать не только физические, но и душевные раны.

— Ты прав.

— Я понимаю, что это легче порекомендовать, чем выполнить, но сердиться нельзя. Запомни раз и навсегда одно важное изречение мудрецов: теми, кто злится, управляют силы ада. А некоторые мудрецы сравнивают гнев с идолопоклонством. Остерегайся гнева и печали и пытайся всяческими способами избегать этих чувств. Они лишают человека ясного ума, могут толкнуть на необдуманные поступки и подтолкнуть к греху. Человек должен стремиться служить Вс-вышнему в радости. Акива, думаешь, мне легко и никогда не возникает случаев, когда хочется ответить на грубость и насмешки

других людей? Конечно же, бывает, но, как только у меня возникает это желание, я вспоминаю эту историю и пытаюсь походить на раби Илеля. Нужно нам самим меняться в лучшую сторону, тогда и мир вокруг тебя изменится. Иногда люди, которых мы случайно встречаем, могут указать нам на наши недостатки. В них, как в воде, отражаются наши плохие качества, и мы должны не гневаться на них, а напротив, благодарить за то, что они указали нам на это.

— Ты прав, теперь я понимаю, что поступил верно, не ответив этому пожилому человеку. Раньше я был подвержен эмоциям и быстро выходил из себя, но, начав изучать мудрость Торы, я стараюсь меняться и не повторять прошлых ошибок.

— Дорогой Акива, не знаю почему, но ты у меня иногда ассоциируешься с великим раби Илелем. Вероятно, из-за того, что и он начал изучать Тору в позднем возрасте, будучи простым рабочим. Тебе нужно продолжать усердно учиться и дополнительно поработать над своими качествами. И думаю, скоро я лично дам тебе смиху*, так как имею на это все полномочия. Получив смиху и став раввином, ты сам будешь обучать учеников и иметь дело с разными людьми. И тогда тебе будут необходимы такие качества, как терпение и самообладание.

— Раби Иошуа, я постараюсь прилагать еще больше усилий. Не знаю, какой из меня получится раввин, но мне хочется, чтобы моей жене и детям не было стыдно за меня.

Попрощавшись, раби Иошуа вернулся в свою ешиву в городе Пкиин. Акива же продолжил изучать Священное Писание в ешиве раби Элизера.

* Смиха — посвящение в раввины.

Глава 6

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

*Уста свои открывает она с мудростью,
и кротко наставление на языке ее.*

*Она наблюдает за ходом дел в доме
своем и хлеба леностного не ест.*

*Встают дети ее — и восхваляют ее;
муж ее также превозносит ее:*

*«Многие дочери (жены) преуспели, но
ты превзошла всех их!»*

*Обманчива прелесть, и сует-
на красота: жена, боящаяся Господа,
прославлена.*

Мишлей, 31: 26-30

Акива продолжал усердно учиться в ешиве раби Элиэзера бен Уркануса. Он демонстрировал все более глубокие знания. Раби Элиэзер, убедившись в высокой мудрости ученика, начал уделять ему особое внимание и обучать таким вещам, которым прежде никого не обучал. Он начал раскрывать перед Акивой и тайные учения, известные только великим мудрецам.

Раби Иошуа также продолжал относиться к взрослому ученику с повышенным вниманием и начал обсуждать с ним законы, принимающиеся в Санедрине.

Благодаря своей усидчивости Акива постиг многое и уже через несколько лет, получив смиху от раби Иошуа, стал раввином и основал свою ешиву в городе Бней-Брак, куда начали съезжаться ученики со всей Иудеи.

Познав с детства голод, насмешки и нужду, он старался с пониманием относиться к каждому ученику. Среди учеников были разные люди — как по возрасту, так и по знаниям, но к каждому из них он проявлял уважение и относился к ним как к своим детям.

Раби Акива всегда старался сохранять жизнелюбие и никогда не унывать. Что бы ни происходило, он неизменно повторял фразу, некогда услышанную от своего учителя: «Все, что делает Вс-вышний, — к лучшему».

Раби Иошуа был очень рад успехам своего недавнего ученика в статусе раввина. У него вызывали восторг проявляемые им выдержка, терпение, уважение и беззаветная любовь к Торе, которую он старался привить и своим ученикам. Раби Акива был мягок, но когда речь заходила об учебе, он становился очень требователен. Уроки в ешиве проходили с самого утра и до позднего вечера, с перерывами на обед и сон. У учеников ешивы практически не было выходных, они находились в ешиве круглый год, кроме нескольких дней в канун больших праздников.

Во время обучения раби Акива большое внимание уделял алфавиту и написанию формы букв. Он утверждал, что можно извлечь много информации из написания каждой буквы и даже коронки, венчающей эту букву.

Раби Акива разработал свой метод толкования Священного Писания. Он утверждал, что в тексте Торы нет ни одной лишней буквы и ни одного лишнего слова. Каждое слово при верной трактовке имеет большое значение и несет определенную информацию.

Год от года популярность Акивы росла, и его ешива, в которой уже учились тысячи учеников, стала самой большой в Иудее, превзойдя по количеству учеников даже ешиву в Явне.

Однако ситуация в Иудее накалялась, и римляне, опасаясь новой волны восстаний, издали декрет, в котором иудеям запрещалось изучать Тору и следовать ее заповедям.

Узнав об этом, в городе Явне в срочном порядке собрался Санедрин и решил незамедлительно отправить делегацию мудрецов в Рим. Им надлежало встретиться с римским императором Домицианом и убедить его отменить декрет.

Было решено отправить четверых мудрецов, которые должны будут повлиять на императора. Трое из них входили в состав Санедрина: раби Гамлиэль, раби Эльзар бен Азария и раби Иошуа, а четвертым в делегацию было решено включить раби Акиву.

Он не входил в состав Санедрина, но мудрецы решили отправить и его — как человека, обладающего мудростью и большим авторитетом в Иудее.

Акива с признательностью принял это предложение и готов был сопровождать в Рим столь уважаемых людей.

Перед долгой дорогой мудрецы решили взобраться на Храмовую Гору, чтобы взглянуть еще раз на Храм, лежащий в руинах. Оказавшись на вершине горы, они увидели лису, спокойно выходящую с того места, где раньше находилась Святая святых.

Раби Гамлиэля, раби Эльзар бен Азария и раби Иошуа были так потрясены этим, что не смогли сдержать слез, но раби Акива, к их удивлению, громко засмеялся.

Удивленные реакцией раби Акивы, мудрецы спросили:

— Что с тобой? Почему ты смеешься? Разве ты не видишь, что наш храм лежит в развалинах и на месте, где раньше была Святая святых, поселилась лиса?

— Раби Гамлиэль, раби Эльзар бен Азария и раби Иошуа, я не вижу причин для печали, нам всем нужно радоваться.

— Акива, ты сейчас уважаемый раввин, как ты можешь такое утверждать? — спросил раби Гамлиэль.

Акива спокойно ответил:

— Мы с учениками недавно закончили изучать книгу Пророков, и вспомнив некоторые прочитанные там фразы, я рассмеялся. Позвольте мне их процитировать: «Цион будет вспахан, как поле, и Иерушалаим превратится в груды развалин, а Храмовая Гора — в лесные холмы»*.

— Вот именно поэтому мы и плачем, что вместо храма сейчас гряда развалин.

— Но позвольте мне напомнить, что было и второе пророчество: «... еще будут сидеть на площадях Иерусалима старики и старухи... и наполнятся улицы города мальчиками и девочками, играющими [там]...»**.

— Ну и что ты хочешь этим сказать?

— Что эти два пророчества взаимосвязаны. Если бы не сбылось первое пророчество — то не должно было бы исполниться в будущем и второе, о возвращении наших потомков на свою землю. Но теперь, когда мы видим эту картину, я уверен, что второе пророчество непременно исполнится.

— Акива, ты нас утешил, — произнесли мудрецы и отправились в Рим.

Путешествие было не из легких, и когда, проделав долгий путь, они вошли в город, их взору предстала вся роскошь Рима, где с городских площадей доносились ликующие крики.

Увидев все это, мудрецы снова заплакали, но Акива начал смеяться.

— Акива, ты снова смеешься, когда мы плачем! Разве ты не видишь всего этого? Они разрушили и разграбили наш храм, увели многих евреев в плен, поклоняются идолам, а их молодежь спокойно веселится.

* Ирмийя, 26, 18.

** Захарья, 8:4–5.

— Вот поэтому я и смеюсь.

— Акива, будь так любезен, объясни нам, что на этот раз ты имеешь в виду.

Раби Акива с присущим ему спокойствием ответил:

— «Если такова участь тех, кто нарушает волю Его, то какова будет награда исполняющим Его повеления». Мои дорогие учителя, представляете, какое вознаграждение ждет наш народ? — подытожил раби Акива.

Они снова поблагодарили Акиву за добрые слова и направились на аудиенцию к императору. Несмотря на долгую беседу, им так и не удалось убедить императора изменить свое решение и пришлось вернуться в Иудею ни с чем.

* * *

Вернувшись в Иудею, мудрецы решили продолжать вести обучение в своих ешивах, несмотря на существующий запрет. Раби Акиве также было поручено взять на себя обязанности габай цдака**. Он упорно отказывался, боясь не соответствовать столь почетному посту, но под давлением мудрецов принял их предложение. Они были убеждены, что безупречная репутация и авторитет раби Акивы позволят собирать больше пожертвований, чем прежде. Теперь в его обязанности входило не только руководство ешивой и обучение молодых учеников, но также забота обо всех неимущих гражданах Иудеи.

После того как они обсудили и остальные важные вопросы, раби Акива попрощался со своими друзьями и направился в Бней-Брак.

* Талмуд, МакоТ, 24.

** Габай цдака — сборщик пожертвований для нужд малоимущих.

Вернувшись в ешиву и немного отдохнув с дороги, раби Акива присоединился к своим ученикам. Поинтересовавшись, как идут у них дела, он хотел сесть за книги, но ученики попросили его рассказать о поездке в Рим. Когда Акива поведал о том, что римский император непоколебим в своем решении и что им, несмотря на все усилия, так и не удалось переубедить его, в синагогу вошел проходивший мимо житель Бней-Брака по имени Папус бен Иуда. Видя, что раввин не собирается следовать римскому декрету, он спросил раби Акиву в присутствии учеников:

— Раби Акива, почему ты продолжаешь обучать в своей ешиве, почему ты подвергаешь опасности жизнь этих учеников и свою, неужели ты не боишься римлян?

Раби Акива, внимательно посмотрев на гостя, спокойно ответил:

— Давай я расскажу одну притчу, и тебе все станет ясно. Шла как-то одна лиса по берегу реки. Увидев рыбок, испуганно метавшихся в разные стороны, лиса спросила: «Почему вы так мечетесь?» — «Мы боимся рыбацких сетей», — отвечали рыбы. «Тогда выходите лучше на берег, и мы будем мирно жить вместе, как жили когда-то наши предки». — «Хоть и считают тебя, лиса, самой хитрой из всех животных, но теперь мы видим, что это далеко не так. Если угрозу таит в себе даже вода, которая дана нам для жизни, то уж наверняка на суше нас ждет верная гибель!»*. И какой же вывод мы можем сделать из этой истории, уважаемый Папус?

После небольшой паузы раби Акива продолжил:

— Рыбы в этой притче подобны евреям, а рыбаки, забрасывающие сети, и лисы, которые искушают рыб выйти из воды, подобны римлянам. Но мы должны прекрасно понимать, что евреи без Торы, как и рыбы без воды, долго не проживут.

* Талмуд, трактат Берахот, лист 61 (часть 2).

Запрещая нам изучать Священное Писание, римляне надеются уничтожить нас как нацию и народ. И если сейчас при изучении Торы, о которой написано: «В этом жизнь твоя и долголетие твое»*, нам угрожает такая опасность, ты только представь себе, что произойдет, если мы откажемся от изучения ее. Поэтому важно знать: пока мы изучаем Тору, мы как рыбы в воде.

Папус бен Иуда поблагодарил раби Акиву за ответ и отправился домой.

Ученики раби Акивы тут же начали активно обсуждать услышанное. Они спросили раби Акиву, как Вс-вышний позволил римлянам разрушить Храм.

— Раз позволил, значит, такова была воля Его, милосердного, мудрость которого нам не дано постичь, — ответил раввин. — Я много размышлял над этим событием, а также над другими победами и поражениями в истории нашего народа, и пришел к выводу, что все так и должно было произойти, и никто не мог этому воспрепятствовать. Запомните фразу: «Все предопределено, но свобода выбора дана»**, — подытожил раби Акива.

— Уважаемый раби Акива, пожалуйста, поясни, что ты имеешь в виду, когда говоришь «все предопределено»?

— Все люди выполняют именно то, что изначально было задумано Вс-вышним, благословенным. Он знает не только все наши поступки, но также мысли и чувства.

— В таком случае, если Б-гу все известно, получается, что человек лишен всякого выбора? Получается, что от нас ничего не зависит? — спросил другой ученик.

— Это кажется противоречивым и странным, но это именно так. В нашем мире существует только иллюзия выбора, но

* Дварим 30:20.

** Перкей Авот, 3:15.

выбор уже сделан заранее. Я вижу много вопросов в ваших глазах, но позвольте мне привести несколько примеров, и, может, вам станет более понятно. К примеру, вы стоите около двух дверей и размышляете, в какую из них войти. В вашей голове происходит некий процесс, во время которого вы, взвешивая все за и против, делаете определенный выбор, не понимая, что выбор давно уже сделан. Вс-вышнему, милосердному, изначально было известно, как вы поступите, а выбор — это всего-навсего иллюзия. Чтобы стало понятнее, возьмем пример с первым человеком, Адамом. Все мы знаем, что Вс-вышний поселил Адама и Хаву в Райском саду и повелел ему не вкушать плодов с древа познания добра и зла. Из слов мудрецов нам известно, что Адам изначально не имел плохого начала и пребывал в полной гармонии. Как вы думаете, Адам, в душе которого были заложены корни всех душ людей последующих поколений, мог согрешить?

Раби Акива окинул взглядом изумленные лица учеников и продолжил:

— Перед Адамом, как можно подумать, стоял выбор — есть или не есть яблоко, но на самом деле никакого выбора не было, все было предрешено. Сказано, что Вс-вышний повелел не есть плодов с древа познания добра и зла, но в то же время Он не лишил Адама возможности нарушить запрет. Вс-вышнему, благословенно Имя Его, было изначально известно, как именно поступит Адам. — Дав ученикам время осмыслить приведенный им пример, раввин продолжил: — Возьмем еще пример с Йосефом, сыном праотца Израиля и праматери Рахель, проданным братьями в рабство.

— Прости, пожалуйста, раби Акива, я обучаюсь в ешиве совсем недавно, — произнес юноша. — Разве Йосеф, проданный в рабство в Египет, не был сыном нашего праотца Якова и внуком Ицхака?

— Да, ты прав, он был сыном нашего праотца Яакова, внуком нашего праотца Ицхака и правнуком нашего праотца Авраама. В юности его звали Яаков, но к тому времени, о котором идет речь, он получил от Вс-вышнего новое имя — Израиль.

— Спасибо, сейчас все понятно, — произнес ученик.

Раби Акива продолжил:

— Как вы думаете, его братья, сыновья Яакова, от которых пошли двенадцать колен Израилевых*, могли такое совершить? Разве они не отдавали себе отчета, каким ударом будет вся эта история для их отца? Конечно же, они никогда бы так не поступили. Совершив этот ужасный поступок и не подозревая о том, что Йосефу суждено занять высокий пост в Египте, они пребывали в многолетних терзаниях и переживаниях.

— Они чувствовали вину, думая, что действовали по собственной воле?

— Да, они долгое время не могли простить себе этого поступка. Но братья, продавая Йосефа в Египет в рабство, даже не подозревали, что выполняют Его волю. На первый взгляд может показаться, что случайное стечение обстоятельств приводит Яакова с сыновьями в Египет. Но запомните: случайностей и совпадений не бывает. И если мы внимательно посмотрим на всю картину, будет виден четкий замысел Вс-вышнего, который состоял в том, чтобы Йосеф подготовил приход евреев в Египет. Как мы знаем, именно к Йосефу, который к тому времени стал фактическим правителем Египта, переселись его отец и братья. И несмотря на то что вначале у них было высокое положение, вскоре евреи стали рабами.

— А зачем иудеям нужно было пройти через все это? Пребывать в египетском рабстве?

* Именно от двенадцати сыновей Яакова, среди которых был и Йосеф, и пошел иудейский народ.

— Рабство должно было хоть частично исправить ошибки первых людей, вкусивших от древа познания добра и зла. Познав горечь рабства, иудеи взмолились, и Вс-вышний послал им избавителя в лице Моше рабейну. Освободив евреев из египетского рабства, Вс-вышний вручил Моше Тору на горе Синай.

В Торе существует множество примеров этому, но есть примеры не из Торы, а из жизни нашего великого царя Шломо, который считается самым мудрым из людей. Вы знаете, он написал замечательную книгу «Шир а-Ширим»*, обязательно как можно чаще обращайтесь к ней. Я убежден, что для народа Израиля не было дня, счастливее того, когда он обрел книгу Шир а-Ширим, ибо все книги Танаха священны, но Шир а-Ширим — Святая святых**. С царем Шломо приключился такой случай. Однажды ему повстречался опечаленный Ангел смерти, который получил приказ Вс-вышнего забрать двух людей, но никак не мог их найти. Как мы знаем, царь Шломо обладал исключительными способностями — он владел языком животных и птиц. Широкая слава ходила о его величайшей мудрости, а звери, птицы и духи покорялись ему. Узнав имена этих людей, царь Шломо, в надежде спасти им жизнь, немедленно отправил их в город Луз, куда было запрещено входить Ангелу смерти. Но прямо у входа в город Луз они оба умерли. На следующий день царь Шломо, удрученный этой вестью, увидел веселого Ангела смерти. Ангел сообщил ему, что те двое, кого он не мог найти, оказались именно там, где ему и поручено было их взять, — у входа в Луз. Ангел поведал царю Шломо, что вчера он был опечален тем, что никак

* «Шир а-Ширим» — букв. «Песнь Песней», книга царя Соломона. Именно по инициативе Раби Акивы Шир а-Ширим был включен в Танах.

** Мишна, трактат Ядаим, 3:5.

не мог их туда заманить. А царь Шломо, пытаясь спасти этих двух людей, сам их туда послал. О чем говорит нам этот пример? — обратился раби Акива к ученикам.

— Мы видим, что даже мудрейший царь Шломо не смог противостоять судьбе, — ответил ученик, задавший вопрос.

— Да, ты прав. Думая, что у него есть выбор, царь Шломо, пытаясь спасти этих людей, осуществил свой план и отправил их в Луз, но в реальности он сам был частью плана. Он стал тем, кто помог осуществить этот план. А можно взять пример с разрушением второго Храма, которое произошло около тридцати лет назад. Мы могли прочесть об этом в книгах пророков задолго до самого события. Многие знали о нем, но все равно ничего не могли поделать — Храм должен был быть разрушен, чтобы отстроиться заново уже в грядущих веках.

— Раби Акива, могу я задать вопрос, который, возможно, позволит мне лучше понять эту важную тему? — произнес ученик.

— Да, конечно. Я еще раз вам всем повторяю: не нужно стесняться задавать вопросы. Не спросив, вы не узнаете ответ на интересующий вас вопрос, и тогда и сами будете не в силах ответить на него простым людям. Мы здесь для того и собрались, чтобы учиться и дискутировать.

— Спасибо, — ответил ученик и продолжил: — Из ваших слов выходит, что выбор отсутствует, верно? Если так, то к чему тогда вторая часть фразы: «...но свобода дана»? Уважательный раби Акива, я прошу прощения за вопрос, но разве эти две вещи не взаимоисключающие? Разве эти два утверждения не противоречат друг другу?

— Выбор, конечно же, есть, и даже в Торе об этом сказано. Но выбор состоит в том, куда направить свой потенциал — на созидание или разрушение, на добро или зло. Сказано в Торе: «Жизнь и смерть предложил Я вам, благословение

и проклятие. Избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твое»*. Здесь мы видим не только свободу выбора, но и указание на то, какой выбор стоит сделать, какой выбор является верным.

— Рассмотрим еще один пример, который, возможно, позволит лучше понять это высказывание. Все мы знаем об Исходе из Египта, который произошел полторы тысячи лет назад, в 15-й день весеннего месяца нисан.

— Да, — дружно ответили ученики.

— Отлично, тогда давайте вкратце вспомним, что этому предшествовало.

Моше рабейну вместе со своим братом Аароном пошли к фараону и передали ему требование Вс-вышнего отпустить иудеев из Египта. Но фараон отказался последовать требованию, что повлекло за собой десять казней египетских. После десятой казни, казни первенцев, когда все первенцы Египта погибли, и даже фараон потерял сына, правитель решил наконец отпустить народ Израиля на ту землю, которую Вс-вышний обещал потомкам нашего праотца Авраама. Как мы знаем из Торы, в течение первых шести казней у фараона еще был выбор, но после шестой казни Вс-вышний ожесточил его сердце и решил вывести иудеев из египетского рабства могучей рукой. В книге Шмот все это описано:

«И сказал Господь Моше: Войди к Паро, ибо Я отягчил его сердце и сердце его рабов, чтобы Мне свершить эти Мои знамения в его среде. И чтобы ты рассказывал во услышание сына твоего и сына твоего сына о том, как Я глумился над Египтом, и о Моих знамениях, которые Я свершил среди них, — и (чтобы) вы знали, что Я — Господь»**.

* Дварим, 30:19.

** Шмот, 10:1-2.

«И будет тебе это знаком на твоей руке и для памяти меж глазами твоими — чтобы Учение Господне было в устах твоих, — что могучей рукой вывел тебя Господь из Египта»*.

Читая эти строки из книги Шмот, мы осознаем, что казни, которые сыпались на Египет одна за другой до тех пор, пока фараон не отпустил еврейский народ, должны были показать всем последующим поколениям могущество и всесилие Б-га.

Из всей этой истории мы можем сделать вывод, что все было предрешено: евреи в любом случае вышли бы из Египта в 15-й день весеннего месяца нисан, но свобода выбора у фараона была. Если бы он сделал правильный выбор после первых шести казней и отпустил бы иудейский народ, то Египет избежал бы всех остальных казней и сын фараона остался бы жив.

Тут мы видим наглядный пример высказывания: «Все предрешено, но свобода выбора дана». От правильности этого выбора зависит многое.

Ученики размышляли над примером раби Акивы. Выдержав паузу, он продолжил:

— Свобода выбора нам дана, чтобы самосовершенствоваться, чтобы работать над плохими качествами и сделать этот мир лучше. Я понимаю сейчас ваше состояние. Конечно, все, о чем мы говорили, непросто понять и тем более принять грамотному, мыслящему человеку. Мы с рождения убеждены в том, что сами принимаем все важные решения в жизни: стоит учиться или нет, какую специальность выбрать, где жить, на ком жениться... А осознание, что все это только иллюзия выбора и все предрешено, меняет наше представление о мире, — подытожил раби Акива.

— Получается, что мы должны жить, понимая, что не в силах ничего изменить? Что любой наш выбор давно уже сделан

* Шмот, 13:9.

за нас? — поинтересовался другой ученик, внимательно слушавший раби Акиву.

— Да, это так. Мы всего лишь люди, и для нас непостижимы планы и воля Творца, благословенного. Наш разум недостаточно развит, чтобы постигать вершины Его мудрости. Хотим мы этого или нет, но в конечном счете мы исполним именно то, что изначально было задумано, и поэтому самый верный вариант — смириться с этим фактом. Это будет самый правильный выбор, так как понять это практически невозможно.

После некоторой паузы один из учеников произнес:

— Раби Акива, правильно ли я вас понял? Первое: мы должны принять то, на что мы не в силах повлиять, то есть смириться с тем, что все предопределено. И второе: нам нужно постараться сделать правильный выбор там, где нам дано право выбора.

— Да, абсолютно верно. Это очень большая и интересная тема, которая будоражит умы людей не одно тысячелетие, но я рад, что главные моменты нам все-таки удалось обсудить.

Раби Акива посмотрел в окно и произнес:

— Я благодарен вам за то внимание, с которым вы меня слушаете, но уже поздний час и я вынужден вас покинуть. Завтра, после утренней молитвы, мне нужно будет отправиться на север, чтобы отвезти в Пкиин, где находится ешива раби Иошуа, собранные пожертвования, которые он разделит между нуждающимися. Поэтому с вашего позволения отправлюсь спать.

* * *

Проснувшись, позавтракав и помолившись, раби Акива сел на осла и отправился в дальний путь.

С собой он взял корзину, куда положил еду и большую сумму денег, которую раби Иошуа бен Хананья должен был

раздать малоимущим жителям севера страны. Также в дороге он взял петуха, который обычно будил его по утрам, и свечу, чтобы учиться после захода солнца.

Дорога была долгой, и когда начало темнеть, раби Акива решил переночевать в ближайшей деревне.

Найдя в этой маленькой деревне постоялый двор, раби Акива постучался в дверь. Когда хозяин заведения открыл, раби Акива произнес:

— Мир тебе! Могу я остановиться у тебя до утра?

Но хозяин заведения не признал в этом пожилом человеке большого мудреца, а увидев петуха и осла, произнес:

— Мир тебе! Но я ничем не могу тебе помочь, у меня нет свободных комнат.

— Я готов спать на полу, — произнес раби Акива.

Хозяин постоялого двора еще раз повторил, что мест нет, и захлопнул дверь.

Но раби Акива не стал отчаиваться и произнес:

— Все, что делает Вс-вышний, — к лучшему.

Он покинул деревню и направился в поле, где и решил заночевать.

Немного перекусив, он присел на камень, зажег свечу и только начал читать, как вдруг поднялся сильный ветер и погасил свечу.

Несмотря на то что он остался в поле в полной темноте, раби Акива не стал сердиться и снова произнес:

— Все, что делает Вс-вышний, — к лучшему, — и положив под голову корзину с деньгами, прилег в поле под деревом.

Только он собирался закрыть глаза, как услышал крики осла, который, освободившись от веревки, сбежал.

Раби Акива подумал: как же я буду без осла, ведь мне завтра ранним утром предстоит долгий путь? Но все равно не стал сердиться и, еще раз произнеся: «Все, что делает

Вс-вышний, — к лучшему», заснул. Поздней ночью он услышал еще один крик, но, не придав этому значения, опять заснул.

Проснувшись от солнечных лучей, а не от крика петуха, раби Акива всполошился. Он собирался встать ранним утром, но, судя по расположению солнца на небе, уже был обед. Поднявшись, чтобы отправиться в путь, он увидел неподалеку растерзанного лисой петуха.

Но и это не смогло его рассердить. Несмотря на то что ему пришлось переночевать в поле под деревом, его осел сбежал, а петух не разбудил его рано утром, раби Акива продолжал твердить: «Все, что делает Вс-вышний, — к лучшему».

И с сумкой на плече отправился в путь. Проходя мимо деревни, в которой ему ночью отказали в ночлеге, раввин услышал ужасные крики. Войдя в деревню, он спросил у метавшейся в панике женщины:

— Что произошло?

— Разве ты не слышал? — воскликнула плачущая женщина. — Ночью через поле в нашу деревню проникли разбойники и забрали у всех жителей деревни и посетителей постоялого двора все самое ценное.

Услышав это, раби Акива еще раз убедился в правильности фразы «Все, что делает Вс-вышний, — к лучшему».

Хоть он и лишился осла и петуха, зато сохранил вверенные ему пожертвования для нужд малоимущих на севере Иудеи.

Продолжая свой путь в Пкиин, он размышлял о произошедшем вчера. «Если бы свеча не погасла и я бы продолжал учиться до поздней ночи, разбойники обязательно заметили бы меня в поле и забрали все деньги. Если бы осел не сбежал, а петуха не съела лиса, то они бы кричали в темном поле и разбойники заметили бы меня и забрали все деньги. Сначала, не видя полной картины, я не мог понять логику вещей, но теперь я понимаю, зачем Вс-вышний создал мне все эти

трудности — чтобы спасти меня от разбойников. Сегодня я еще раз убедился: все, что делает Вс-вышний, — к лучшему»^{*}.

Прибыв в Пкиин, раби Акива передал деньги раби Иошуа бен Хананья, который был ответственен за распределение пожертвований на севере страны. Раби Иошуа поблагодарил раби Акиву за его верность возложенным на него обязанностям и мужество. Он восхищался его энергией и тому, что, несмотря на возраст, он продолжает активно участвовать в общественной и религиозной жизни Иудеи. Побеседовав с раби Иошуа, раби Акива засобирался в Бней-Брак, где его с нетерпением ожидали ученики. На дворе уже начинало темнеть, и раби Иошуа не согласился отпустить друга и прежнего ученика в долгий путь, опасаясь за его жизнь. Он настоял, чтобы раби Акива помолился вместе с ним и переночевал в его доме. Поужинав, они отправились в ешиву раби Иошуа, где погрузились в изучение Торы.

По истечении некоторого времени раби Иошуа, который пребывал в раздумье, глядя на святые книги на полке, произнес:

— Акива, как ты думаешь, нам удастся?

— Что удастся, уважаемый раби Иошуа?

— Передать мудрость всех этих книг, стоящих на полке, устную и письменную Тору следующим поколениям. Римляне в любой момент могут изгнать нас из наших домов.

— То, что они вынесли декрет о запрете на изучение Торы и обрезания, еще ни о чем не говорит.

— Раби Акива, ситуация сейчас непростая, и мы, продолжая обучать учеников, подвергаем их жизнь опасности.

— Я думал об этом, но убежден, что сейчас они не посмеют арестовать всех, кто изучает Тору. Иначе во всей Иудее сразу

* История из Талмуда, трактат Брахот, 60б.

же вспыхнет восстание, которое может обернуться для римлян поражением, и прольется много крови. Я много думаю над тем, как можно решить все без кровопролития, и на днях у меня должна состояться встреча с римским наместником Тинеусом Руфусом. Я постараюсь убедить его не преследовать учеников ешив и позволить нам изучать Тору.

— Ты думаешь, что он послушает тебя? О нем говорят как о жутком тиране, который не остановится ни перед чем.

— Я постараюсь завести с ним разговор на тему о Торе и иудаизме. Может, узнав больше об истории нашего народа и всей мудрости, которую несет в себе Священное Писание, он станет более лояльным к нам.

— Мы же только недавно вернулись из Рима, где у тебя была возможность убедиться во враждебном отношении римлян к иудаизму. Знаешь, раби Акива, чем больше я думаю об этом, тем больше прихожу к выводу, что восстание неизбежно. Римляне делают все, чтобы унижить наш народ. Они хотят уничтожить нас как нацию. Сначала они разрушили Храм, но, поняв, что наш дух не сломлен, они решили забрать последнее — Тору.

— Я все понимаю, но пока есть возможность все разрешить без кровопролития, я готов встречаться даже с самыми страшными их тиранами. Я попытаюсь донести до них смысл нашей религии и объяснить им, что эти традиции мы унаследовали от предков и, потеряв их, мы потеряем аутентичность.

— Вся проблема в том, что они хотят сделать нас такими же, как они. Наши законы и правила кажутся им очень строгими и бессмысленными. Они пропагандируют вседозволенность, отказ от каких-либо ограничений, не понимая, что тем самым делают свое существование не счастливым, как может показаться на первый взгляд, а бессмысленным и несчастным.

— Раби Иошуа, раз наш народ попал в такое тяжелое положение, значит, на это была воля Его. Нам неизвестны истинные причины, мы можем только догадываться о них, но в последнее время я заметил одну странную закономерность. Несмотря на то что народ стонет под непосильным бременем налогов и многие жители Иудеи остались даже без куска хлеба, люди начали в большей степени заботиться о будущем своего народа. Раби Иошуа, ты понимаешь, что произошло с мышлением людей? Они сплотились перед лицом общего врага. Их стала меньше заботить собственная судьба, еда и прочее, они готовы пожертвовать собой ради своей родины и своей религии. Раньше такое было невозможно, а сейчас, чем жестче римляне проводят свою политику, запрещающую нам изучать Тору и проводить обряд обрезания, тем больше людей возвращается к своим истокам, к Нему, благословенному. Они понимают, что бессильны и спасения стоит ожидать только от Него, милосердного. Может, замысел был в том, чтобы мы сплотились перед лицом общего врага?

— Вполне возможно, ведь это присуще нашему народу. В тяжелые минуты мы всегда сплывались вокруг одного лидера, и мне особенно приятно, что на сегодняшний день этим самым лидером являешься именно ты. Это тебе слепо доверяет свое будущее простой народ. Ты для них в одном лице и дедушка, и отец, и брат, и они уверены, что ты их не предашь.

— Спасибо тебе, раби Иошуа, за теплые слова, но знал бы ты, как мне не хочется в это тяжелое время брать на себя такую высокую ответственность, быть лидером. Не знаю, смогу ли я оправдать их надежды. Я же в недавнем прошлом простой пастух и не уверен, что у меня есть достаточно опыта и знаний.

— Раби Акива, раз выбор Вс-вышнего пал на тебя, значит, ты самая достойная кандидатура. Тебе удастся сплотить вокруг

себя разных людей. Ученики от тебя в восторге, а бедняки во всей Иудее постоянно благословляют тебя за те пожертвования, которые ты собираешь, считая своим главным защитником.

— Пока у меня есть силы, я буду стараться продолжать распространять свет Торы. И на сегодняшний день своей главной целью я вижу обучение людей Святому Писанию и взаимоуважению. Именно взаимоуважение и взаимовыручка смогут спасти нас от уничтожения. Мы должны строго следовать выражению в Торе: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»*. Знаешь, раби Иошуа, я много размышлял над этой фразой, и по-моему, она является основополагающим законом всего Священного Писания. Поэтому я, немного перефразировав ее, пытаюсь донести до своих учеников так: «Любить каждого еврея, как самого себя»**.

— Да, Акива, я с тобой в этом согласен. Сегодня нас может спасти только общая цель и общие ценности. — Раби Иошуа помолчал, затем сказал: — Уже поздно, а тебе утром в путь. Мои близкие обрадовались, узнав, что сам раби Акива останется у нас ночевать.

— Давай посидим еще немного, поговорим.

— Конечно, дорогой друг. Акива, мы с тобой знакомы давно, и я хочу кое о чем спросить, надеюсь, не обижу тебя.

— Спрашивай, раби Иошуа.

— Как твоя семья? Почему ты не возвращаешься домой? Ведь ты их не видел уже больше двадцати лет!

Акива опустил голову, на его лице появилась печаль. Раби Иошуа, заметив это, продолжил:

— Ты все свое время посвящаешь ешиве, своим ученикам и общественным делам, но ты же должен подумать и о родных.

* Ванкра, 19:18.

** Пиркей Авот, 3:14.

— Раби Иошуа, я не забываю о них ни на минуту. Я все свободное время думаю о них. Вчера ночью мой осел сбежал, и я шел в Пкиин пешком. Когда тебе за шестьдесят, это непросто. Но в этом был и положительный момент — у меня была возможность всю дорогу думать о Рахель, детях, какие они стали большие и красивые, и мне эта дорога показалась короткой. Это придает мне дополнительные силы, я мечтаю о скорейшей встрече с ними.

— Если я не ошибаюсь, это твоя жена отправила тебя учиться?

— Да, раби Иошуа. Я знаю, что они любят и ждут меня. Прошло уже столько времени, а Рахель до сих пор не разочаровалась во мне. Представляешь, она все так же, как и двадцать лет назад, посылает мне деньги в ешиву раби Элизера. Я уже не нуждаюсь в этих деньгах, жалованья главы ешивы хватает мне для скромной жизни и даже удается что-то откладывать. Но все же, когда ученики ешивы из Явне бывают в Бней-Браке, они привозят мне деньги. Получая их, я каждый раз очень радуюсь тому, что меня не забыли, что меня где-то любят и помнят. Знаешь, для человека это очень важно.

— А почему ты не передашь ей, чтобы она не отправляла деньги? Ты же говорил, что она сама ведет все хозяйство.

— Я думаю, что так ей проще. Она совсем забыла о себе, и у нее есть цель вырастить детей и выучить меня, а когда у человека есть цель, то силы для их осуществления всегда найдутся. Если я лишу ее одной из целей, то она сможет потерять некий стимул. Так она не будет ни болеть, ни скучать — эти цели для нее превыше всего, и они придают ей силы и не дают возможности думать о грустном.

— Я убежден: несмотря на все трудности, она счастливый человек. У нее есть высокая цель, к которой она идет, несмотря ни на что, — произнес раби Иошуа.

— Жители Иерусалима часто насмехались над тем, какой у нее муж. И поэтому я все это время не мог вернуться. Я хотел достичь такого положения, чтобы моей жене и детям не было стыдно за меня. Чтобы никто не смог их и словом попрекнуть. Для меня с самого начала были отрезаны все обратные пути в Иерусалим, и поэтому я не мог вернуться назад, не став раввином. Но теперь я обязательно вернусь домой. Прошло уже более двадцати лет, и я очень соскучился по своим близким. Я стал раввином, как и хотела Рахель, и к тому же я уже стар и хочу больше времени проводить с семьей.

— Так будет лучше и для тебя, и для них. Твои дети уже взрослые, и им будут необходимы отцовские советы и поддержка, — сказал раби Иошуа.

— Мои дети росли практически без меня, а за то время, что я их не видел, я постарел и стал излишне сентиментален. Раби Иошуа, представляешь, недавно один ученик застал меня плачущим в шаббат. Он подбежал ко мне и встревоженно спросил: «Уважаемый раби Акива, почему ты плачешь? Что-то произошло?» Я сказал ему, что ничего не произошло, я просто плачу. И знаешь, что он мне ответил? — улыбаясь, продолжал раби Акива. — «Ты же, уважаемый раби Акива, постоянно повторяешь нам, что в шаббат нужно отдыхать, цитируя фразу из книги Пророков: „И назовешь Субботу удовольствием своим“*». Я ему ответил: «Это и есть мое удовольствие». Мое удовольствие состоит в том, чтобы думать о своей семье в свободное от изучения Торы время и плакать.

— Сейчас ты можешь вернуться в Иерусалим с поднятой головой. Ты стал раввином, и не просто раввином, а лидером всего поколения. Ты знаменит на всю Иудею, и уверен, уже и в Иерусалиме все слышали о тебе.

* Йешаяу, 58:13.

— Может, и слышали, но навряд ли они поверят, что я, бывший неграмотный пастух, являюсь именно тем самым раби Акивой. Они убеждены, что я бросил семью и все еще учу алфавит. В том, что я стал раввином, есть огромная твоя заслуга, раби Иошуа. Не знаю, почему ты поверил в меня тогда и дал мне шанс. Я всегда восхищался твоим умением найти общий язык с учениками, подобрать правильные слова. Ты воспитал многих достойных учеников и, несмотря на декрет, продолжаешь обучать даже под страхом смерти.

— Разве они оставили нам выбор?

— Конечно же, нет. Раби Иошуа, я для себя давно решил, несмотря на все римские декреты, что буду обучать всех желающих до конца жизни.

— Акива, я с тобой полностью солидарен. Но меня беспокоит вот что: почему мы не можем прийти с римлянами к взаимоприемлемому решению по этому вопросу? почему нам не удастся донести до них нашу точку зрения?

— Потому, что они не желают нас слышать.

— Но моего учителя раби Йоханана бен Закая они же услышали! Они позволили ему основать ешиву в городе Явне и даже возобновить работу Санедрина. Акива, мне иногда так его не хватает. Не хватает его мудрости, самообладания, решимости. Я думаю: как бы поступил раби Йоханан бен Закай в сложившейся ситуации, какой бы способ он нашел, чтобы передать Тору будущему поколению?

— Раби Иошуа, не стоит отчаиваться. У нас тысячи учеников, и даже если римляне схватят нас, меня и тебя, то они смогут передать Письменную и Устную Тору следующим поколениям.

— Надеюсь, мы не позволим римлянам сделать так, чтобы все закончилось на нас. Я много думаю об этом. Смогу ли я прожить свою жизнь так же достойно, как ее прожили наши предшественники? Что я отвечу Вс-вышнему, когда предстану

перед Ним на суде? Что я постигал Тору у раби Йоханана бен Закая, который, в свою очередь, учился у раби Илея, который, в свою очередь, учился у раби Авталиона и раби Шемаи, но я, раби Иошуа бен Хананья, не смог передать ее следующим поколениям? Как я после этого в Будущем мире буду смотреть в глаза своему великому учителю — раби Йоханану бен Закаю и другим мудрецам Иудеи? Что я им скажу? «Извините, но мы были вынуждены закрыть свои ешивы и прекратить обучение»? Я сейчас стал часто молиться о том, чтобы Вс-вышний позволил закончить мне мой путь достойно.

— Как бы все ни сложилось, все в руках Его, — произнес раби Акива.

— Ты прав, Акива. Мы, как и в прежние времена, засиделись с тобой допоздна. Пойдем отдыхать, тебе утром предстоит долгий путь.

Утром раби Иошуа поручил одному из своих учеников отвезти раби Акиву в Бней-Брак на повозке. Раби Акива поблагодарил его за прием и отправился в путь.

Добравшись к вечеру до своей ешивы в Бней-Браке, раби Акива поужинал и присоединился к своим ученикам. Они были рады видеть своего учителя в здравии и сразу же забросали его множеством вопросов. Раби Акива терпеливо ответил на все и сообщил своим ученикам, что скоро они отправляются в Иерусалим.

* * *

На следующее утро раби Акива отправился в Кесарию на встречу с римским наместником Тинеусом Руфусом.

По прибытии в Кесарию Акива направился в резиденцию наместника, который встретил его без особого энтузиазма и почтения. Тинеус Руфус посмотрел на пожилого человека и произнес:

— Это ты Акива, о котором все только и говорят?

— Да, — спокойно ответил раби Акива.

— Ты знаешь, почему я вызвал тебя? — так же грубо спросил он.

— Мне передали, что римский наместник Иудеи хочет со мной встретиться, а о причинах не уведомили, — вежливо произнес раби Акива.

— До меня дошли сведения, что ты отказываешься подчиняться декрету римского императора и продолжаешь обучать Торе в своей ешиве в Бней-Браке. Еще донесли, что твою ешиву заполняют тысячи учеников со всей Иудеи и вы не только демонстративно изучаете Тору, но, пренебрегая и другим запретом, прилюдно совершаете обрезание новорожденным. Ты понимаешь, что это прямое нарушение приказа нашего императора и я имею полное право послать одну или две когорты из находящегося в Иудее римского легиона в Бней-Брак и сжечь вас вместе с ешивой? — угрожающим голосом произнес наместник.

Раби Акива только слушал, но ничего не отвечал.

— Мы не хотим нового кровопролития, поэтому я вызвал тебя к себе, чтобы еще раз напомнить о запрете на изучение Торы и запрете обрезаний.

— И мы не хотим кровопролития. Но вы должны понимать: если вы пойдете на крайние меры и разрушите нашу ешиву, то по всей Иудее вспыхнут восстания. Римская империя переживает сейчас нелучшие времена из-за постоянных волнений в разных уголках империи, и новое восстание только усугубит ситуацию. Ты же и сам должен понимать, к какому долговому и кровопролитному противостоянию приведет любой необдуманный шаг с вашей или с нашей стороны.

— Римская империя не утратила своего боевого духа. Наша армия подавила уже один бунт в Иудее, разрушив вашу

столицу, Иерусалим, и ваш храм, подавит и второй. Я тебе еще раз предлагаю прекратить обучение в твоей ешиве.

Акива снова предпочел промолчать.

— Что ты молчишь? Может, тебе нужны деньги? — произнес Тинеус Руфус.

— Зачем мне деньги, когда у меня не будет чести и смысла жизни?

Рассерженный ответом раби Акивы, Тинеус Руфус снова прокричал:

— Неужели ты не понимаешь, что толкаешь людей на смерть? Что их смерть будет на твоей совести?

Раби Акива сохранил спокойствие.

Понимая, что на раввина его угрозы не произвели ожидаемого эффекта, наместник решил сменить тон.

— Ты смелый человек, Акива. Не каждый в твоём возрасте позволил бы себе такое поведение, но ты должен понимать, что и нашему терпению есть предел. Хочу дать тебе дружеский совет: поезжай в Бней-Брак и объяви своим ученикам, что учеба в ешиве будет временно прекращена. Может, со временем император решит изменить свой декрет, и тогда преподавай на здоровье, а сейчас отправь всех учеников к их семьям, — сказал наместник уже более спокойным тоном.

— Я не могу этого обещать, — ответил раби Акива.

— Если ты не прислушаешься к моему совету, то первым делом мы схватим тебя и других авторитетных раввинов и казним на глазах у всех.

— Думаете, схватив меня и других известных раввинов, вы решите проблему в Иудее? Смею заверить тебя, что Рим глубоко ошибается.

— Вижу, ты не понимаешь нормального языка. Люди говорят, что ты раньше был неграмотным пастухом и много времени проводил с овцами. Сейчас постараюсь тебе объяснить

на более понятном для тебя языке. Ваш народ — овцы, а ты сейчас у них главный пастух. Мы схватим тебя и других учителей, и без пастухов разбредется все стадо.

— Ты абсолютно прав, это может сработать...

— Видишь, мы уже стали понимать друг друга, — произнес наместник улыбаясь.

— Это может сработать, но только со стадом. В нашем случае этот вариант не пройдет, ты глубоко заблуждаешься. Иудеи — это не стадо, а избранный Б-гом народ. И казнив меня и других мудрецов, вы ничего не добьетесь. Наши ученики и другие жители Иудеи даже под страхом смерти не прекратят изучать Тору, так как они понимают, что без Торы они точно погибнут.

— Ты думаешь, принеся себя в жертву, ты превратишься у них в героя, мученика, станешь примером для подражания?

— Я готов пойти на это ради Вс-вышнего, и меня не пугают никакие казни.

Наместник начал терять терпение и, стукнув кулаком по столу, произнес:

— Ты понимаешь, что своим упорством ты ставишь под удар жизнь всех своих учеников, которых, по нашим сведениям, более двадцати тысяч?

— Мои ученики солидарны со мной, и мы все как один готовы пожертвовать своей жизнью ради нашего Б-га.

— Объясни мне, кто такой этот ваш Б-г, ради которого вы все готовы пожертвовать своей жизнью. Кто такой этот ваш Б-г, ради которого вы себя подвергаете такому варварскому обряду, как обрезание крайней плоти?

— Он создал весь этот мир и управляет им. Он дал иудейскому народу Тору, законам которой мы следуем. Иудейский народ живет по этим законам уже полторы тысячи лет, с тех пор как получил Тору через Моше на горе Синай, — спокойно произнес раби Акива.

— Полторы тысячи лет назад? — рассмеялся наместник. — Акива, вызывая тебя, я надеялся встретить мудрого и здраво-мыслящего человека, а ты рассуждаешь так примитивно. Ты что, всерьез собрался обсуждать со мной законы, которым более ты-сячи лет? — Не переставая ухмыляться, он после паузы продол-жил: — Акива, мир уже совсем другой, и вам нужно жить в ногу со временем, вы очень отстали. Я понимаю, что вам будет слож-но, но Римская империя готова вам в этом помочь. Мы готовы привить вам правильные ценности, а не те, что давно устарели, и если вы согласитесь, то налоги, взимаемые с вас, будут значи-тельно снижены и вы получите больше свобод.

— Может, все это и так, но мы хотим и дальше жить по законам, записанным в Торе. Мы готовы смириться с вашим присутствием на Святой земле и даже с тем, что вы разру-шили наш Храм, но нам жизненно необходимо продолжать следовать законам, по которым жили наши предки, ведь они прожили достойную жизнь. И поэтому нам ничего не хочет-ся менять, и эти законы кажутся нам верными и актуальными по сей день. Мы не уверены, что, если что-то изменим, наша жизнь станет лучше, поэтому позвольте нам продолжать жить по своим законам. Позвольте изучать Тору и совершать обряд обрезания.

— Акива, ответь мне на вопрос: если ваш Б-г так велик, то почему тогда вам нужно подвергать себя обрезанию, по-чему младенцы не выходят из материнской утробы уже обрезанными?*

— Все дела Вс-вышнего — всё во благо людей. Сейчас я вкратце объясню смысл обряда обрезания. Вс-вышний заклю-чил союз с нашим праотцем Авраамом: «А ты завет Мой со-блюдай, ты и потомство твое после тебя в поколениях ваших.

* Мидраш Танхума, Тазрия, 5.

Вот Мой завет, который вам соблюдать между Мною и между вами и между потомством твоим после тебя: чтобы обрезан был у вас всякий мужского пола. И обрезайте вашу крайнюю плоть, и будет это знаком завета между Мною и между вами...»*. И ответ, почему ребенок рождается необрезанным, таков: чтобы дать человеку возможность с помощью обряда очиститься, самосовершенствоваться и приблизиться к Вс-вышнему. Выполнив заповедь обрезания, человек подтверждает союз, заключенный между праотцем Авраамом и Вс-вышним.

— Если ваш Б-г так заботится о вас, то почему в Иудее столько нуждающихся?

— Я тебе уже говорил: все, что делает Вс-вышний, все во благо людей. Предоставляя нам возможность помогать бедным в этом мире, Он, милосердный, тем самым дает нам возможность спастись от ада и получить удел в Будущем мире.

— У тебя что, на все вопросы один ответ? У меня сегодня больше нет времени говорить с тобой, — рассерженно сказал наместник. — Ступай и подумай над моим предложением. Я тебя еще обязательно вызову.

Раби Акива вернулся в ешиву и начал, как и другие ученики, готовиться к поездке в Иерусалим.

Ученики были рады этому событию. Им было интересно во главе со своим учителем посетить святой город. Новость о том, что раби Акива намеревается на следующей неделе посетить Иерусалим, облетела всю Иудею.

Жители начали спешно готовиться к встрече высокого гостя. Люди из других городов стали съезжаться в Иерусалим, чтобы хоть издалека увидеть знаменитого раби Акиву и, если посчастливится, услышать его мнение о происходящем в стране.

* Берешит 17, 9:12.

Раби Акива очень волновался: его ожидал не только теплый прием в Иерусалиме, городе, где над ним когда-то насмехались, но и желанная встреча с семьей.

И вот, когда настал долгожданный день, раби Акива в сопровождении двадцати четырех тысяч учеников отправился в Иерусалим.

* * *

В этот солнечный летний день раби Акиву и его учеников по дороге в Иерусалим встречали восторженные жители больших и малых деревень. Они приветствовали своего религиозного лидера, который во главе двадцати четырех тысяч учеников продолжал путь в Иерусалим. Через некоторое время они увидели стены Святого города.

Уже на подступах к Иерусалиму толпы ликующих иудеев встречали великого раби Акиву, а когда он вошел в город, то увидел, что все улицы полны людей. Многие хотели принять участие в этом историческом событии. Практически все жители города вышли на улицы, к ним присоединились друзья и родственники учеников ешив из разных городов. В городе царила необыкновенная атмосфера: ликовали все, от мала до велика. Люди впервые после разрушения Храма почувствовали себя сплоченными, увидев, какое количество людей собралось вокруг этого знаменитого человека. Это была первая моральная победа над римлянами за долгие годы. Римские легионеры, число которых едва переваливало за тысячу, были не в силах обеспечить порядок, но ученики ешивы по указанию раби Акивы просили людей не провоцировать римлян и не проявлять агрессии. У народа впервые за долгие годы появилось чувство единства и собственного достоинства.

Среди тех, кто встречал раби Акиву, была подруга Рахель Леа. Она не сразу признала в равнине своего бывшего соседа.

Когда же узнала — не могла поверить своим глазам! Убедившись в своих догадках, побежала к дому подруги.

Отворив калитку, Леа ничего не смогла объяснить и только прокричала:

— Рахель, Рахель...

Работающая в саду Рахель, руки которой по локоть были измазаны землей, подняв голову, увидела покрасневшую от бега подругу. Леа никак не могла перевести дыхание и прийти в себя.

— Леа, что произошло? — взволнованно спросила Рахель.

Леа не могла отдышаться, она была не в силах ничего сказать и только указывала на улицу, полную народа.

— Леа, да что там такое? Ты о приезде в город учеников ешивы из Бней-Брака? Я уже слышала об этом — дети с самого утра пошли их приветствовать.

— Рахель, пошли скорее, тебе нужно это увидеть, — тяжело дыша, произнесла Леа.

— Сейчас я не могу, у меня много неотложных дел по хозяйству, а приветствовать учеников ешивы раби Акивы из Бней-Брака я пойду после обеда.

— Рахель, бросай все и пошли!

— Леа, с тобой все в порядке? Почему такая срочность?

— Ты можешь мне не верить, но раби Акива — это твой муж! Я его видела вблизи, как сейчас тебя, и сразу узнала. Он постарел, но это точно он. Бросай все, и идем скорее.

— Ты же единственная моя подруга... Ты что, теперь с ними заодно, решила поиздеваться надо мной? — печально произнесла Рахель.

— Я тебя не разыгрываю, это точно он, — склоняясь от усталости, произнесла Леа.

— Ты не разыгрываешь меня? Ты утверждаешь, что знаменитый на всю Иудею раби Акива — это мой муж? Не может этого быть.

— Да, клянусь тебе, пошли скорее.

Рахель, вымыв руки, сняла фартук и, бросив его на землю, в домашней одежде собралась бежать из дома навстречу мужу.

Взглянув на нее, Леа сказала:

— У меня есть новое платье, подожди, я сейчас его принесу, а ты пока иди причешишься — у тебя растрепанные волосы. Он тебя давно не видел, ты должна хорошо выглядеть.

— Что вы так расшумелись? — прокричал из своего сада сосед Рахель Ишра. — Что, сегодня весь город сошел с ума? Ну и что, что в город пришли ученики ешивы из Бней-Брака, что в этом такого? Всю неделю только и слышишь: раби Акива, раби Акива...

— Ишра, ты, наверное, не поверишь, но раби Акива — это тот самый Акива, муж Рахель.

— Не может этого быть! Наверное, это кто-то придумал, чтобы в очередной раз подшутить над ней. Общее между этими людьми может быть только имя, один из них раби Акива, а второй — Акива-пастух.

— Ишра, твой сосед Акива и есть тот самый раби Акива. Можешь поверить мне на слово, я сама его сегодня видела.

— Леа, сегодня жарко, ты перегрелась и наверняка что-то перепутала.

— Это именно он! Сейчас я принесу новое платье для Рахель, и мы пойдем с ней приветствовать ее мужа раби Акиву.

— Странно, как этому неграмотному пастуху удалось стать таким уважаемым человеком, практически главным раввином Иудеи!

Рахель даже не слышала, о чем говорили Леа и Ишра. Она все еще не могла поверить, что ее Акива — тот самый знаменитый раби Акива. Она представляла, как поделится этой радостной новостью с детьми, когда услышала голос вернувшейся с платьем в руках подруги:

— Рахель, ты все еще не причесалась! Вот платье — иди переоденься, причешишь и сразу же отправляйся приветствовать своего мужа. Ты должна хорошо выглядеть, это будет ваша первая встреча после столь долгой разлуки.

— Какого еще мужа? — ухмыляясь, произнес сосед Рахель. — Они не виделись более двадцати лет, ты думаешь, все это время он сидел и думал о ней? Уверяю тебя, он ее даже и не вспомнит, — продолжал насмехаться он.

— Прекрати, — строго сказала Леа.

— Рахель, он не писал тебе, когда был простым человеком, а ты молодой и красивой. А сейчас, когда он известный на всю Иудею раввин, он даже не вспомнит тебя! Ты должна смириться с тем, что он тебя давно разлюбил, и, скорее всего, рядом с ним другая женщина. Другая — молодая и красивая, а твоя молодость прошла — тебе скоро уже пятьдесят, и годы взяли свое, как ни прискорбно это признавать. От тяжелой каждодневной работы твоя красота поблекла, на твоём лице уже заметны признаки старости, и, уверяю, платье тебе не поможет.

— Не слушай его, Рахель, иди переодень платье и причешишь.

Рахель молча слушала Ишру и Лею и, вернув платье соседке, произнесла:

— Он прав, я и в самом деле постарела. Я пойду к нему, какая есть, и не стану прихорашиваться. «Знает праведник душу своей скотины»*. Думаю, он понимает, как тяжело мне приходится, и если захочет принять меня такой, то хорошо, если нет — я смирюсь и с этим и никогда его не потревожу... Как бы там ни было, я добилась своей главной цели: мой Акива стал раби Акивой, большим знатоком Торы, а наши дети выросли грамотными.

— Рахель, никого не слушай, он любит тебя, — попыталась поддержать подругу Леа.

* Мишлей, 12:10.

Но Рахель, даже не дослушав ее, побежала к главной площади города, к которой уже приближались раби Акива с учениками.

Увидев своего мужа, приветствовавшего горожан, заполнивших в этот солнечный день улицы Иерусалима, Рахель бросилась к нему. Она яростно пробиралась сквозь толпу, расталкивая людей и не обращая внимания на всеобщее ликование, и вдруг услышала голос одного из преградивших ей дорогу молодых учеников:

— Прошу прощения, но ближе к раввину подходить нельзя.

— Пропустите меня... пропустите меня к раби Акиве!

— Жителям города к раби Акиве приближаться нельзя. Можно приветствовать его из толпы, а позже послушать его выступление на главной площади.

— Я хочу услышать его сейчас, прямо сейчас! Пропустите меня, пожалуйста, он мой муж. Пропустите меня к раби Акиве, мое имя Рахель, я его жена, — продолжая идти за толпой и тяжело дыша, бормотала Рахель.

Молодой человек, посмотрев на женщину с подозрением, сказал:

— Одно мгновенье, пожалуйста, я сейчас кое-что уточню и сразу же вернусь.

Подойдя к раби Акиве, ученик произнес:

— Уважаемый раби Акива, там одна женщина настаивает, чтобы ее пропустили. Она в волнении утверждает, что приходится тебе, уважаемый раби Акива, женой. Звать ее Рахель.

Услышав это, Акива остановился и обвел взглядом людей.

— Где эта женщина? — произнес он взволнованно.

Молодой ученик указал на бедно одетую женщину с растрепанными волосами, стоявшую сбоку.

— Пропустите ее сейчас же. Это моя жена.

Молодой человек дал знак, и ученик ешивы пропустил женщину к раввину.

Подбежав к раби Акиве, Рахель сразу пала ниц, но он нагнулся и поднял ее.

Акива внимательно посмотрел на свою Рахель, глаза которой были полны слез счастья, и произнес:

— Дорогие мои ученики, вы знаете, кто эта женщина?

Те, не понимая, о чем идет речь, внимательно смотрели на учителя.

— Это моя жена Рахель. Все время, что я учился, она ждала меня и помогала. Я хочу, чтобы все вы знали, какую огромную роль в моей судьбе сыграла эта женщина. Все, чего я достиг и кем я являюсь, — это благодаря Рахель. И поэтому вся моя Тора и ваша Тора — это ее заслуга*. Она пожертвовала многим, чтобы дать мне возможность учиться в ешиве у раби Элизера.

Справившись о том, как ей живется и почему она плачет, Акива попросил жену сопровождать его к главной площади. Из-за большого шума им было сложно разговаривать, но Акива, напрягшись, спросил:

— Рахель, а где наши дети?

— Они с раннего утра, надев лучшую одежду, как и другие жители Иерусалима, направились приветствовать знаменитого раби Акиву, даже не подозревая, что это их отец.

Дойдя до главной площади, в центре которой стояла сконструированная специально к приходу раби Акивы сцена, он сказал:

— Рахель, можешь подождать здесь? Мне нужно выступить перед собравшимися. Если я буду знать, что ты рядом, это придаст мне уверенности.

— Я ждала тебя больше двадцати лет, куда я сейчас могу от тебя уйти? Я здесь, мой Акива, я рядом, — произнесла жена.

Рахель чувствовала внутреннее удовлетворение от того, что раби Акива не постеснялся представить ее своим ученикам и,

* История описана в Вавилонском Талмуде, трактат Ктубот, 62б.

несмотря на то что внешне она сильно изменилась, не поменял к ней своего отношения. Он так же, как и раньше, уважительно обращался с ней. Она с восторгом следила за каждым движением мужа.

* * *

Когда люди со всего города до отказа заполнили главную площадь и прилегающие улицы Иерусалима, раби Акива поднялся на сцену и произнес:

— Мир вам, братья и сестры!

— Мир тебе, раби Акива! — воскликнула толпа.

— Для меня большая честь выступить сегодня перед вами. Я очень рад, что в такое тяжелое для Иудеи время, когда нам под страхом смерти запрещают соблюдать наши традиции, изучать Тору, здесь собралось столько людей. Видя всех вас, я понимаю, что дух Иудеи не сломлен и народ Израиля жив!

Крики, полные воодушевления, неслись со всех сторон.

— Раби Акива, раби Акива! — скандировали собравшиеся.

— Я хочу заверить вас, что никогда не предаю интересы простых людей и ни за что не смирюсь с запретом изучать Тору. Я предпочту смерть в бою жизни на коленях перед завоевателями.

— Раби Акива, ты наш лидер! Мы готовы пойти за тобой! — громко крикнул мужчина из толпы.

— Поведи нас против римлян! — поддержал призыв молодой человек с другой части площади, который с восторгом был подхвачен десятками тысяч людей.

Римские легионеры, которые должны были обеспечивать порядок в Иерусалиме, пребывали в растерянности. Они не могли поверить, что приход пожилого раввина может собрать такое количество народа. Понимая, что если вся эта толпа доведенных до

отчаяния людей двинется на них, то никакие сабли и копья их не спасут. Поэтому римляне не предпринимали никаких действий.

Собравшиеся продолжали настаивать на всеобщем восстании, призыв к которому поддержали и старики, изъявившие желание сражаться за свою землю до последней капли крови.

Раби Акива старался успокоить жителей и гостей Иерусалима, возмущенных враждебными указами римского императора, и попросил дать ему возможность продолжить.

— Я благодарен вам за столь высокую честь возглавить восстание, но восстание — это крайняя мера. И если есть возможность разрешить конфликт мирно, я буду делать все, чтобы этим воспользоваться.

— Раби Акива! Раби Акива! — кричали присутствующие, восторгаясь словами своего лидера.

— Спасибо вам всем. Сегодня очень жарко, а я уже не молод — дайте мне, пожалуйста, закончить мою речь.

Когда установилась тишина, раби Акива продолжил:

— На прошлой неделе я встречался с римским наместником и заверил его, что мы скорее пожертвуем своими жизнями, чем согласимся выполнять декрет императора. Мы — народ Торы. Иудеи были, есть и всегда будут народом Торы, и никто не сможет этому помешать. Империи приходят и уходят, но наша Тора вечна! — прокричал раби Акива.

— Наша Тора вечна! Наша Тора вечна! — поддержала его толпа.

— Они, наверное, не знают, что Иудея уже находилась под властью Вавилона, греков и персов. Они ставили перед собой цель ассимилировать иудеев, хотели уничтожить нас как народ, но потерпели сокрушительное поражение. Думаю, что Римской империи не стоит повторять их ошибок. Мы не позволим запрещать нам проводить обучение в ешивот, соблюдать шаббат и исполнять заповедь обрезания. Эти законы — часть нас,

часть нашей многовековой культуры и истории. По этим законам жили наши предки, и мы сделаем все, чтобы наши дети, внуки и правнуки следовали им и дальше!

Его речь прерывалась громкими аплодисментами. Когда аплодисменты стихли, раби Акива продолжил:

— И кто бы ни пытался навязать нам свою культуру и своих богов, услышит наше решительное «Нет!». Для нас, для народа Иудеи, чужды их культура и ценности, пропагандирующие разврат и идолопоклонство. И мы им говорим: «Нет!».

— Нет!!! — подхватили собравшиеся.

— Пусть они попрекают нас тем, что мы примитивны и следуем тому, чему следовали наши предки тысячу лет назад. Когда видишь все происходящее, на ум невольно приходит фраза нашего великого царя Шломо, мудрейшего из людей: «То, что было, то и будет. Нет ничего нового под солнцем»*. Вот и сегодня нашему народу выпало серьезное испытание, как это уже не раз было в прошлом. И мы должны с честью выдержать его. Я уверен, что и в будущем явятся народы, которые под угрозой смерти захотят вынудить иудеев отказаться от религии предков. Но зная пример своего праотца Авраама и других Великих Иудеев и помня о нашем нынешнем противостоянии римлянам, потомки сделают тот же выбор, что и мы — они сохранят традиции сынов израилевых до скончания времен. Приведу вам только один блистательный пример с нашим праотцем Авраамом, которого грозный царь Нимрод под страхом смерти пытался склонить к идолопоклонству. Но, не поддавшись угрозам царя, Авраам первым открыто заявил, что Вс-вышний — Един и нет никого, кроме Него. И чтобы еще раз доказать свою приверженность истории иудейского народа, я сегодня полностью присоединяюсь к нашему праотцу Аврааму и заявляю: Вс-вышний — Един, и нет нико-

* Козлет, 1:9.

го, кроме Него. Давайте докажем им, что так думаю не только я, а мы все как один присоединяемся к этой фразе: есть только Он, и нет никого, кроме Него! Никого, кроме Него! — поставил точку в своей эмоциональной речи раби Акива.

— Нет никого, кроме Него! Нет никого, кроме Него! — продолжали скандировать присутствующие.

Долгие овации сопровождали речь раби Акивы, и когда люди начали покидать главную площадь города, то и Акива, убедившись, что у всех его учеников есть где переночевать, отправился вместе с Рахель к себе домой.

* * *

Открыв калитку и войдя следом за Рахель во двор, он услышал знакомый голос:

— Мир тебе, раби Акива.

Акива повернул голову и увидел своего соседа Ишру.

— Мир тебе, Ишра, как ты поживаешь?

— Я только хотел сказать, что мне очень приятно соседство со столь великим человеком, и хочу попросить у тебя прощения за все обидные слова, сказанные в твой адрес. А также в твоём присутствии попросить прощения у твоей жены и взять обратно все свои слова.

— Уважаемый Ишра, я не держу на тебя зла. Уверен, что Рахель тоже.

Рахель, соглашаясь, кивнула головой.

— Раби Акива, знаешь, в чем я убедился на твоём примере? Священное Писание и впрямь творит чудеса! У меня вызывает большое уважение тот путь, который тебе удалось преодолеть в столь зрелом возрасте.

— Поддержка близких помогала мне, без них я бы всего этого не достиг.

Попрощавшись с соседом и пройдя в дом, раби Акива наконец-то встретился со своими детьми.

— Идите я вас обниму! Какие вы у меня стали большие и красивые! — обнимая детей, произнес Акива.

— Отец, я узнал тебя, как только услышал твой голос, не смотря на то что в последний раз видел тебя ребенком. Мне не верилось, что ты и есть раби Акива! — восторженно произнес Иошуа.

— Да, столько времени прошло. Вы повзростели и выглядите прекрасно, значит, ваша мать за вами хорошо смотрела. Я представляю, как ей было тяжело...

— Отец, видишь, это стоило того, и хорошо, что все это в прошлом. Сегодняшний день жители Иерусалима не забудут никогда, — произнесла Шулямит.

— Наверное, сегодня в Иерусалим съехались люди со всей Иудеи, — добавил Иошуа. — Ими движет надежда на свободное будущее. Даже рыночные торговцы, которые работают круглый год, закрыли свои лавки, чтобы пойти приветствовать тебя и твоих учеников. Все хотели продемонстрировать сопричастность этому историческому событию.

— Как я рад всех вас слышать, — произнес раби Акива. — Надеюсь, что мы больше не будем расставаться, я заберу вас с собой в Бней-Брак.

Рахель и дети обрадовались этому предложению. Поужинав, раби Акива отправился в свою комнату отдохнуть.

* * *

Проснувшись рано утром, он застал Рахель все еще спящей и не стал ее тревожить. Позавтракав и помолившись вместе со своими учениками, раввин, к удивлению последних, отпра-

вился на городской рынок, торговля на котором уже шла полным ходом.

Вернувшись домой, раби Акива зашел в комнату жены.

— Доброе утро, любимый, — произнесла Рахель.

— Доброе утро, Рахель.

— Ты давно проснулся? Какая же я плохая жена, даже не приготовила завтрак для мужа!

— Ты вчера очень переутомилась, и я рад, что тебе удалось отдохнуть.

— Все в порядке, идем, я приготовлю тебе завтрак.

— Рахель, ты же знаешь, что раввины встают рано и завтракают чуть свет, — улыбнулся раби Акива.

— Я так счастлива, что ты рядом, — произнесла Рахель, глядя на мужа.

— Рахель, на твоем одеяле лежит сверток, пожалуйста, открой его.

— Ты привез мне подарок! Наверное, сладости, — открывая сверток, радостно произнесла Рахель.

— Не привез, а купил в Иерусалиме, открывай, пожалуйста, аккуратно.

Рахель, открыв сверток, замерла в изумлении... В ее руках была диадема «Золотой Иерусалим».

— Спасибо тебе, любимый. Я не могу поверить своим глазам... откуда у тебя столько денег?

— Ты забываешь — я раввин и глава ешивы, а раввины тоже получают жалованье. Около десяти лет, после того как уже стал раввином, я продолжал жить на отправленные тобой деньги. Десятую часть от своего жалованья я отдавал на благотворительность, а остальное откладывал. Я копил эти деньги только для того, чтобы сделать тебе этот давно обещанный подарок.

— Спасибо! — Рахель заплакала.

Надев диадему на свои роскошные волосы и подойдя к зеркалу, она сразу же сняла ее и поставила аккуратно на стол.

— Что случилось? Она тебе не понравилась?

— Я не могу носить ее. Люди правы: я уже совсем старая и не такая красивая, как прежде. Если ты выберешь себе в жены кого-то красивее и моложе меня, я постараюсь это принять.

— Рахель, перестань говорить глупости, — спокойно ответил муж.

— Акива, я уже не такая красивая, годы взяли свое, и ты, вероятно, уже не любишь меня, как прежде.

— Мы сейчас вместе, я вернулся к тебе после двадцати четырех лет учебы, вернулся именно к тебе и нашим детям, а не к другой, разве это тебе ни о чем не говорит?

— Мне важно понимать, что ты со мной не из жалости, что ты вернулся не из-за того, что я ждала тебя и помогла выучиться. Мне, как и каждой женщине, хочется знать, что я еще любима.

— В самом деле, я тебе признателен за все, что ты для меня сделала, и не вернуться к тебе после всего этого было бы крайней неблагодарностью, но я здесь не поэтому. Я здесь только потому, что ты моя жена и, кроме тебя, в этом мире мне никто не нужен.

— Это хорошо, что ты ответил именно так: если бы ты согласился, что я старая и некрасивая и ты нашел себе молодую, то не знаю, как бы я поступила. Одно дело знать, что ты уехал учиться, а другое — что принадлежишь другой! Акива, я часто думала об этом, но каждый раз понимала, что никогда не смогу смириться с тем, что рядом с тобой другая женщина. Прости меня, но я ничего не могу с собой поделать.

— Рядом со мной должна быть моя жена, благодаря которой я стал раввином. Та единственная, которая верила в меня и ждала, несмотря ни на какие разговоры. Наверное, тебе

незнакомо это, но, когда находишься далеко от дома, очень важно понимать, что тебя кто-то ждет и любит, что все, что ты делаешь, не напрасно, что кому-то это очень нужно. Осознавая, как это важно для тебя, я, стиснув зубы, продолжал кропотливо изучать Священное Писание и в конечном счете стал раввином.

— С самого начала нашего знакомства я была убеждена, что у нас все получится. Я верила в тебя — и тебе все удалось! Ты проделал огромный путь от простого неграмотного пастуха до лидера всего поколения.

— Это мы с тобой преодолели его с помощью Вс-вышнего.

— А помнишь, как все начиналось? Помнишь, как мы встретились с тобой в первый раз? Я поднесла тебе кувшин с водой... Сейчас это кажется смешным и уже таким далеким.

— Да, помню. Мне кажется, будто это все происходило только вчера.

— А помнишь ту конюшню, в которой мы жили после женитьбы?

— Да. Это были непростые времена. Со временем я понял, что если бы не твоя жизнерадостная натура, если бы не твоя вера в лучшее, мы, наверное, не смогли бы всего этого пережить.

— Рядом со мной был ты, и это придавало мне силы. Та конюшня казалась мне самым романтичным местом на земле. Это первое наше совместное жилище, твое и мое.

После некоторой паузы Рахель, предаваясь милым воспоминаниям, произнесла с улыбкой:

— А помнишь, как ты выбирал соломинки из волос, которые украшали мою голову после первой нашей ночи в конюшне?

— Помню... Я думал, что не управлюсь с этим никогда, — улыбнулся и Акива. — Я выбирал и выбирал, но меньше их не становилось.

— А когда родились наши дети — Иошуа, а затем и Шулямит, мы считали себя счастливейшими из людей!

— Да, как много приятных воспоминаний! Рахель, а помнишь, как нам тяжело жилось и иногда не было даже чем поужинать? Ты всегда сначала старалась накормить меня и только потом ела сама. Когда ты отдавала мне свою порцию, утверждая, что уже сыта или наелась в то время, пока готовила, это меня всегда очень сердило. Я понимал, что ты недоедаешь и отдаешь свою порцию мне, только чтобы я был сыт.

— Тебе силы были нужнее, ты целый день был в лесу, собирал хворост, а я сидела дома в тепле и уюте.

— Ты многому меня научила. До встречи с тобой я даже не знал, что можно так кого-то любить. Я вообще не знал, что такое любовь и что это чувство может творить чудеса.

— Любовь способна на многое... Важно направить это чувство в правильное русло.

— Да, Рахель, ты, как всегда, права!

Рахель внимательно смотрела на мужа. Потом произнесла:

— Акива, как я скучала по тебе! Ты даже себе не представляешь... Мысль, что ты меня забыл или постесняешься называть меня, уже немолодую женщину, своей женой, сводила меня с ума...

После небольшой паузы Рахель продолжала говорить:

— Иногда думаю: разве можно так любить, разве можно так зависеть от одного-единственного человека?! И мне становится страшно... Акива, я совсем бессильна перед тобой, и если тебя не будет рядом, я не знаю, как буду жить дальше. Без тебя моя жизнь остановится. Ты был, есть и будешь единственным мужчиной в моей жизни.

Акива внимательно слушал жену. Она продолжала:

— Знаешь, Акива, однажды мне приснился сон, что мне снова восемнадцать и к нам в имение приезжает молодой раввин,

за которого мой отец хочет выдать меня замуж. Он просит меня пообщаться с ним, расхваливая этого молодого человека. Я не смогла отказать отцу, и мы с этим парнем пошли гулять по нашему саду. И вдруг во сне я вспомнила, что у меня есть ты, и меня охватила паника. Я сразу же попросила прощения у молодого раввина, сказав ему, что у меня есть муж, которого я люблю больше жизни! И, недолго думая, быстро убежала от него в дом. Проснувшись, я до утра не могла заснуть, читала «Тэилим» и просила прощения у тебя и Вс-вышнего за то, что чуть не изменила тебе во сне!

Акива молча слушал Рахель, с волнением пересказывающую свой сон.

— Знаешь, почему я так рассердилась на себя и просила прощения? За то, что во сне я ему сразу не сказала, что замужем и что у меня есть ты. Акива, я много думала об этом. Я тебе честно говорю: я даже не помню лица того парня и не понимаю, почему я согласилась поговорить с ним. Ответь мне, пожалуйста: это же не считается, что я тебе изменила?

— Конечно же, нет.

— Акива, я так тебя люблю, что не хочу изменять тебе даже во сне... Каждое утро, просыпаясь в своей кровати, я хочу видеть рядом только тебя! Я мечтаю быть только с тобой до последнего своего вздоха. Акива, я буду с тобой столько, сколько Вс-вышний, милосердный, позволит нам быть вместе. Почему ты молчишь, разве я не права?

— Конечно же, права.

— Разве не такой должна быть настоящая любовь, разве не так супруги должны относиться друг к другу? Я думаю, что именно такая любовь помогла мне преодолеть все трудности. В жизни я видела много пар, у каждой из них была своя судьба, но немногие смогли сохранить любовь и взаимоуважение. Обычно при первых же сложностях они переставали бороться за семью и

расставались, а были и такие, которым удавалось пронести свои теплые чувства сквозь годы. И знаешь, что я поняла: если люди готовы любить и пережить все трудности и радости вместе, значит, их союз был изначально благословлен на небесах. А если они расстаются — значит, до сих пор рядом был не тот единственный и назначенный им Б-гом человек. И тогда нужно просить у Вс-вышнего, милосердного, чтобы Он помог им встретить свою половинку со второй попытки. Мне повезло в этом, ты мой первый и единственный мужчина в жизни. С тобой мне пришлось пережить горькие и приятные моменты, но я ни о чем не жалею. Приятно осознавать, что и по прошествии стольких лет мы с тобой не растеряли уважение друг к другу. Сегодня я убедилась в этом еще раз: ты столько времени откладывал деньги только ради того, чтобы сделать мне приятное. Спасибо Вс-вышнему, что ты у меня есть, спасибо Ему за то, что наш союз изначально был благословлен на небесах.

— Рахель, пожалуйста, надень снова «Золотой Иерусалим». Мне будет очень приятно видеть, как эта диадема украшает твою голову.

Рахель, надев подарок Акивы, любовалась собой в зеркале.

— Видел бы сейчас меня мой отец... Видел бы он, с каким трепетом и уважением мы друг к другу относимся. Видел бы он, кем ты стал, как ты изменился, он бы наверняка понял и простил меня.

— А как он? Ты встречалась с ним?

— Я пыталась несколько раз, но ничего не получилось. Говорят, отец очень постарел. Плохо видит и тяжело передвигается.

— Это нехорошо. Нужно собраться всем вместе — я, ты и дети — и навестить его.

— Давай, с удовольствием! Я так по нему соскучилась.

— Сегодня я буду принимать жителей Иерусалима, а вечером мы с учениками будем допоздна заниматься. Может,

завтра или послезавтра — как получится. Но я должен до возвращения в Бней-Брак непременно встретиться с уважаемым Кальбой Савау и выразить ему свое почтение.

— Ты сегодня вечером будешь занят? — удивленно спросила Рахель. — Мы хотели устроить праздничный ужин в честь твоего возвращения, мы так давно тебя не видели.

— Рахель, сейчас над Иудеей нависла опасность и каждая минута на счету. Мне вместе с учениками нужно продолжить работу над основными законами Устной Торы.

— Можешь пригласить их к нам — мы вам не помешаем. Так я хоть буду знать, что ты дома, рядом со мной. Сколько их? Я постараюсь создать рабочую обстановку.

— Пятеро.

— Хорошо, пригласи их к нам. Я приготовлю стол, свечи и разложу все необходимые книги, но у меня к тебе будет одна просьба.

— Слушаю.

— Позволь при них и вообще при посторонних обращаться к тебе «раби Акива», я так долго этого ждала...

Акива не стал возражать и, позавтракав вместе с женой и детьми, отправился на встречу с жителями Иерусалима.

* * *

Люди с раннего утра выстроились в огромную очередь, чтобы получить от мудреца благословения и ответы на беспокоящие их вопросы. Когда был уже поздний вечер, раби Акива попросил учеников передать собравшимся, что он продолжит прием завтра.

Раввин уже собирался домой, когда ему сообщили, что один из самых уважаемых людей Иерусалима по имени Кальба Савау желает с ним встретиться. Акива попросил незамедлительно пригласить столь высокого гостя.

В Кальбе Савуа, которому к тому времени уже исполнилось девяносто лет, было сложно признать некогда могущественного человека. Он с трудом передвигался, опираясь на деревянную трость. Когда он вошел, хозяин и гость поприветствовали друг друга. Расположившись на стуле напротив раби Акивы, Кальба Савуа произнес:

— Мир тебе, уважаемый раби Акива. О тебе говорят как о большом мудреце и защитнике нуждающихся. Я, как только узнал, что ты в Иерусалиме, захотел поприветствовать тебя лично, а также попросить об одном одолжении.

Раби Акива понял, что Кальба Савуа не признал в нем своего бывшего пастуха, с которым они случайно встречались пару раз давным-давно, целых тридцать лет назад. Ему было больно смотреть на состарившегося отца Рахель, душа которого была преисполнена болью и страданием. Он решил пока не открываться тестю и, собравшись с силами, произнес:

— Мир и тебе, уважаемый Кальба Савуа. Для меня большая честь встретиться с тобой. Чем я могу быть полезен?

— Раби Акива, сними с меня обет. Когда-то я дал обет, но сейчас сожалею об этом.

— А какой обет ты дал?

— Я тебе расскажу всю историю, и ты скажешь, сможешь ли мне помочь.

— Да, внимательно тебя слушаю.

Кальба Савуа сделал глубокий вдох и начал рассказ:

— У меня работал пастух, он был невежественным, неграмотным человеком. Но моя дочь Рахель, которая в то время была совсем юная, вместо того чтобы выбрать себе в женихи достойного человека, выбрала почему-то именно его. Я с ней много говорил, пытаюсь уберечь ее от опрометчивого шага, старался донести до нее, что с этим пастухом она загубит свою жизнь и пропадет, но все было тщетно. Рахель по

своей наивности верила, что сможет изменить его. Она была убеждена, что он пойдет учиться и станет раввином, не подозревая, что этим пастухом движут сугубо корыстные мотивы — ему было нужно только мое имущество. Понимая все это, я, дав обет, лишил свою дочь наследства и повелел им покинуть мой дом.

— А что произошло потом?

После небольшой паузы Кальба Савуа продолжил:

— Покинув мой дом, они перебрались в жалкую хижину и жили практически в нищете. Время от времени люди приезжали и рассказывали мне о том тяжелом положении, в котором находится моя дочь, но она почему-то продолжала жить с ним. Представляешь, уважаемый раввин, из-за этого пастуха моей дочери, которая с самого детства жила в роскоши, пришлось жить в полной нищете...

Раби Акива молча слушал пожилого человека, и когда тот остановился, спросил:

— А где сейчас этот пастух?

— Не имею никакого понятия, — раздраженно ответил Кальба Савуа. — Наверное, уехав куда-то, давно завел себе новую семью, а моя дочь продолжает ждать его. Она все еще полагает, что он где-то учится, и по-прежнему отправляет ему последние деньги, отказывая себе во всем. Говорят, они уже более двадцати лет не живут вместе, и он даже ей не пишет, несмотря на то что у них есть дети. Он, наверное, давно забыл о них, ему безразлично, как они, что делают, завтракали ли, обедали... — Кальба Савуа побагровел от гнева.

— Уважаемый Кальба Савуа, пожалуйста, не волнуйся.

— Как здесь можно спокойно рассказывать! Этот пастух их бросил и даже не справляется, как они, живы ли, сыты ли, а я каждый день, просыпаясь, думаю о них. Есть ли у них чем

позавтракать, пообедать, а перед тем как идти спать, думаю, а поела ли моя дочь и сытыми ли ложатся ее дети спать, не холодно ли им? — с волнением в голосе продолжал Кальба Савуа. — Раби Акива, ответь мне: у тебя есть дети?

— Да, — ответил раввин.

— Тогда ты меня поймешь. С появлением этого пастуха в моей жизни все переменялось. Он забрал у меня дочь и вместе с ней — смысл жизни. Именно из-за этого опрометчивого поступка моей дочери я и лишил ее наследства. До последнего времени я был верен своему обету и собирался все свое состояние завещать на благотворительность, но сейчас, когда я чувствую, что скоро покину этот мир, мне не хочется оставлять Рахель и внуков в таком положении. Ты меня понимаешь?

— Да, — лаконично ответил раввин.

— Вот именно по этому вопросу я и пришел к тебе, уважаемый раби Акива. Можешь ли ты снять с меня обет, данный мной тридцать лет назад? Мне хочется вновь включить свою дочь в наследство, завещав ей половину своего состояния. Сделав это, я буду уверен, что она ни в чем не нуждается, и смогу спокойно покинуть этот мир.

— Уважаемый Кальба Савуа, мне необходимо задать тебе один вопрос, получив ответ на который, смогу снять данный тобой обет.

— Да, уважаемый раби Акива, спрашивай.

— Если бы ты знал, что избранник твоей дочери, как она и полагала, станет раввином, дал бы ты тот обет?

— Раби Акива, о чем ты говоришь? Каким раввином может стать тот невежественный пастух? Я не дал бы этого обета, будучи уверенным, что он в силах выучить всего один закон, одну молитву.

Подумав, раби Акива, потирая лоб, произнес:

— У тебя очень интересный случай, уважаемый Кальба Савуа. Ты дал обет, будучи убежденным, что твой зять останется неграмотным пастухом?

— Да, все именно так.

— Но сейчас твой обет потерял всякую силу.

— Что ты имеешь в виду?

— Уважаемый Кальба Савуа, твой обет недействителен, потому что я и есть тот Акива-пастух, муж твоей дочери Рахель.

— Не может этого быть! Подойди, я разгляжу тебя поближе, уважаемый раввин.

Внимательно рассмотрев Акиву и признав в нем своего зятя, Кальба Савуа сказал:

— Это и в самом деле ты. Ты, как она и утверждала, стал великим раввином, — удивленно произнес Кальба Савуа. — Позволь мне тебя обнять. Поразительно, значит, Рахель в тебе не ошиблась и все ее труды и страдания были напрасны!

— Все это в прошлом. Спасибо тебе за дочь, которая помогла мне стать тем, кем я сейчас являюсь.

— Акива, объясни мне, как тебе удалось пройти весь этот путь? Как тебе удалось стать раввином, да еще таким знаменитым?

— В этом большая заслуга моих учителей раби Нахума Иш Гам-Зу, раби Иошуа бен Хананья и, конечно же, великого раби Элизера бен Урканоса, которым удалось сделать из меня, грубого и неграмотного пастуха, раввина. Я признателен им за то, что они поверили в меня и дали шанс.

— Ты же был уже совсем взрослым, когда вы с Рахель поженились...

— Да, мне тогда было тридцать пять лет, а учиться я начал в сорок. Тогда я думал, что все в моей жизни в прошлом, но сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что в сорок моя жизнь только началась. Может, люди на моем примере поймут,

что никогда нельзя сдаваться и что, продлевая срок жизни человеческой, Вс-вышний дает нам возможность исправиться и устремить свои силы к исполнению Его воли.

— Ты абсолютно прав, раби Акива, твой поступок заслуживает уважения и наверняка будет служить примером последующим поколениям. Давать людям надежду на будущее, веру в успех.

— Это может показаться смешным, но одно время я остро ненавидел учеников ешив. Сейчас, вспоминая то время, я говорю: «Благодарю тебя, Вс-вышний, что Ты определил мне место среди сидящих в ешиве, а не среди слоняющихся по рынкам».

— Раби Акива, я понимаю, как тебе и Рахель с детьми было тяжело, через что вам пришлось пройти, но с этого дня, уважаемый раби Акива, вы никогда не будете знать нужды. Я, как и обещал, завещаю вам половину своего состояния и прошу вас всех переехать в мое поместье. Мы теперь заживем как одна дружная семья!

— Спасибо, уважаемый Кальба Савуа, но я должен продолжать обучение в своей ешиве в Бней-Браке и предложил семье переехать туда. Кстати, мы только сегодня с Рахель говорили о тебе, она очень скучает и волнуется. Окажи нам честь и посети наше скромное жилище.

— С превеликим удовольствием, — ответил Кальба Савуа, и они отправились к дому раввина.

* * *

Пройдя в дом и увидев на дочери украшение «Золотой Иерусалим», которое она не снимала с самого утра, Кальба Савуа растрогался.

— Рахель, моя Рахель, подойди обними меня, как раньше. Мне все-таки посчастливилось снова встретиться со своей любимой дочерью, со своей маленькой Рахель.

Рахель была растеряна, так как не ожидала встретить отца в компании своего мужа. Она подбежала к отцу и, крепко обняв его, расплакалась.

— Отец, как мне тебя не хватало! Я каждый день думала о тебе и молилась, чтобы мы снова стали одной дружной семьей.

— Но вот мы, слава Б-гу, и встретились. Как ты жила все это время? Ты очень изменилась, стала совсем взрослой, — посмотрев еще раз на дочь, произнес Кальба Савуа.

— Приходилось много работать, но я со всем справлялась. Видишь, как хорошо ты воспитал свою дочь, — улыбнулась Рахель.

— Это по моей вине тебе пришлось пережить такие тяготы...

— Не вини себя, отец. Я совсем не ощущала трудностей и даже не заметила, как пролетело время. Может, в награду за все это теперь исполнились мои самые заветные мечты: Акива стал раввином, и наши дети владеют грамотой с ранних лет. Ну а сегодня для меня особенно важный день — я снова могу видеть тебя, общаться с тобой. Я очень счастлива.

Рахель пригласила отца к столу, но Кальба Савуа сказал, что не голоден и предпочел бы продолжить беседу. Обращаясь к зятю, он спросил:

— Акива, как ты думаешь, какое будущее ждет Иудею? С римлянами удастся договориться?

— Если мы сможем убедить их отменить этот пресловутый декрет, может, останутся шансы для мирного разрешения конфликта. Совсем недавно в составе иудейской делегации я встречался с римским императором, а на прошлой неделе — с римским наместником в Иудее Тинеусом Руфусом, и по их настрою было понятно, что они не собираются идти на компромисс. Если все останется без изменений, то ситуация только усугубится, и это неизбежно приведет к вооруженному

противостоянию. И если римляне одержат победу, народ Иудеи наверняка будет изгнан из страны и рассеян по миру.

— Ты даже рассматриваешь и такое развитие событий?!
— горестно воскликнул Кальба Савуа.

— К сожалению, да. И поэтому свою основную задачу как религиозного деятеля я вижу в том, чтобы, систематизировав, передать Устную Тору своим ученикам. Именно с этой целью я приблизил к себе пятерых из них, которые должны будут сохранить все основные законы Устной Торы для будущих поколений. Если мы этого не сделаем, то та нить, которая связывала иудейский народ с их предками, порвется. И если эта нить порвется, то римляне добьются своей основной цели: такого народа, как иудеи, в будущем существовать не будет.

Только раби Акива закончил фразу, как послышался стук, и хозяин, открыв дверь, сказал:

— Вот, кстати, и они, проходите.

Молодые люди, войдя в дом, засмутились, увидев жену раби Акивы и пожилого человека.

— Раби Акива, мы не вовремя, у вас гости? Мы подождем снаружи, — произнес один из учеников.

— Все в порядке, проходите, располагайтесь. Сегодня у нас знаменательный день — к нам в гости пожаловал отец моей жены, Кальба Савуа.

Услышав, с кем они находятся рядом, ученики заробели перед столь влиятельным и богатым человеком, о котором шла слава как о помогающем беднякам и дающем деньги для ешивот в Иудее.

— Проходите, не стойте в дверях. Я хочу представить вас своему тестю Кальбе Савуа... Вот это Меир, — обращаясь к тестю, представил он первого ученика. — Он обладает уникальной памятью и мудростью. Кальба Савуа, этот парень может по памяти восстановить целые свитки из Танаха! А имя этого молодого

человека, — представил он второго ученика, — Йеуда бен Илай. Это сын известного раввина раби Илая, который с самого детства обучал его Торе. Он также был учеником моих близких друзей — раби Тарафона и раби Ишмаэля бен Элиши... Имя же этого ученика — Йосеф бен Халяфта, он сын раби Халяфты и также его ученик, — указал он на третьего. — А этот молодой человек — Элязар бен Шамуа, — представил раби Акива четвертого. — Он начал постигать Тору у моего учителя раби Йошуа бен Хананья, а затем у моего друга раби Тарафона. У этого парня очень доброе сердце... А вот этого скромного молодого человека зовут Шимон бар Йохай. Несмотря на то что он очень способный, многие не замечают этого из-за присущей ему скромности. Я говорил ему не раз: «Достаточно тебе, что Всевышний и я знаем о твоих силах! Продолжай усердно заниматься, и люди оценят твою мудрость!» На этих ребят я возлагаю большие надежды — на них ляжет большая ответственность. Именно им предстоит проделать огромную работу — отредактировать и, записав, передать основные законы Устной Торы последующим поколениям. Я уверен, что мир еще услышит о них!

Когда раввин представил своих учеников, Кальба Савуа сказал, что не смеет больше злоупотреблять их вниманием, а завтра непременно ждет всех в своем имении к ужину. Раби Акива ответил согласием и, тепло попрощавшись с тестем, направился к ученикам, которые уже расположились за столом и были готовы при тусклом свете свечей записывать за учителем.

В это время, подойдя к отцу и положив голову ему на плечо, Рахель сказала:

— Дорогой отец, пусть раби Акива с учениками работают — не будем их отвлекать. Пойдем со мной, я хочу познакомиться тебя с твоими внуками. Я им много рассказывала, какой у них замечательный и заботливый дедушка — они будут рады встретиться с тобой...

Послесловие

Это художественное произведение повествует о судьбе одного из величайших мудрецов Иудеи всех поколений, раби Акивы (3800–3897 / 40–137 г. н.э.).

В те времена Иудея находилась под властью Римской империи и содрогалась от бесконечных раздоров и смут. В народе все отчетливее были слышны голоса возмущения против притеснений со стороны Рима — постоянное повышение налогов и неуважение римлян к иудейским традициям и святыням переполняли чашу терпения граждан. Ситуация продолжала ухудшаться, непрекращающаяся тирания римлян набирала новые обороты, и в разных концах Иудеи стали вспыхивать локальные конфликты, которые в конечном счете и привели к первому великому восстанию в 3826 году (66 г. н.э.). Поначалу восставшие отважно сражались и даже заставили римские войска отступить. Видя, что ситуация выходит из-под контроля, император Нерон посылает в Иудею Веспасиана, который должен был подавить восстание. Веспасиан успешно справляется с этой задачей, а после того как в 3830 году (70 г. н.э.) его провозгласили императором, он, покинув Иудею, передает командование войсками своему сыну Титу. Римские легионы под командованием Тита подошли к стенам Иерусалима, и 9 ава 3830 года (2 августа 70 г. н.э.), после пятимесячной осады и ожесточенных сражений отборным римским войскам удалось взять город. Войдя в Иерусалим — святой город иудеев, римляне сровняли его с землей и сожгли Второй Храм. Эта катастрофа не остановила народ Иудеи: восстание продолжалось вплоть до 3833 года (73 г. н.э.), пока не пал последний очаг сопротивления — крепость Массада.

Действие книги разворачивается на фоне исторических событий той эпохи. Главный герой, Акива, которому к тому времени исполнилось тридцать пять лет, был далек от иудаизма и не принимал никакого участия в восстании.

Родившийся в семье перешедшего в иудаизм простолюдина Йосефа, предки которого были язычниками, и не получивший никакого образования, в молодости он был простым пастухом. Перебираясь с места на место, Акива везде выполнял тяжелую работу.

Но однажды судьба преподнесла ему удивительный подарок, послав встречу с прекрасной девушкой. Молодая, образованная Рахель была единственной дочерью Кальбы Савуа, богатейшего человека Иерусалима. Эта встреча в корне изменила жизнь Акивы, который влюбился в девушку с первого взгляда. Понимая, что между ними большая разница в возрасте и тем более в социальном положении, он пытается забыть Рахель, но ничего не может с собой поделать. Девушка, видя скромность и добродетельность пастуха, соглашается выйти за него замуж — при условии, что тот начнет изучать премудрости Торы. Отец противится их браку; Рахель же, прекрасно понимая, что будет сложно перевоспитать и обучить грамоте тридцатипятилетнего мужчину, тем не менее настроена решительно. Акива, вне себя от радости, что молодая красивая девушка из богатой семьи согласилась стать женой неграмотного пастуха, готов ради нее на все, но она просит от него только одного — пойти учиться. Кальба Савуа, узнав о решении дочери, выгнал ее из дома, лишив наследства. На первый взгляд поступок Рахель может показаться нелогичным, но мудрая девушки интуитивно чувствовала потенциал, дремлющий в этом человеке, и была полна решимости добиться своей цели. Она верила, что союз с ним долговечен и что они — две половинки одного целого.

В книге повествуется о высоких взаимоотношениях между раби Акивой и его женой Рахель. Эти мудрейшие люди основывались на высоких ценностях и понимании того, что мужчина и женщина созданы разными не только внешне, но и внутренне. Несмотря на то что культурный облик человечества с тех пор значительно изменился, проблемы, с которыми приходится сталкиваться героям книги, по-прежнему стоят и перед нами.

Чтобы понять внутренний мир мужчины и женщины, а также суть взаимоотношений между ними, давайте вернемся к истокам — к тому моменту, когда был создан человек.

Для тщательного рассмотрения вопроса обратимся к Торе.

«И сотворил Б-г человека в его образе, в образе Б-жьем сотворил Он его; мужчиной и женщиной сотворил Он их»*.

Здесь говорится, что Вс-вышний создал первозданного человека, Адама Ришона, с мужским и женским началом. Чтобы лучше понять этот момент, обратимся к книге Зоар**, в которой написано, что изначально Адам Ришон совмещал в себе оба пола, объединенные телом: с одной стороны — мужское, с другой — женское.

Поскольку мужчина и женщина изначально жили в одном теле и составляли единое целое, то и после заключения брака они должны рассматривать себя как единое целое. Из этого следует, что мужчины и женщины должны с уважением относиться друг к другу, не отвечать обидой на обиду, оскорблением на оскорбление. Мудрецы по этому поводу проводят

* Берешит, 1:27.

** Книга Зоар — наиболее значительная книга по Каббале, автором которой является раби Шимон бар Йохай. Раби Шимон бар Йохай на протяжении тринадцати лет был учеником раби Акивы и до сегодняшнего дня считается одним из виднейших еврейских законоучителей. Изучение Зоара в каббале рассматривается как наивысшая ступень в духовном развитии человека.

замечательную аналогию: если человек, разделявая правой рукой яблоко, поранит нечаянно левую, выхватит ли он нож левой рукой и в отместку поранит ли правую?.. И ответ: конечно же, нет, так как это одно тело. Человек осознает, что, поранив и правую руку, он причинит себе еще больший вред. Так и мужчина и женщина: когда они вместе представляют собой одно тело, одно целое, то, причиняя обиду другому, они, не осознавая это, делают больно самим себе.

Несмотря на то что Вс-вышний изначально знал, что впоследствии Адам Ришон будет разделен надвое, Он все же создал его единым. Мудрецы Талмуда объясняют: то, что мужчина и женщина изначально существовали в одном теле, было неспроста — в такой последовательности событий заложен глубокий замысел Вс-вышнего. Он хотел, что-бы в памяти людей сохранилось сознание того, что когда-то они были единым целым, единым организмом.

Но необходимо было разделить мужчину и женщину, чтобы они могли помогать друг другу. «И сказал Господь Б-г: Не хорошо быть человеку одному, сделаю ему подспору соразмерно ему»*. В одном теле они были неспособны одновременно выполнять разные функции: мужчина должен был работать, а женщина — создавать дома уют, готовить еду, помогать ему. Они должны дополнять друг друга, разделив между собой обязанности по хозяйству в зависимости от своих способностей.

Тора учит: именно потому, что человек был создан как единое целое, мужчина должен с уважением относиться к жене и любить ее, как себя. И наоборот. И если супруги будут следовать такому подходу, их отношения поднимутся на новый уровень.

В Зоаре написано, что душа человека изначально едина, а затем бывает поделена на две части. Перед тем как человек

* Берешит 2:18.

приходит в этот мир, Вс-вышний берет целую душу и делит ее пополам: одну часть получает мужчина, другую — женщина. И в будущем они должны встретиться, создать семью и объединить эти две части души в одну, и только в этом случае они смогут называться Адамом, человеком. Об этом сказано в Торе: «Мужчиной и женщиной сотворил Он их. И благословил Он их, и нарек им имя Адам, человек, в день сотворения их»*. Зоар говорит, что, пока мужчина и женщина неженаты, они не могут называться Адамом. И поэтому, по Каббале, день свадьбы более важен, чем день появления человека на свет, потому что рождается он лишь с половиной тела и половиной души и только после женитьбы/замужества обретает единство.

Сущность любви — в стремлении вернуться к своим истокам и стать единым целым. Само слово «аава» («любовь») включает в себе этот смысл: числовые значения его букв дают сумму, равную тринадцати, а это является гематрией** слова «эхад» — «один, един». Любовь — это и есть единство.

Именно о такой любви рассказано в этой книге.

Эта история, описанная в Талмуде, передавалась из поколения в поколение как символ преданности и служения Б-гу. Это рассказ о человеке, который произошел из низов, но, усердно учась и постигая мудрость Торы, стал величайшим мыслителем в своем поколении и последующих веках. Рассказ о том, как этот человек стал учителем и лидером нации. По мере развития главного героя как личности и раввина в книге поднимаются и другие важные вопросы: о необходимости молитв, иллюзорности мира, о том, что все предрешиено, и т. п.

* Берешит 5:2.

** Гематрия — один из методов раскрытия тайного смысла слова путем суммирования значений соответствующих ивритских букв.

Мало кто знает об истинном вкладе раби Акивы в историю иудаизма, о том, что без его участия у иудеев не было бы Устной Торы*. О том, каких высот удалось достичь этому скромному человеку, можно судить хотя бы по тому факту, что он был воспитателем таких известных раввинов, как раби Меир Бааль а-Нес (раби Меир — чудотворец, который составил и записал «черновик» всей Мишны), раби Йосеф бен Халяфта, раби Элизар бен Шамуа, раби Йеуда бен Илай, раби Нехемия (составили и записали основную часть Мидрашей), а также раби Шимон бар Йохай (написал книгу Зоар — основную книгу каббалистической литературы). Многие мудрецы сравнивают раби Акиву не с кем-нибудь, а с Моше рабейну. О нем упоминается практически на каждой странице Вавилонского Талмуда; в соответствии с авторитетным мнением раби Акивы мудрецами были приняты более 350 законов Алахи (еврейского закона).

Однако раби Акива был не только великим раввином, религиозным лидером и учителем, но и вдохновителем восстания Бар-Кохбы против Римской империи, которое вспыхнуло в Иудее в 3892 году (132 г. н. э.). Он отказался следовать римскому декрету, запрещающему под угрозой смерти изучать Тору, и демонстративно обучал учеников на центральных улицах и площадях Иудеи. Римляне решили публично казнить этого высокого духом человека. В 3897 году (137 г. н. э.) раби Акива принял героическую смерть на глазах своих учеников.

* Моше рабейну (Моисей) получил на горе Синай помимо Письменной Торы также и Устную Тору. Законы Устной Торы надо обязательно выполнять, также как и Письменной. Она передавалась из уст в уста. Нужно указать на следующее: Устная Тора дарована нам вместе с Письменной, и не может быть, чтобы они хоть на один миг существовали отдельно. Они обе были даны на Синае и передавались по цепочке поколений изустно, пока не пришло время их записать.

Несмотря на то что палачи долго пытали старца, сдирая с него кожу железными крюками, им так и не удалось сломить его дух — раби Акива и на последнем издыхании произносил молитву «Шма», в которой провозглашается единство Б-га.

Раби Акива похоронен в Твери — городе на северо-востоке Израиля. Этот великий человек оставил в истории иудаизма такой яркий след, что его именем названы улицы в разных городах Израиля, школы, ешивот и даже город — Ор-Акива («Свет Акивы»).

Содержание

Глава 1. Иерусалим! Иерусалим!.....	3
Глава 2. Весенняя гроза	16
Глава 3. Отверстие в большом камне	28
Глава 4. Свет Торы	70
Глава 5. Ешива в городе Явне	108
Глава 6. Все к лучшему.....	149
Послесловие	204

Герцель Давыдов

Акива и Рахель

История великой любви

Текст публикуется в авторской редакции.

Сдано в набор 25.01.2014.

Гарнитура «Таймс».

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Заказ 25.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Научный проезд, 20.

Тел. 8 495 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su

Книга, представленная вниманию читателей, основана на истории высокой любви между раби Акивой и Рахель, описанной в Талмуде. Именно благодаря своей жене Акива сумел преодолеть непростой путь от неграмотного пастуха до одного из величайших раввинов в истории еврейского народа.

Мало кто знает об истинном вкладе раби Акивы в историю иудаизма, о том, что без его участия у иудеев не было бы Устной Торы. Этот выдающийся человек был не только религиозным лидером, вдохновителем восстания Бар-Кохбы против Римской империи, которое вспыхнуло в Иудее в 3892 году (132 г. н. э.), но и великим каббалистом и прирожденным учителем. Среди более двадцати тысяч учеников этого скромного человека были и такие великие раввины, как раби Меир Бааль а-Нес (раби Меир — чудотворец, который составил и записал «черновик» всей Мишны), раби Йосеф бен Халяфта, раби Элязар бен Шамуа, раби Йеуда бен Илай, раби Нехемия (составили и записали основную часть Мидрашей), а также раби Шимон бар Йохай (автор книги Зоар — основной книги каббалистической литературы).

Раби Акива похоронен в Тверии — городе на северо-востоке Израиля. Этот великий человек оставил в истории иудаизма такой яркий след, что его именем названы улицы в разных городах Израиля, школы, сшивот и даже город — Ор-Акива («Свет Акивы»).

www.akiva-rachel.ru